

**МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

**САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ**

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

КАФЕДРА РОМАНО-ГЕРМАНСКОЙ ФИЛОЛОГИИ И ПЕРЕВОДА

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Сборник научных статей
по итогам I Всероссийской (национальной)
научной конференции с международным участием**

Санкт-Петербург

18-19 марта 2025 г.

**ИЗДАТЕЛЬСТВО
САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ЭКОНОМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
2025**

ГРНТИ 16.21.00

ББК 81

P69

- P69 **Романо-германская филология в современном мире : сборник научных статей по итогам I Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием 18–19 марта 2025 г. – СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2025. – 209 с. – EDN : XEDOND.**

ISBN 978-5-7310-6672-3

Сборник подготовлен по итогам I Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, состоявшейся на базе кафедры романо-германской филологии и перевода Гуманитарного факультета СПбГЭУ 18–19 марта 2025 г.

Romano-Germanic philology in the modern world : a collection of scientific articles based on the results of the I All-Russian (national) scientific conference with international participation on March 18-19, 2025. – St. Petersburg : Publishing House of St. Petersburg State University of Economics, 2025. – 206 s.

This collection was prepared following the results of the I All-Russian (National) scientific conference with international participation, held on the basis of the Department of Romano-Germanic Philology and Translation of the Faculty of Humanities of St. Petersburg State University of Economics on March 18-19, 2025.

SRSTI 16.21.00

LBC 81

Редакционная коллегия: зав. кафедрой романо-германской филологии и перевода д-р филол. наук **Ю.Г. Тимралиева;** д-р филол. наук, профессор кафедры романо-германской филологии и перевода **С.Л. Фокин**

Ответственный редактор: канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода **Н.М. Малеева**

Рецензенты: зав. кафедрой английской филологии и перевода д-р филол. наук, профессор **Е.А. Нильсен;** канд. филол. наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода **Н.В. Голотвина**

Editorial team: Dr. Philol. Sciences, Head of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation **Yu.G. Timralieva;** Dr. Philol. Sciences, Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation **S.L. Fokin**

Responsible editor: Ph.D. Philol. Sciences, Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation **N.M. Maleeva**

Reviewers: Dr. Philol. Sciences, Head of the Department of English Philology and Translation **E.A. Nilsen;** Ph.D. Philol. Sciences, Associate Professor of the Department of Romance-Germanic Philology and Translation **N.V. Golotvina**

ISBN 978-5-7310-6672-3

© СПбГЭУ, 2025

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

Богословская С.А. К вопросу об изучении экологического дискурса как объекта лингвистических исследований	7
Большакова Т.М. Особенности реализации межсубъектной диалогичности в немецком школьном административно-нормативном дискурсе	9
Верезубова Е.Е., Камышанская П.Ю. Французский язык в области права: традиции и современные тенденции	13
Внук Т.В. Параформулы как объекты междисциплинарных исследований (на материале немецкого и русского языков)	17
Дудина А.М., Красова А.О. Прагматический потенциал метафоры во французском политическом медиа дискурсе	21
Езан И.Е., Ковтунова Е.А. Лингводискурсивная характеристика салиентных политических предложений (на материале немецкого языка)	25
Ивлиева Е.А. Невербальные способы выражения эмоций в испанском интернет-дискурсе (на материале социальных сетей)	29
Корышев М.В. Применение делты Бёрроуза для реконструкции истории немецкого католического церковного гимна как литературного жанра	34
Кудинова Ю.И. Жанр политических дебатов и его место в системе политических жанров	37
Павлова К.А. Жанрообразующие параметры спортивной аналитической статьи	40
Решетняк Н.В., Андреева В.И. Метафоричность во французском гастрономическом дискурсе	44
Теплыгина И.М. Типы речевых действий вступительного собеседования как лингвокультурного скрипта	47
Шипова И.А. Стратегия реализации модальной семантики в политическом дискурсе (на материале речей депутатов Бундестага) .	51

РАЗДЕЛ II. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

Грошкова И.А. Особенности ассоциативной составляющей концепта GLORY	55
Казачкова Ю.А. Вербализация метафоры «MEDICINE IS A THEATER» в романе Дэниела Мейсона «The Winter Soldier»	58

Капилупи С.М. Слова о гендере в библейской традиции и современном восприятии: русско-итальянское лингвистическое и культурологическое сравнение	61
Ломоносова А.Л., Шнайдер Ф.Г. Stereotype und ihre Rolle in der interkulturellen Geschäftskommunikation	66
Михайлова Е.Н. Коммуникативное пространство старинной ярмарки в зеркале словаря-разговорника XVI века	70
Николаев В.О. Вербализация концепта TRUST в произведениях Дж. Чосера	74
Овчинникова Г.В. Лингвокультурологический подход к паремиологии (на примере толстовских паремий во французских, итальянских и немецких переводных текстах)	77
Фомкин М.С. Концепт ORDNUNG в языковой картине мира немецкого народа	80
Ходинская М.В. Образы легендарных городов в геобиографиях второй половины XX-XXI веков	84
Шнайдер Ф.Г. Zur Bedeutung und Auswirkungen von Stereotypen in der Gesellschaft	87
Ястребова Ю.В., Смирнова А.Д. Le français comme phénomène linguistique et culturel en Russie au XIXe siècle	91

РАЗДЕЛ III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бирр-Цуркан Л.Ф. Устойчивые формулы в частной переписке Хэлены фон Шалленберг (1561-1597)	95
Боярская Т.Ю. Функциональное значение приложений в эссе П. Мериме «Эпизод из истории России. Лжедмитрий»	99
Виейра Лениа A Literatura Portuguesa Contemporânea	101
Горбовская С.Г. «Видение розы» Б. Ахмадулиной: аффективно-эмпативное погружение в дискурсивное поле творений Т. Готье и М. Фокина	105
Кириченко В.В. Близкие автофикационности формы письма в современной французской литературе	109
Клименок А.В. Шарль Бодлер в русской культуре: итоги и перспективы исследования	113
Машко И.К. Типы атрибутивных конструкций в среднеанглийской поэзии	116
Нильсен Е.А., Чиченина М.И. Особенности репрезентации глаголов движения в англосаксонской поэзии	120
Семенихина М.В. Образ памяти в стихотворном цикле Ф.Г. Томпсона «Love in Dian's Lap».....	124

Фокин С.Л. Декаданс в Европе: методологическое введение	127
Фокин С.Л., Пименова Е.С. История одного лодочника: психопоэтика новеллы «На воде» Ги де Мопассана	130
Хэ Цзяфу Образ идеальной женщины в творчестве Ч. Диккенса (на примере романа «Крошка Доррит»)	133

РАЗДЕЛ IV. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ, ЛЕКСИКОГРАФИИ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

Видишева С.К., Ситникова Т.В. Влияние компьютерной терминологии на стратегию и тактику коммуникативного поведения.....	137
Войлокова Е.А. Неологизмы английского языка как отражение современности	141
Лузянин В.В., Котюрова И.А. Диффузность значений многозначных слов на примере английских словарей	144
Малеева Н.М., Васильева А.В. Особенности немецкоязычной косметологической терминологии	148
Мацугина Е.Ю. Использование корпуса News on the Web для отбора и анализа японизмов в английском языке.....	151
Палехова О.В., Трембач П.А. Аллюзии в немецком рейтинге «Слово года».....	154
Спиридонова Н.С., Султанова А.З. Проблема использования функциональной замены при переводе реалий (на примере французской легенды Le Sotré)	156
Суслова Е.Г., Теплякова А.А. Особенности перевода немецкоязычных стенап-выступлений на экономическую тематику	160
Тимралиева Ю.Г., Кивкуцан А.В. Анализ машинного перевода сложноподчиненных предложений с немецкого на русский язык в технических текстах	163
Фрейдсон О.А., Краснова Е.Н. Неологизмы и лексическое творчество во французском языке	167
Фрейдсон О.А., Сабурова А.Г. Когда французский спорт говорит по-английски: к вопросу об англицизмах во французском языке	170
Храбрых Р.А., Рудевич С.Д. Специфика перевода с немецкого на русский язык экономических терминов в сфере инвестиций	173

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

Антонова К.Н., Горохова Н.Э., Маевская В.А. Развитие навыка осознанного восприятия информации в профессионально ориентированном тексте	177
---	-----

Гуль Н.В. Использование аутентичных материалов на занятиях по немецкому языку на гуманитарных факультетах	181
Елистратова Е.Н. Использование интерактивных методов обучения иностранным языкам	183
Круглова Л.В., Лялина П.Ю. Преподавание дисциплины «Иностранный язык» в контексте компетентностно-деятельностного подхода	186
Полякова Н.В. Формирование переводческой компетентности у обучающихся на занятиях и во внеаудиторной деятельности	190
Селезнева И.П., Майер А.С. Камишибай-театр как средство развития иноязычных речевых навыков студентов вуза	193
Федюковская М.Г. Психологические аспекты формирования иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции	196
Федюковский А.А. Лингвистические и лингводидактические аспекты формирования иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции	200
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	204

РАЗДЕЛ I. ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА И ДИСКУРСА

УДК 81'22

С.А. Богословская,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, sonkabogos@gmail.com

К вопросу об изучении экологического дискурса как объекта лингвистических исследований

В статье рассматривается проблематика взаимных отношений между понятиями «экология» и «язык», а также вопрос истории изучения экологического дискурса в лингвистике и смежных науках.

Ключевые слова: экологический дискурс, эколингвистика, дискурс, языкознание, лингвоэкология, экологизация

Человек, находясь в контакте с окружающей средой, формирует экологическую картину мира посредством органов чувств, абстрактного мышления и языка. Несмотря на то, что взаимосвязи между природой и человеком устанавливались на протяжении всей человеческой истории, термин «экология» был введен только в 1866 году в работе немецкого ученого Э. Геккеля «Общая морфология организмов», где он определил её как науку, изучающую взаимоотношения живой и неживой природы [3].

В течение двух веков экология рассматривалась как раздел биологии, описывающий отношения живых организмов с окружающей средой, однако во второй половине XX века термин «экология» стал мыслиться как наука, занимающаяся охраной живых организмов и окружающей среды от антропогенных факторов. На сегодняшний день результаты развития научно-технического прогресса привели к колossalным последствиям (таким как глобальное потепление, загрязнение, истощение ресурсов и т.д.), которые потенциально опасны не только для окружающей среды, но и для самого человека. Ответом на это стала экологизация современной науки, внедрение идей сохранения природы и устойчивой окружающей среды стало распространяться в политической и социальной сферах, средствах массовой информации и научных трудах. В данных условиях роль экологического дискурса начала приобретать все большую значимость.

Как предмет научного исследования экологический дискурс рассматривается в различных науках, таких как философия, психология, социология и других дисциплинах. Одним из основных понятий, рассматриваемых исследователями, является «экологическое сознание». С точки зрения пси-

хологии и философии рассматривается процесс его формирования у человека, социологии – его влияния на решение экологических проблем. С лингвистической же точки зрения «экологическое сознание» интересно тем, что язык, как материальное воплощение сознания, может служить ключом к пониманию сути данного явления [3].

В 1970 году Эйнар Хауген опубликовал доклад «Экология языка», который положил начало новому научному направлению – эколингвистике, объектом исследования которой является взаимодействие между языком, человеком как языковой личностью и окружающей его средой [2]. Далее последовали работы таких учёных, как Харальд Хаарман, который выделил экологические переменные, определяющие языковое поведение (к ним он отнес демографические, социальные, политические, культурные, психические, интеракционные и лингвистические). Примерно в то же время Алвин Филл первым ввел четкую терминологию для разных областей эколингвистики. Им были выделены следующие области:

эколингвистика – общий термин для всех областей исследования, которые объединяют экологию и лингвистику;

экология языка – исследует взаимодействие между языками с целью сохранения языкового многообразия;

экологическая лингвистика переносит термины и принципы экологии на язык (например, понятие экосистемы).

Майкл Халлидей в своей работе 1991 года формулирует вопрос, ставший одним из основных в рассматриваемой проблеме, о том, насколько языковые структуры и высказывания языковых личностей способны участвовать в решении экологических проблем путем их осознания и представления широкой публике [3]. Также стоит упомянуть труды зарубежных ученых, как Дв. Болингер, П. Мюльхайслер, У. Хасс-Цумкер, труды которых стали теоретической базой дальнейших исследований, посвящённых проблеме эколингвистики.

В российском языкоznании эколингвистике посвящены научные труды, среди которых можно назвать монографии Л. А. Брусенской, Д. В. Ефременко, Е. В. Ивановой, Э. Г. Куликовой, В. Ф. Нечипоренко, диссертационные исследования Ю. Ю. Колесникова, Н. А. Красильниковой, А. А. Лагутиной, З. И. Ломининой, А. В. Созинова и других.

Библиографический список

1. Брусенская Л. А., Куликова Э. Г. Экологическая лингвистика: монография / Л.А. Брусенская, Э. Г. Куликова // Москва: Флинта; Наука, 2018. – 182 с
2. Ефременко Д. В. Эколого-политические дискурсы. Возникновение и эволюция / Д. В. Ефременко // Москва: ИНИОН РАН, 2006. – 285 с.

3. Зайцева А.В. Формирование экологического сознания как основы экологической картины мира (на примере экологического дискурса ФРГ) / А.В Зайцева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2021. – Том 14 (Выпуск 9). – С. 2754-2761.

S.A. Bogoslovskaia,
St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, sonkabogos@gmail.com

On the issue of studying ecological discourse as an object of linguistic research

The article examines the problematic of the mutual relations between the concepts of “ecology” and “language”, as well as the issue of the history of the study of environmental discourse in linguistics and related sciences.

Key words: *ecological discourse, ecolinguistics, discourse, linguistics, linguoecology, ecologization*

УДК 811.112.2

Т.М. Большаякова,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, tmbolshakova@herzen.spb.ru

Особенности реализации межсубъектной диалогичности в немецком школьном административно-нормативном дискурсе

В работе рассмотрены особенности реализации межсубъектной диалогичности в разножанровых монологических текстах административно-нормативного дискурса немецких школьных учреждений. Показано, что диалогичность исследуемых текстов является результатом использования тактики диалогизации.

Ключевые слова: *административно-нормативный дискурс, школьный дискурс, диалогичность, диалогизация, квазидиалогичность*

Целью исследования является рассмотрение особенностей реализации межсубъектной диалогичности в жанрах, формирующих административно-нормативный дискурс немецких общеобразовательных учреждений различных типов. Объектом исследования выступают типологически разные административно-нормативные тексты, отобранные автором в 2024-2025 годах на веб-сайтах немецких учебных заведений. Эмпирический материал представлен 70 текстами таких жанров, как правила поведения в школе, правила внутреннего распорядка для учащихся, правила поведения в школьном здании, правила поведения в различных помещениях школьного здания, правила использования различного оборудования и др.

Статусно маркированные субъект-субъектные отношения, связывающие агентов учебных заведений (школьную администрацию и педагогов) и их клиентов (учащихся и их родителей или опекунов), получают в административно-нормативном дискурсе особое языковое выражение, обусловленное стратегическими задачами школы как института передачи знаний и социализации. Функционирование данного института предполагает создание и поддержание организационно-правовых условий для бесконфликтного и безопасного осуществления учебно-воспитательного процесса. Нормы поведения в учебных заведениях составляют содержательный аспект дискурсивной стратегии побуждения к нормативным действиям, находящей свое выражение в текстах нормативных жанров. При этом важнейшим признаком значительного числа административно-нормативных текстов регулятивного характера выступает межсубъектная диалогичность, определяемая как «выражение в тексте средствами языка взаимодействия общающихся, понимаемого как соотношение смысловых позиций, как учет реакций адресата» [3, с.45].

Межсубъектная диалогичность исследуемых текстов рассматривается в настоящей работе как языковое отражение ориентации на адресата в процессе коммуникативного взаимодействия различных субъектов школьной жизни, представляющих социально-правовую диаду антропоцентров «нормоотправители (агенты учебного заведения)» и «субъекты нормы (клиенты учебного заведения или посторонние лица)». Межсубъектная диалогичность является в административно-нормативном дискурсе результатом реализации тактики диалогизации – намеренного наделения монологической речи чертами диалога, экспликации речевого взаимодействия коммуникантов [4, с. 89-90]. Тактика диалогизации используется нормоотправителями с целью создания общего коммуникативного пространства, сближения позиций адресантов и адресатов, установления доверительных отношений, устранения условий для гипотетического сопротивления адресатов выдвигаемым требованиям и др. При этом необходимо подчеркнуть, что диалогичность, реализующаяся в школьном административно-нормативном дискурсе, для которого характерно «отсутствие непосредственной обратной связи в реальном коммуникативном формате» [5, с. 84], является одной из форм квазикоммуникации и может трактоваться как межсубъектная квазидиалогичность. Она реализуется в рамках коммуникативно-прагматической программы адресантов по прогнозированию и предвосхищению [2, с.17] возможных ответных реакций адресатов.

Стремление адресантов вовлечь адресатов в процесс формирования общих ценностных смыслов и реализации общего механизма создания нор-

мативно обусловленной социальной среды воплощается в исследуемых текстах посредством ряда приемов и соответствующих языковых средств, поддерживающих тактику диалогизации, например:

- прием установления контакта с реципиентами с помощью обращения, конкретизирующего круг предполагаемых адресатов – субъектов нормы, включаемых в процесс институционального взаимодействия: *Liebe Schülerinnen und Schüler, sehr geehrte Erziehungsberechtigte*;
- прием вовлечения адресатов в совместную деятельность в качестве партнеров: *Liebe Schülerinnen und Schüler, in unserer Schule kommen viele Menschen zusammen, um gemeinsam zu lernen und einen großen Teil des Tages zu verbringen*;
- прием сближения тезаурусов как основы для адекватного восприятия текста с помощью слов из детского лексикона: *Wirst du weiter belästigt, berichtest du deinem/r Lehrer/in darüber (das gilt nicht als Petzen)*;
- прием солидаризации агентов с клиентами как предвосхищение несогласия адресата с выдвигаемыми требованиями: *Aller Anfang ist schwer – sich an einer neuen Schule zurechtzufinden ebenso; Leider hat die Stadt Kassel für Sie keine Parkmöglichkeiten geschaffen*;
- прием предвосхищения сомнения адресата в серьезности нормативной интенции адресантов в форме аргументов: *Hygiene: Im Speichel sind Krankheitserreger – deshalb: Spucken verboten!* (подробнее см.: [1]);
- прием пояснения или уточнения в рамках прогнозирования возможного запроса со стороны адресата: *Nach dem Unterricht hinterlassen alle Schülerinnen und Schüler den Unterrichtsraum in ordentlichem Zustand. Das heißt: Tische und Stühle ausrichten, Fenster schließen, Tafelseiten wischen, Active-Boards ausschalten, Abfälle beseitigen und ggf. Mülleimer leeren, Licht ausschalten*;
- прием побуждения к коммуникативной деятельности по итогам интерпретации текста с помощью императивных предложений: *Bei Unklarheiten oder Fragen wenden Sie sich bitte an Ihre Klassenlehrerin bzw. Ihren Klassenlehrer, Ihre Abteilungsleitung oder an die Schulleitung*;
- прием имитации диалога, гипотетически инициируемого адресатом, с помощью вопросов: *Wo bekomme ich Hilfe?*;
- прием имитации диалога с прогнозируемой положительной ответной реакцией адресата на задаваемый адресантом вопрос: *Möchtest du dich an der Realschule Gummersbach-Hepel wohl fühlen? Dann gehe bitte höflich, hilfsbereit, rücksichtsvoll und gewaltfrei mit allen Personen um!*;
- прием «выражение благодарности» как ответ на предполагаемый положительный результат интерпретационной деятельности адресатов: *Wir danken für Ihr Verständnis und Ihre Unterstützung*.

Подводя итог вышеизложенному, необходимо констатировать, что межсубъектная диалогичность выступает важным коммуникативно-прагматическим свойством административно-нормативного дискурса. Создавая дискурс, устанавливающий нормативные границы социального взаимодействия в институциональном пространстве учебных заведений, нередко существенно ограничивающие и сужающие повседневную активность, и потребности учащихся, адресанты-нормоотправители имеют возможность с помощью различных приемов диалогизации создавать условия для смягчения или устранения предполагаемого сопротивления нормам со стороны адресатов.

Библиографический список

1. Большакова Т.М. Аргументативное пространство педагогического нормативного дискурса (на материале немецкого языка) / Т.М. Большакова // Международный информационно-аналитический журнал «Crede Experto: транспорт, общество, образование, языки». – 2022. – № 2 (33). – С. 91-108.
2. Дускаева Л.Р. Диалогическая природа газетных речевых жанров. Под ред. М.Н. Кожиной / Л.Р. Дускаева. – СПбГУ: Филол. фак-т, 2012. – 274 с.
3. Дускаева Л.Р. Диалогичность речи (письменной) / Л.Р. Дускаева // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. – М.: ФЛИНТА, 2019. – С.45-53.
4. Матвеева Т.В. Полный словарь лингвистических терминов / Т.В. Матвеева. – Ростов-на-Дону: Феникс. – 2010. – 562 с. – (Серия «Словари»).
5. Черничкина Е.К., Лунева О.В. Псевдокоммуникация vs квазикоммуникация / Е.К. Черничкина, О.В. Лунева // Вестник РУДН. Серия Лингвистика. – 2016. – Том 20, № 2. – С.77-90.

T.M. Bolshakova,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg, Russia, tmbolshakova@herzen.spb.ru

Features of the implementation of intersubjective dialogicity in the administrative and normative Discourse of the German school

The paper considers the features of the implementation of intersubjective dialogicity in multi-genre monologue texts of the administrative-normative discourse of German school institutions. It is shown that the dialogical nature of the texts under study is the result of the use of dialogization tactics.

Keywords: administrative-normative discourse, school discourse, dialogicity, dialogization, quasi-dialogicity

УДК 81'373.43

Е.Е. Верезубова,Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, c_verezubova@mail.ru**П.Ю.Камышанская,**Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, sunnypoll04@mail.ru

Французский язык в области права: традиции и современные тенденции

В статье рассматривается роль и основные характеристики юридического французского языка, который на протяжении долгого времени сохранял традиционный и консервативный характер. Меняясь вместе с обществом и приспосабливаясь к его потребностям, юридический французский язык вбирает в себя новые тенденции, которые представляют интерес для переводчиков и рассматриваются авторами статьи.

Ключевые слова: юридический язык, консерватизм, стилистические черты, «ясный» язык, инклюзивность

Юридический язык представляет собой не только стройную логичную систему, но и отражает культурный и ценностный контекст общества, в рамках которого он функционирует. Разнообразие юридических языков в мире подчеркивает, что каждое государство имеет собственную правовую культуру, для которой предусмотрен собственный язык права [4].

Для французского языка правовой текст стал, пожалуй, первым функциональным стилем: со времен Ордонанса Виллер-Котре (1539 год) юридические и административные тексты составлялись на французском или, что немаловажно, на местном региональном языке, поскольку во Французском королевстве наблюдалось сосуществование разнообразных диалектов: «dorese navant tous les procès criminels et les enquêtes seront faictz en françois ou a tout le moins en vulgaire dudit pays (отныне все судебные процессы и расследования будут составляться на французском языке или, по крайней мере, на языке соответствующей местности (перевод наш)» [3]. Пять веков спустя на Ордонанс Виллер-Котре все ещё регулярно ссылаются в постановлениях Государственного совета и Кассационного суда. Этот указ является старейшим действующим французским юридическим текстом, наряду с Декларацией прав человека и гражданина [3]. Изначально язык права должен быть понятным (*intelligible*). Именно с этой целью в Ордонансе упоминаются «местные языки», поскольку именно ими пользовалась большая часть населения Франции. С тех пор юридический язык раз-

вивается и изменяется, подчиняясь внутренней эволюции языка и отражая изменения общественного и административного порядка. Однако язык права сохраняет консервативный и традиционный характер. К примеру, на протяжении веков в уголовном кодексе (*Code pénal*) практически неизменными остались стиль и синтаксис статей, изменения коснулись лишь некоторых терминов. Так, термин «*procureur de l'Empire*» со временем заменил термин «*procureur du Roi*», а затем на его место пришел «*procureur de la République*» [1, с. 160].

Одним из документов, который является своеобразной вехой в развитии французского юридического языка, является Кодекс Наполеона (или Гражданский кодекс, *Code civil*). Он был обнародован 21 марта 1804 года, и представлял собой тщательно составленный Кодекс гражданских законов, который было легко интерпретировать. Таким образом, письменно зафиксированное право стало преобладать над обычаями.

Для реализации проекта потребовалось почти четыре года. Этот кодекс был первым в длинной серии, касающейся гражданского права, коммерческого права и уголовного права [2]. Текст Гражданского кодекса стал образцом формы, логичности и краткости фраз, точности терминов и эстетики изложения. Некоторые писатели, например, Стендаль, стремились усовершенствовать свой стиль, регулярно читая статьи Гражданского кодекса [4]. Составителям Кодекса удалось ясно и убедительно изложить правила, регулирующие французское общество после революции. Проанализировав статьи Кодекса Наполеона, можно выделить несколько особенностей, характерных для юридического языка. Одна из них – особый, специфичный словарь. Например, *officier de l'état civil* (служащий, ведающий актами гражданского состояния) или *comparant* (сторона (присутствующая в суде)). В статье 302: «*La séparation de corps entraîne toujours séparation de biens*», выражение *la séparation de corps* обозначает *раздельное проживание супругов* [2].

В грамматике следует обратить внимание на использование будущего времени (*Futur simple*) в значении обобщающего настоящего: «*L'acte de naissance énoncera le jour, l'heure et le lieu de la naissance, le sexe de l'enfant, les prénoms qui lui seront donnés...*» (В свидетельстве о рождении указывается день, время и место рождения, пол ребёнка, данное ему имя...). Некоторые выдержки из Кодекса кажутся довольно живописными: *les îles et atterrissement, les récoltes pendantes par la racine, le testament mystique*. Глаголы также метафоричны. Например, требования, долги *s'éteignent* (гаснут) и *revivent* (возрождаются), срок давности *court* (истекает) [2]. Таким образом, можно отметить, что в Гражданском кодексе достаточно много образных выражений, которые придают ему определенную эстетику, при этом

николько не портят его правовой смысл. Здесь появляются специализированные термины, образованные посредством семантического словообразования. К примеру, лексемы *absence* (отсутствие), *aliments* (продукты питания), *appel* (вызов), *arrêt* (остановка) приобретают терминологическое значение: лексема *absence* обозначает без вести пропавшего человека, *arrêt* означает решение, вынесенное гражданскими судами более высокой инстанции, и т.п. [2].

Язык права считается «языком профессионалов», «языком власти», а тексты, насыщенные терминологией и длинными сложными фразами, с трудом поддаются интерпретации. Однако, поскольку сегодня с правовые тексты становятся частью повседневной жизни каждого, эту «герметичность» необходимо преодолевать. Современной тенденцией стало появление «ясного языка» (франц. *langage clair*, англ. *plain language*) в области права, языка, доступного обычным пользователям (специалисты рекомендуют не путать его с языком FALC («facile à lire et à comprendre», упрощенным вариантом языка, предназначенным для людей, имеющих проблемы с восприятием речи). Среди принципов «ясного языка»: адаптация сообщения под потребности получателя, построение четкой структуры высказывания, устранение излишне сложного синтаксиса, четкое представление составных частей документа (абзацы, графики, таблицы и пр.) [5, с. 975], однако эти принципы применимы с учетом типа текста и ситуации. Вот, к примеру, версии договора аренды, составленного на «обычном» языке права, и на «ясном языке» [5, с. 990].

Оригинальная версия	Версия на «ясном языке»
Ledit locataire convient de ce qui suit et il s'engage à ne pas exploiter un autre commerce ni d'en permettre l'exploitation dans les lieux qui font l'objet du présent bail sous un autre nom que celui dudit locataire énoncé aux présentes ni d'appeler ou de permettre à quiconque d'appeler les lieux qui font l'objet du présent bail ou le commerce qui y serait exploité par tout autre nom que celui-ci, sans le consentement écrit du locataire reçu et obtenu au préalable	You ne devez pas exploiter votre commerce ni en permettre l'exploitation dans les lieux visés par ce bail sous un autre nom que le vôtre (énoncé au bail) sans avoir obtenu au préalable notre consentement écrit.

Мы видим, что «ясный» язык обращается непосредственно к собеседнику, избавлен от тяжелых традиционных конструкций и, в итоге, оказывается «эффективным», «продуктивным», поскольку воспринимается гораздо легче и быстрее.

Еще одна черта современного французского языка права, – «инклюзивность» в отношении феминитивов. Эта тенденция активно внедряется, поскольку отмечается, что женщины становятся более «вовлеченными»,

лучше и быстрее реагируют, когда к ним обращаются напрямую. Таким образом, инклузивность в текстах из области права не только отражает социальные тенденции, но и имеет прагматическую направленность. Вот несколько примеров такого письма: *droits humains* вместо *droits de l'Homme*, *les délégué·e·s, cher·e·s lecteur·rice·s*.

Как видим, французский язык права имеет долгую традицию, характерные черты и своеобразную эстетику. Являясь языком власти, он обладает неким мистицизмом и торжественностью. Однако, как и все сферы функционирования языка, язык права также приспосабливается под потребности общества, становясь эффективным, прагматичным и доступным для понимания широкому кругу людей.

Библиографический список

1. Гаврилов Л.А, Зарипов Р.И. Стилистика французского языка / Л.А.Гаврилов, Р.И.Зарипов. Москва: Флинта, 2022. – 292 с.
2. Broglie Gabriel de. La langue du Code civil [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.academie-francaise.fr/sites/academie-francaise.fr/files/broglie-code_civil.pdf (Дата обращения: январь 2025).
3. Leclerc Jacques. Histoire de la langue française [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.axl.cefan.ulaval.ca/francophonie/histlngfrn.htm> (Дата обращения: февраль 2025).
4. Moreau M. Langue et culture appliquées au droit contemporain. M.Moreau // Quelles perspectives pour la langue française ?, édité par Françoise Argod-Dutard, Presses universitaires de Rennes, 2004.
5. Roy S. (2013). Le langage clair en droit : pour une profession plus humaine, efficace, crédible et prospère! / S.Roy // Les Cahiers de droit, 54(4), P.P. 975–1007.

E.E. Verezubova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, c_verezubova@mail.ru

P.Yu. Kamyshanskaya,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, sunnypoll04@mail.ru

French language in the field of law: traditions and modern trends

The article examines the role and main characteristics of legal French, which has retained a traditional and conservative character for a long time. Changing with society and adapting to its needs, legal French incorporates new trends that are of interest to translators and are considered by the authors of the article.

Keywords: legal language, conservatism, stylistic features, "clear" language, inclusiveness

Т.В. Внук,
Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь, vnouktati@yandex.ru

Параформулы как объекты междисциплинарных исследований (на материале немецкого и русского языков)

В статье рассматриваются параформулы (формулы-близнецы, парные сочетания слов) как объекты исследований в области синтаксиса, семантики, стилистики, лингвокультурологии, фонетики, прагматики). Подобные междисциплинарные пересечения способствуют всестороннему глубокому проникновению в язык и культуру этноса.

Ключевые слова: параформулы, фразеология, структурно-семантические особенности, эквиваленты

Параформулы (парные сочетания слов, формулы-близнецы) – одна из самых интересных и наименее исследованных страниц фразеологии. В советской фразеологии лишь немногие исследователи выделяли их в своих классификациях. Так, В.Н. Телия относит их к идиомам, поскольку параформулы выступают как целостные по номинативной и структурно-семантической организации знаки [2, с. 59]. А.В. Кунин также считал их частью идиоматики, так как значение параформул представляет собой семантически неразложимое целое [1, с. 53]. Согласно структурно-семантической классификации ФЕ немецкого языка И.И. Чернышевой, параформулы относятся к фразеологическим единствам. Параформулы – фразеологизмы с целостным значением, возникающим в результате семантического преобразования сочинительных словосочетаний, состоящих из двух однородных слов, относящихся к одной части речи [3, с. 60]. В немецкой фразеологии структурные особенности данных единиц подробно рассматриваются в коллективной монографии под редакцией Х. Бургера, Д.О. Добровольского и др. [5, с. 161].

Благодаря своим структурно-семантическим, стилистическим, фонетическим характеристикам параформулы значительно отличаются от других фразеологических единиц. В данной статье на примере 600 параформул (по 300 в каждом языке) демонстрируются возможности междисциплинарного изучения параформул.

Структурно-синтаксический анализ отобранных единиц позволил установить преобладание субстантивных параформул в обоих языках (58% в немецком и 66% в русском), за ними следуют вербальные параформулы (18% и 9% соответственно). На третьем месте в немецком языке адъективные параформулы (15%), а в русском – адвербиальные (13%). Немногочис-

ленны параформулы с числительными, местоимениями, субстантивированными предлогами, междометиями (*ab und zu* ‘время от времени’, *вокруг да около, ни два, ни полтора, один к одному, все и вся*).

Наиболее частотным средством соединения компонентов в обоих языках является союз *и/und* (94% параформул немецкого языка и 38% – русского языка). В немецком языке компоненты параформул также соединяются при помощи союза *oder* ‘или’ (*über kurz oder lang* ‘рано или поздно’), *von...bis* ‘с...до’ (*von Kopf bis Fuß* ‘с головы до ног’), *über* ‘через’ (*Hals über Kopf* ‘сломя голову’), *um* ‘вокруг’ (*Zug um Zug* ‘постепенно’), двойного союза *weder...noch* ‘ни...ни’ (*weder Salz noch Schmalz* ‘ни капли’) и др. Компоненты русских параформул могут соединяться союзами *и...и*, *да, или, ни...ни* (*и зимой и летом, рожки да ножки, рано или поздно, ни ложки ни плошки*), предлогами *с...до, от...до, из...в* (*от корки до корки, с головы до ног, изо дня в день*) и др. Наблюдается и бессоюзная связь компонентов при помощи дефиса (*landauf-landab* ‘повсюду’, *любо-дорого, молодо-зелено*).

Компоненты вербальных параформул в большинстве своем употребляются в форме инфинитива в обоих языках (*zotteln und zuckeln* ‘вести себя беспокойно, ни пройти, ни проехать’). Однако встречается и формы причастия II (*verzerrt und verzogen* ‘искаженный’), повелительного наклонения (*ищите и обрящете*), настоящего времени для 3-го лица единственного числа (*ни шьет, ни порет*), страдательного залога (*не пито не едено*).

Компоненты адъективных параформул в обоих языках могут быть как в полной, так и в краткой форме. Иногда встречаются субстантивированные прилагательные (*hieb- und stichfest* ‘неуязвимый’, *im Großen und Ganzen* ‘в целом’, *Jung und Alt* ‘стар и млад’, *белый и пушистый*).

Однако структурный анализ невозможен без семантического, в рамках которого были выделены синонимы и антонимы в их составе параформул (*zeitlich und ewig* ‘временно и вечно’, *Zucker und Zimt* ‘сладкое и пряное’, *das Für und Wider* ‘за и против’, *в горе и в радости, добро и зло, направо и налево*), синонимичные варианты некоторых парформул (*Sünde und Schande* ‘стыд и срам’, *Schmach und Schande* ‘стыд и позор’), а также определены тематические группы, к которым относятся компоненты параформул. Наиболее многочисленные группы: соматизмы, колоремы, предметы быта. В 73% параформул компоненты относятся к одной тематической группе (*Gift und Galle* ‘рвать и метать’, букв. ‘яд и желчь’, *hin und her* ‘взад и вперед’).

Исследование семантики, в свою очередь, напрямую связано со стилистикой. Среди анализируемых параформул имеются как книжные, так и разговорные. В составе первых есть компоненты высокого стиля (*in Rapuse*

und Raub ‘в разбоях и грабежах’, *благ и праведен*), в составе вторых – сниженная лексика (*ни к ногтю ни к рылу*; *Himmel, Arsch und Zwirn* ‘ко всем чертям, Проклятье!’).

Не все параформулы имеют эквиваленты в другом языке, поскольку, во-первых, наблюдается разная сочетаемость компонентов при сравнении параформул немецкого и русского языков (*durch dick und dünn* – сквозь огонь и воду, *Blitz und Hagel* – гром и молния). Во-вторых, некоторые параформулы контаминируют реалии. Так, например, в параформуле *ни в дудочку, ни в сопелочку* компонент *сопелочка* обозначает старинный музыкальный инструмент.

Среди реалий имеются также историзмы и архаизмы: компоненты *Fährde* ‘опасность’, *Gnade* ‘благодать, милость’, *вздыхание, чадо, плоть, уста, полымя, сям, око, глас, живот* (в значении ‘жизнь’: *ни гласа, ни вздохания, класть душу и живот*) и др. В составе исследованных параформул обнаружены также библеизмы, например, *Zahn им Zahn, Auge им Auge, зуб за зуб, око за око, плоть и кровь* и др.

Наличие реалий и устаревших компонентов в составе параформул выводит исследование данных фразеологических единиц в лингвокультурологический ракурс, поскольку без погружения в культуру и историю этноса значение некоторых формул-близнецов объяснить невозможно. Например, в параформуле *mit Kind und Kegel* ‘со всей семьей’, известной с XIII века, компонент *Kegel* ‘внебрачный ребенок’ можно понять только с помощью этимологического словаря [5, с. 160].

Параформулы исследуемых языков характеризуются разнообразными фонетическими и просодическими средствами (ударение, сonorность, конечная рифма и др.), что представляет особый интерес для научных-фонетистов. Такие приемы, как аллитерация, ассонанс, анафора и эпифора добавляют яркость и выразительность параформулам обоих языков (*mit Ach und Krach* ‘с горем пополам’, *Stein und Bein schwören* ‘кляться всеми святыми’, *kribbeln und krabbeln* ‘кишмя кишит’, *hampeln und rumpeln* ‘дергаться’, *Hülle und Fülle* ‘изобилие’, *in Saus und Braus* ‘бесшабашная жизнь’, с пылу с жару, судить и редить, ахать да охать, мал да удал).

Яркость и выразительность параформул, несомненно, способствует большему воздействию на адресата. Использование параформул в любом типе текста усиливает его прагматику. И здесь открываются широкие возможности для исследования прагматики текстов с параформулами.

Обобщая результаты проведенного анализа, можно констатировать, что исследование параформул в любом лингвистическом аспекте требует

обращения ко многим дисциплинам, поскольку данные единицы фразеологии являются не только инструментом речи, но и важным элементом сохранения культурно-языковой идентичности этноса, а также способом воздействия на адресата. Параформулы немецкого и русского языков – это богатое наследие народов, требующее дальнейших исследований в рамках фразеологии, стилистики, семантики, синтаксиса, фонетики, лингвокультурологии, прагматики и других дисциплин. Такие междисциплинарные исследования открывают новые горизонты для понимания взаимодействия языка и мышления этноса, а при сопоставлении нескольких языков – разных этносов.

Библиографический список

1. Кунин А.В. Курс фразеологии современного английского языка: учеб. для инт. и фак. иностр. яз. / А.В. Кунин. – 2-е изд., перераб. – М.: Высш. шк.; Дубна: Изд. центр "Феникс", 1996. – 381 с.
2. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты / В.Н. Телия. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 288 с.
3. Чернышева И.И. Фразеология современного немецкого языка / И.И. Чернышева. – М.: Высш. шк., 1970. – 200 с.
4. Krüger-Lorenzen K. Deutsche Redensarten und was dahinter steckt / K. Krüger-Lorenzen. – München: Wilhelm Heyne Verl., 2002. – 860 S.
5. Phraseologie/Phraseology. Ein internationals Handbuch der zeitgenössischen Forschung/An International Handbook of Contemporary Research. Herausgearbeitet von H.Burger, D. Dobrovolskij, P. Kühn, Near R. Norrick. – 1. Halbband/Volume 1. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. – 613 S.

T.V. Vnuk,
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus, vnouktati@yandex.ru

The paraformulas as objects of interdisciplinary research (in the German and Russian languages)

In the article paraformulas (twin formulas, paired combinations of words) are considered as objects of research in the fields of syntax, semantics, stylistics, cultural linguistics, phonetics, pragmatics). Such interdisciplinary intersections contribute to a comprehensive and deeper insight into the language and culture of the ethnic group.

Keywords: paraformulas, phraseology, structural-semantic features, equivalents

УДК [81'373.612.2:32]:[811.133.1'42:070]

А.М. Дудина,

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь, a_doudina@mail.ru

А.О. Красова,

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Республика Беларусь, alskrsv@gmail.com

Прагматический потенциал метафоры во французском политическом медиа дискурсе

В статье исследуется прагматический потенциал метафоры в современном французском медийном дискурсе на примере рубрики «Politique». Особое внимание уделяется исследованию концептуальной метафоры и ее основных метафорических моделей, используемых журналистами для усиления аргументации и оказания влияния на восприятие читателями современной политической реальности.

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, политика-борьба, политика-театр, политика-семья, политика-кухня

Эффективность современного масс медийного политического дискурса значительно возрастает благодаря активному использованию в нем метафорических образов и символов. Метафоры не только обогащают текст, но и создают когнитивные модели, которые формируют определенное восприятие политических процессов в обществе, обеспечивают политикам когнитивную и эмоциональную связь с широкой аудиторией и непосредственное воздействие на нее. Это обусловлено спецификой метафоры как одной из основных ментальных операций человека, позволяющих упорядочить новое, неизведанное через хорошо знакомые элементы окружающей действительности [1, с.26].

Традиционно под метафорой понимается «слово или оборот речи, употребленные в переносном значении для определения предмета или явления на основе какой-либо аналогии, сходства» [2, с. 458]. Концептуальной метафорой принято считать «соответствие между областью источника и областью цели, фиксированные в языковой и культурной традиции общества» [1, с. 11]. Такая метафора реализует ряд важных функций в медийном дискурсе, в числе которых, согласно А.П. Чудинову, выделяются когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая функции, включающие те или иные разновидности [3, с. 59]. С учетом специфики избранного для анализа политического медиа дискурса в настоящем исследовании в фокусе внимания оказываются эвфемистическая разновидность коммуникативной функции метафоры, эмоциональная и манипулятивно-идеологическая разновидности прагматической

функции метафоры, особенно востребованных в указанном типе дискурса. Учет данных функций позволяет глубже понять роль метафоры в организации политического медиа дискурса и достижении коммуникативных целей говорящего.

Для исследования прагматического потенциала метафоры были проанализированы 20 статей, опубликованных в рубрике «Politique» в медийных интернет-ресурсах *France24*, *Franceinfo*, *20minutes*, *RT* за период с января по февраль 2025 года. Анализ содержания данной рубрики позволил выявить следующие метафорические модели (согласно А.П. Чудинову, метафорическая модель – это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y» [3, с.70]): «политика-борьба», «политика-театр», «политика-семья», «политика-кухня».

Как показало исследование, наиболее частотной метафорической моделью в статьях политической направленности является «политика-борьба», где деятельность партий, политиков, организаций концептуализируется в терминах военных действий, сражений, оружия. Например, в статье «“Make Europe Great Again”: l’extrême droite européenne rassemblée à Madrid pour donner de l’écho à sa puissance au Parlement» ‘Сделаем Европу Снова Великой: ультраправые европейские партии собрались в Мадриде, чтобы заявить о своей силе в Парламенте’ говорится о будущей предвыборной кампании, во время проведения которой ультраправые партии планируют побороться за большинство мест в Европарламенте: «*Désormais c'est très serré, si le PPE (Parti populaire européen) ou les socialistes oublient de mobiliser leurs troupes, nous, on est mobilisés et on fait la balance*» ‘Отныне все очень напряженно, и если ЕНП (Европейская народная партия) или социалисты забывают мобилизовать свои войска, то мы мобилизуемся и восстанавливаем баланс’ (*Franceinfo*, 07.02.2025). Лексема *troupes* (букв. ‘войска’), используется для обозначения как членов указанной партии, так и избирателей и призвана подчеркнуть чрезвычайно накаленную обстановку в политической жизни современной Европы. Поскольку данный тип концептуальной метафоры имеет высокую эмоциональную окраску, переводит события из плоскости повседневной жизни в плоскость военных действий, то он чаще других метафорических концептов реализует манипулятивно-идеологическую функцию в текстах СМИ.

Во французских массмедиа высокочастотным является также концепт «политика-театр», посредством которого «подсвечиваются» элементы искусственности и игры в политике. Проводя параллели между политической ареной и театральными подмостками, метафора выполняет эвфемистическую функцию, позволяющую завуалировать негативные ас-

пекты сложившейся политической ситуации. Например, в статье под заголовком «*Guerre en Ukraine: quatre questions sur les pourparlers entre Américains et Russes organisés en Arabie saoudite mardi*» ‘Война в Украине: 4 вопроса с российско-американских переговоров, организованных в Саудовской Аравии во вторник’ (Franceinfo, 18.02.2025), в которой освещаются российско-американские переговоры, указанная метафорическая модель вербализуется следующим образом: «*Cette réunion inédite organisée à Riyad signe le retour de l'Arabie saoudite sur la scène diplomatique*» ‘Эта беспрецедентная встреча, организованная в Эр-Рияде, знаменует собой возвращение Саудовской Аравии на дипломатическую арену’. В данном случае благодаря метафоре политика представляется своего рода театром, на подмостках которого в настоящий момент происходит смена «политических актеров».

Метафорический концепт «политика-семья» позволяет авторам создать образ политического объединения или партии как союза единомышленников, подобного дружной и сплоченной семье. Так, например, в статье «*Gaza: un sommet arabe à Riyad pour discuter d'une alternative à la “riviera” de Trump*» ‘Газа: арабский саммит в Эр-Рияде для обсуждения альтернативы “ривьере” Трампа’ (France24, 21.02.2025) говорится о проведении встречи между главами арабских государств для обсуждения вопросов, касающихся палестино-израильского конфликта. «*Riyad a tenté de modérer les attentes en annonçant une “réunion fraternelle informelle” habituelle entre les dirigeants des six pays du Golfe, ainsi que ceux de l’Égypte et de la Jordanie*» ‘Эр-Рияд попытался умерить ожидания, объявив о проведении обычной “неформальной братской встречи” между лидерами шести стран Персидского залива, а также Египта и Иордании’ метафору *la réunion fraternelle informelle* ‘неформальный братский союз’ в указанном контексте можно интерпретировать следующим образом: шесть стран Персидского залива (Бахрейн, Кувейт, Оман, Катар, Саудовская Аравия, ОАЭ), а также Египет и Иордания за счет своего близкого географического расположения, идентичности культуры и менталитета образуют своеобразную восточную семью народов.

Метафорическая модель «политика-кухня» подразумевает, с одной стороны, что в политике, как и в кулинарии, необходим баланс и правильная комбинация ингредиентов, а с другой, – что за многими процессами в политике обычатели не могут наблюдать непосредственно, а видят лишь их результат. В статье «*Trève entre Israël et le Hamas: pourquoi les négociations sur la deuxième phase s’annoncent compliquées*» ‘Перемирие между Израилем и ХАМАС: почему переговоры на втором этапе представляются сложными’ (Franceinfo, 22.02.2025) раскрываются проблемы, которые могут нарушить с трудом достигнутое хрупкое перемирие между Израилем и Палестиной.

Одна из таких проблем заключается в том, что ХАМАС должен был вернуть Израилю тела членов погибшей семьи Бибас. Однако вместо тела матери семейства Израилю было передано тело неизвестной женщины: «*Le sort de la famille Bibas a mis de l'huile sur le feu*» ‘Судьба семьи Бибас подлила масла в огонь’. Данная метафора легко доводит до обычного читателя суть действий Палестины (а именно невыполнение договоренностей) и помогает предсказать их возможные последствия (далнейшую эскалацию конфликта, отказ от ведения переговоров, возобновление массированных ракетных ударов по территории противника и т.д.).

Заключение: Проведенный анализ позволил выявить 51 случай использования концептуальных метафор, среди которых 20 примеров, вербализующих концепт «политика-борьба», что составляет 39% от общего числа метафор в нашей выборке, 16 примеров, вербализующих концепт «политика-театр» (31%), 9 примеров – «политика-кухня» (18%) и 6 примеров – «политика-семья» (12%). Превалирование первой из указанных метафорических моделей можно объяснить сложной политической обстановкой в современном мире, все больше напоминающей поле боя. Обладая способностью создавать аналогии, задавать определенный ракурс восприятия, в сжатые сроки передавать большой объем информации и создавать яркий образ политической реальности, исследованные метафорические концепты чаще всего выполняют идеологически-манипулятивную функцию, что особенно востребовано СМИ. Таким образом, метафора выступает мощным инструментом воздействия на общественное мнение, способным не только доносить информацию до читателя, но и предлагать ему определенные сценарии для размышления, а также формировать необходимые политические стереотипы и ориентиры.

Библиографический список

1. Лакоф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём / Дж. Лакоф, М. Джонсон – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
2. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / Л. М. Алексеева, В. И. Аннушкин, Е. А. Баженова [и др.]. – 2-е изд. – Москва: ООО «ФЛИНТА», 2011. – 696 с.
3. Чудинов, А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации: монография / А.П. Чудинов. – Екатеринбург: Изд-во УГПУ, 2003. – 248 с.

A.M. Dudina,
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus, a_doudina@mail.ru

A.O. Krasova,
Minsk State Linguistic University,
Minsk, Republic of Belarus, alskrsv@gmail.com

The pragmatic potential of metaphor in French politic media discourse

The article explores the pragmatic potential of metaphor in modern French media discourse on the example of the rubric «Politique». Particular attention is paid to the study of conceptual metaphor and its main metaphorical models used by journalists to strengthen arguments and influence readers' perception of modern political reality.

Keywords: metaphor, metaphorical model, politics-fighting, politics-theater, politics-family, politics-kitchen

УДК 811.112.2:82-92

И.Е. Езан,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, i.ezan@spbu.ru

Е.А. Ковтунова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, e.kovtunova@spbu.ru

Лингводискурсивная характеристика салиентных политических предложений (на материале немецкого языка)

В статье рассматриваются салиентные политические предложения (СПП) как самостоятельные единицы лингводискурсивного анализа. Уделяется внимание структурно-семантической специфике данного типа предложений, а также происхождению и функциям, контекстной и ситуативной обусловленности СПП.

Ключевые слова: салиентные предложения, политолингвистика, лингводискурсивный анализ, медиалингвистика, политический дискурс

В современной немецкой политической лингвистике особый интерес представляет изучение салиентных политических предложений (СПП). Призывы, (протестные) лозунги, слоганы, девизы, цитаты из речей и интервью политиков – данные активно употребляемые термины демонстрируют, что отдельное предложение в определенном контексте обладает коммуникативной релевантностью и в связи с этим может рассматриваться как самостоятельная единица лингводискурсивного анализа [1]. Такого рода предложения являются важной характеристикой не только актуальной политической ситуации, но и одновременно неотъемлемой составляющей коллективного знания, коллективной памяти социума [4]. Кроме того, СПП могут рассматриваться как прагматически маркированный тип малоформатного текста, который можно отнести к текстам-цитатам (Zitiertexte) [3; 4].

По своей структуре СПП довольно разнообразны. Как отмечает Й. Кляйн (Klein), наиболее распространенный вид СПП представляет собой эллиптическое предложение или имеет структуру простого (распространенного) двусоставного предложения (общий объем высказывания от 3 до 8 слов) [5, с. 141-142].

Основой нашего корпуса примеров послужили высказывания немецких и швейцарских политиков, цитаты из интервью, программ политических партий, предвыборные слоганы и политические лозунги за период с 1942 г. по настоящее время. Всего было изучено 65 СПП. Структурно можно выделить, во-первых, простые двусоставные распространенные предложения: *Wir schaffen das!* (Merkel, 2015), во-вторых, эллиптические предложения: *Oben bleiben!* (Protestbewegung Stuttgart 21, 2015), в-третьих, сложносочиненные: *Ich bin schwul, und das ist auch gut so.* (Westerwelle, 2001) и, наконец, сложноподчиненные предложения: *Wer Visionen hat, sollte lieber gleich zum Arzt gehen.* (Schmidt, 1980).

Наиболее частотными являются повествовательные предложения: *Der Islam gehört inzwischen auch zu Deutschland* (Wulf, 2010); в корпус примеров вошли также побудительные (императивные): *Zieh mit! Wähl' Schmidt* (SPD, 1976), вопросительные: *Was sind nach Kenntnis der Bundesregierung die wichtigsten Ergebnisse der letzten TTIP – Verhandlungen?* (Kleine Anfrage von Bündnis 90/Grünen, 2014) и экскламативные предложения: *Neuland, ja Neuland!* (Merkel, 2013).

Влияние интернета на современную политическую коммуникацию приводит к тому, что предложения с более сложной грамматической структурой, благодаря кардинально изменившемуся информационному пространству, имеют большие шансы стать салиентными, чем несколько десятилетий назад: *Ich kann nicht erkennen, was wir jetzt anders machen müssten* (Merkel, 2017).

Значимой составляющей СПП являются политические ключевые слова с положительной оценкой (*Freiheit*), а также тропы и стилистические фигуры, которые способствуют привлечению внимания широкого круга адресатов и легко запоминаются:

- антитеза: *Freiheit statt Sozialismus* (CDU, Bundestagswahl 1976);
- метафора: *Das Boot ist voll* (Steiger, 30. 08. 1942);
- метонимия: *Berlin verstehen* (SPD, 2011);
- рифма: *In Bund und Land – erprobt und anerkannt* (CDU, 1965);
- парные сочетания: *Hand in Hand – gemeinsam geht es besser!* (SPD, 1961);
- параллелизм: *JA! zu Joschka. JA! zu Grün* (Bündnis 90/Die Grünen, 2002);

- гипофора: *Atomkraft? Nein, danke* (Anti-Atomkraft-Bewegung, 1975) и т.д.

Каждый из приведенных выше примеров являлся важной частью актуального общественно-политического дискурса. Некоторые выражения стали основой для модификаций и получили новую дискурсивную реализацию: *Freiheit statt Strauß* (Künstler-Initiative; Bundestagswahlkampf, 1980); *Freiheit statt Kapitalismus* (Wagenknecht, 2012); *Das Boot ist voll* (Anti-Flüchtlingsdemo, 2016); *Der Islam gehört nicht zu Deutschland* (Seehofer, 2018).

Рассмотрим пример СПП, которое характеризует значимые периоды в истории Германии и представляют собой дискурсивный маркер: *Wir sind das Volk, Wir sind ein Volk* (протестные лозунги в ГДР, начиная с осени 1989 г.).

Протестные лозунги конца 80-х гг. были связаны с дискурсом объединения двух немецких государств. Спустя несколько десятилетий тот же самый лозунг встречается в немецких в СМИ в новом контексте. М. Швезиг (Schwesig) и М. Шульц (Schulz) (СДПГ) в рамках актуального предвыборного дискурса 2017 г. апеллируют к чувствам избирателей федеральной земли Мекленбург – Передняя Померания. Политики подчеркивают в своем выступлении единство Восточной и Западной Германии, ставят данное СПП в один ряд с такими понятиями как свобода, солидарность, конституционность:

Der Ruf «Wir sind das Volk» [...] steht für Freiheit, Solidarität, Rechtsstaatlichkeit, den Sieg der Menschlichkeit, den Glauben an sich selbst und eine bessere Zukunft. Genau dafür steht die überwältigende Mehrheit der Deutschen in Ost- und Westdeutschland. (Zeit, 16. 09. 2017)

Следующий контекст относится уже к дискурсу пандемии COVID-19 и описывает протесты против массовой вакцинации:

Sie versuchten die Polizeiabsperrungen zu durchbrechen, riefen „Widerstand“, „Masken ab“ und „Wir sind das Volk“ und hielten vielfach trotz Polizeiaufforderung die Mindestabstände nicht ein. (Proteste gegen Schutzmaßnahmen zur COVID-19-Pandemie in Deutschland. In: Wikipedia: Die freie Enzyklopädie. 20.12.2024).

На ресурсе DWDS в коллекции современных корпусов в свободном доступе (Gegenwartskorpora mit freiem Zugang) [2] за период с февраля 1989 по 2025 гг. было обнаружено 425 контекстов употребления СПП *Wir sind ein Volk*, за этот же период 848 контекстов СПП *Wir sind das Volk*.

Частотность употребления СПП отражает актуальность той или иной проблематики либо общественной дискуссии в обществе. С течением времени многие СПП не утратили своего значения и встречаются в разных кон-

текстах современного общественно–политического дискурса. Структура, семантика, особенности функционирования, трактовка и переосмысление значения СПП в дискурсивном пространстве могут послужить интересным направлением лингвистических исследований в области лексикографии, pragматики и стилистики. Обращение к изучению коллективной памяти, вопросам конструирования социальной реальности и другим междисциплинарным проблемам представляет несомненный интерес для исследователей языка политики. Дальнейшие перспективы открываются и в связи с возможностью использования новых подходов и методов, которые предлагает современный лингводискурсивный анализ.

Библиографический список

1. Bendel Larcher S. Linguistische Diskursanalyse / Larcher S. Bendel. – Tübingen: Narr Verlag, 2015. – 256 S.
2. DWDS [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dwds.de/> (Дата обращения: 28.02.2025).
3. Fix U. Zitier-, Reproduzier- und Mustertextsorten / U. Fix // Oberfläche und Performance. Untersuchung zur Sprache als dynamischer Gestalt. Tübingen: Niemeyer, 2009. – 521 S. – S. 353-368.
4. Klein J. Grundlagen der Politolinguistik / J. Klein. – Berlin: Frank & Timme, 2014. – 388 S.
5. Klein J. Saliente Sätze / J. Klein // Handbuch Sprache in Politik und Gesellschaft. – Berlin: De Gruyter, 2017. 611 S. – 139 – 164 S.

I.J. Jesan,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russian Federation, i.ezan@spbu.ru
E.A. Kovtunova,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia, e.kovtunova@spbu.ru

Linguistic-discursive characteristic of salient political sentences (on the material of German)

The article considers salient political sentences (SPS) as independent units of linguistic-discursive analysis. The study focuses on the structural and semantic specifics of this type of sentences, as well as on the origin and functions, the contextual and situational conditioning of the SPS.

Keywords: salient sentences, political linguistics, linguistic-discourse analysis, media discourse, political discourse

Невербальные способы выражения эмоций в испанском интернет-дискурсе (на материале социальных сетей)

Данная статья посвящена исследованию основных способов передачи эмоций и чувств невербальными средствами выражения в испанской интернет-коммуникации. Исследование проводится на материале современных испаноязычных социальных сетей с акцентом на графические средства репрезентации эмоций.

Ключевые слова: испанский язык, дискурс, интернет-дискурс, невербальные средства выражения, эмотиконы, просодика, мимика, тембр голоса

В попытке восполнить отсутствие зрительного и аудио контакта участники интернет-коммуникации прибегают к различным способам имитации невербальных средств общения.

Данное исследование посвящено рассмотрению графических средств передачи эмоций испаноязычных пользователей интернет-дискурса на материале современных социальных сетей.

Под невербальными средствами коммуникации нами понимаются такие формы межличностного взаимодействия, при которых не используются слова для передачи эмоций и чувств.

Интернет-дискурс как компиляция устно-письменной речи сочетает в себе элементы присущие письменной коммуникации (текст) и устной, чей удельный вес составляют невербальные средства, такие как тембр голоса, взгляд, мимика, интонация, проксемика и другие.

Исследованиями в области интернет-коммуникации и интернет-дискурса занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты, однако, первым кто описал особенности интернет-дискурса, был профессор Дэвид Кристал. В своем исследовании «Language and the Internet» ученый впервые определил интернет-дискурс как синтез письменной и устной речи [4, с. 20].

Вслед за Е.Н. Галичиной мы будем понимать под термином «интернет-дискурс» «тип дискурса, порождающий бесконечное многообразие текстов разножанровой направленности, которые генерируются и которыми обменивается широкая аудитория пользователей в режиме on-line (в сети)» [1, с. 51]. Ю.М. Кузнецова отмечает, что интернет-коммуникация характеризуется двумя разнонаправленными тенденциями «затрудненностью выражения эмоционального компонента общения в сочетании со стойким стремлением к эмоциональному наполнению текста» [2, с. 60].

Наибольший удельный вес креативности и эмоциональности наблюдается в социальных сетях. Мгновенность переписки и доступность мобильных гаджетов позволяет пользователям по всему миру общаться друг с другом, имитируя межличностное общение.

Передача эмоций невербальными средствами в интернет-коммуникации осуществляется на всех языковых уровнях (фонетическом, грамматическом, лексическом и синтаксическом), однако, в нашем исследовании мы сфокусируем внимание на графических способах презентации.

Жесты, мимика, проксемика и другие формы воздействия на собеседника носят не универсальный, а национальный характер, поэтому они могут не совпадать у представителей различных культур. Испанские социальные сети во многом заимствуют тенденции англоязычного интернет-дискурса, постепенно создавая компиляцию национального и интернационального виртуального общения.

Среди особенностей современного испаноязычного невербального интернет-дискурса можно выделить следующие.

1. Использование эмодзи и эмотиконов (смайликов). Слово эмотикон образовалось путем слияния слов «*emotion*» – эмоция и «*icon*» – значок, изображение. Пиктограммы, составленные из последовательности букв, цифр и знаков препинания для передачи той или иной эмоции чаще всего служат для дополнения или уточнения мысли сообщения. Однако, нередко они употребляются самостоятельно для иллюстрации одобрения, обиды, грусти или выражения чувств (например, эмодзи сердце символизирует любовь).

Некоторые исследователи приписывают идею введения знака для передачи эмоций В.В. Набокову. В интервью газете «The New York Times» журналист поинтересовался, какое место писатель отводит себе среди современников. В.В. Набоков ответил «надо придумать какой-нибудь типографический знак, обозначающий улыбку, – какую-нибудь закорючку или упавшую навзничь скобку» [1].

Например, *Igualmente, Manolo!!!! Que tengas unos días estupendos!!!!*

– «Взаимно, Маноло! Желаю прекрасно провести время!»

Abrazosss enormes para toda la familia!!!! :) – «Обнимашки всей семьи».

В испанских социальных сетях эмотиконы также используются для смягчения строгости или резкости высказывания. Так односложный ответ *ok* – «окей» считается грубым и резким среди испаноязычных пользователей. Для смягчения рекомендуется добавлять одобрительный смайлик или значок окей .

- *Vas a venir a la fiesta???* – «Ты придешь на вечеринку?»

- *ok* – «окей»

Для выражения смеха испанские пользователи применяют ономатопею *jajaja jejeje* как имитацию разных оттенков смеха или эмотикон смеющегося смайлика 😂, однако наиболее популярно сочетание заглавных букв XD, которые похожи на смеющуюся рожицу, перевернутую на бок. Иногда для усиления эффекта пользователи повторяют букву D.

Me encanta tu humor no paro de reír XDDDDDD. – «мне нравится твое чувство юмора, не перестаю смеяться». Возможно одновременное употребление звукоподражания и эмотикона для придания большего эффекта. *Jajaja que divertido XD* – «хахаха, как смешно».

2. Использование капса (от англ. Caps Lock – написание всех букв слова заглавными буквами). В виртуальном общении этот прием трактуется как повышение голоса, а в русскоязычных социальных сетях такой способ передачи эмоций называется «кричать». Стоит отметить, что капитализация используется не только для передачи негативных эмоций пользователей, но и для позитивных.

¡¡*FELIZ NAVIDAD ÓSCAR*¡¡ *Que lo pases GENIAL!!* – «Счастливого Нового года, Оскар! Желаю отлично провести время!».

3. Злоупотребление знаками препинания. Специфическое использование пунктуационных знаков имеет свои нормы употребления в интернет-дискурсе. Так, многоточие передает недосказанность, усталость и имитирует медленный темп речи, в то время как редупликация восклицательных знаков обозначает переживание, восхищение, экзальтацию или просто хорошее настроение пользователя.

Ya os echo de menos!!!! – «Я уже по вам скучаю».

Следует отметить, что при этом перевернутый знак вопроса или восклицания в начале предложения, нормативный для испанского языка, опускается.

4. Редупликация согласных или гласных букв. Например, *besosssss* – «целую», *Queeee?* – «Что?». В интернет-коммуникации такой прием используется для возмещения просодических средств.

5. Аудиовизуальные ресурсы. Интернет-баннеры (картинка с забавными подписями), мемы, гифки (GIF), короткие видео. Эмоциональная окраска таких баннеров зависит от контекста повествования и может передавать иронию, сарказм и даже носить оскорбительный характер. Перевод подписей под такими картинками представляется сложной задачей для переводчика, так как они в основном основаны на игре слов и лингвистической креативности.

Так, например, во время пандемии появилось много интернет-баннеров с шутками про изоляцию и ношение масок. *Las máscaras anti contagio suben de precio. Ahora son más carillas* – «Медицинские маски выросли в цене. Сейчас они более дорогие». Здесь юмор строится наозвучие слов *las*

máscaras – «маски» и *más carillas* – «более дорогие». Данную игру слов сложно передать в русском языке.

Многие мемы строятся на узнавании голливудских актеров и их известных фраз, коронных движений или узнаваемой мимики. Такие мемы и интернет-баннеры носят интернациональный характер. *No es tan sencillo escuchar la frase “No es tan sencillo” y no pensar en mí* – «не так легко услышать фразу “Не так легко” и не думать обо мне».

Голливудский актер Леонардо Ди Каприо часто становится героем мема и об этом тоже имеется мем. *Cada vez que Leonardo DiCaprio se sirve una bebida el universo crea un meme* – «Каждый раз, когда Леонардо Ди Каприо наливает себе напиток, вселенная создает мем».

*Cada vez que Leonardo DiCaprio
se sirve una bebida el universo
crea un meme*

Использование мемов, интернет-баннеров и GIF-изображений в процессе сетевого общения носит не только развлекательный характер, но и информационный. С помощью визуального ряда пользователи делятся друг с другом переживаниями, радостью, успехами на работе или учебе, признаются в любви или сообщают о расставании. Отсутствие визуального и аудио контакта компенсируется различными способами, которые во многом более изобретательные и креативные, чем передача эмоций при межличностном контакте офлайн.

Резюмируя основные графические способы передачи эмоций в испанской интернет-коммуникации, можно сделать следующие выводы:

1. Невербальные средства выражения являются важным и неотъемлемым элементом коммуникации в Интернете. Лакуны, возникающие в испанском интернет-дискурсе, как результат дефицита зрительного контакта быстро замещаются графическими средствами и продолжают пополняться новыми способами передачи эмотивного компонента.
2. Современное виртуальное сообщество пользователей открыто к новым креативным формам выражения эмоций, благодаря анонимности и свободе творчества в интернет-пространстве в социальных сетях.
3. Трактовка той или иной имитации эмоции зависит от контекста и часто носит окказиональный и ситуативный характер, так как связана с актуальной и сиюминутной реакцией.
4. Для испанской интернет-коммуникации в социальных сетях характерны проявления эмоций с помощью злоупотребления знаками препинания, использования капитализации (капс), редупликации согласных и главных букв, употребления эмодзионов, мемов, интернет-баннеров и GIF-изображений.

Библиографический список

1. Галичкина Е.Н. Компьютерная коммуникация: лингвистический статус, знаковые средства, жанровое пространство / Е.Н. Галичкина. – Волгоград: парадигма, 2012. – 322 с.
2. Кузнецова Ю.М. Психология жителей Интернета / Ю.М. Кузнецова. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. – 224 с.
3. Nabokov V. Nabokov's interview. – The New York Times. – 1969. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/NABOKOW/Inter11.txt> (Дата обращения: 27.02.2025).
4. Chrystal D. Language and the Internet / D Chrystal. – Cambridge University Press, 2004. – 272 p.

E.A. Ivlieva,
Herzen State Pedagogical University of Russia,
St. Petersburg. Russia, elena.ivlieva@gmail.com

Nonverbal ways of expressing emotions in Spanish Internet discourse (based on social networks)

This article is devoted to the study of the main ways of conveying emotions and feelings by nonverbal means of expression in Spanish Internet communication. The study is conducted on the material of modern Spanish-language social networks with an emphasis on graphic means of representing emotions.

Keywords: Spanish language, discourse, Internet discourse, nonverbal means of expression, emoticons, prosody, facial expressions, timbre of voice

УДК 82-141

М.В. Корышев,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, m.koryshev@spbu.ru

Применение дельты Бёрроуза для реконструкции истории немецкого католического церковного гимна как литературного жанра

В статье изучаются возможности применения метода дельты Бёрроуза для решения задачи по построению истории развития литургико-литературного жанра немецкого католического гимна на материале текстов основных частей двух поколений типового сборника церковных песнопений „Gotteslob“.

Ключевые слова: дельта Бёрроуза, немецкая католическая гимнография, математические методы в филологии, историческая литургика, история жанра

В филологии используется ряд традиционных статистических методов, которые применяются в исследованиях по нефилологическим наукам для валидации полученных результатов, к которым относятся методы для оценки степени сходства объектов (к примеру, манхэттенское и евклидово расстояния, мера Жаккара); методы оценки средних значений в двух группах (например, критерий Стьюдента), методы оценки степени отличия ожидаемых и реальных результатов (к ним относится методика χ -квадрата) и др. Кроме того, в нашем арсенале есть и такие инструменты, которые служат собственно филологическим целям кванитативного анализа текстов на естественном языке; среди них в первую очередь следует упомянуть дельту Бёрроуза и межтекстовое расстояние Лаббе [1; 5].

Представляется, что задача атрибуции текстов является лишь частным случаем задачи установления степени сходства некоторых текстов между собой, вполне оправданным представляется применение этого инструмента для определения в количественном исчислении степени сход-

ства некоторых массивов текстов, следовательно, и доказательного исследования вопроса о генезисе того или иного жанра, если сопоставляемые массивы тестов представлены определенными историко-культурными эпохами, выделение которых принимается и историей литературы.

В ходе исследования решались следующие задачи. Во-первых, были созданы гимнографические текстовые коллекции-репрезентанты актуальных гимнографических традиций: 1) материалы GL 1975 [2], 2) материалы GL 2013 [3], 3) коллекция, реконструирующая линию развития гимнографической традиции от GL 1975 к GL2013, где из общего массива были исключены тексты GL2013, дублирующие материал, засвидетельствованный в GL1975. Во-вторых, посредством пакета *stylo* были проанализированы частотные списки, построенные отдельно для 100, 200 и 300 первых частотных словоформ каждой вышеупомянутой коллекции-репрезентанта. В-третьих, на основе вычисленных значений дельты Бёрроуза была проведена кластеризация текстов коллекций.

Текстовые коллекции были созданы на основе общей части (*Stammteil*) используемых практически всеми католическими епархиями Германии песенников, традиционно называемых *Gotteslob* и вышедших двумя изданиями – 1975 и 2013 года. Региональные приложения не учитывались, поскольку целью является анализ общей для всех немецкоязычных стран гимнографической традиции без учета швейцарского материала. Общий объем корпуса составляет 41596 слов, он разбит на основные историко-культурные периоды, отразившиеся и в истории литературы немецкоязычных стран, – Средневековье, Реформация, барокко, Просвещение, историзм вильгельмовской эпохи (грюндерство), традиция литургического движения рубежа XIX-XX вв., нуждающийся в интерпретации период 1950-х–1970-х гг., который предварительно можно назвать неогрюндерским, период постмодернизма. Отметим, что по сравнению с [4] объем корпуса был дополнен GL 2013, что дает возможность говорить об актуальных тенденциях.

В ходе исследования было установлено, что гимнографическая традиция по данным, полученным при помощи методики дельты Бёрроуза, кристаллизуется вокруг двух моментов. Во-первых, это тексты эпохи Реформации, которые являются источником и ориентиром для развития гимнографической традиции вплоть до конца XIX века, когда в период грюндерства эта линия развития завершается. Во-вторых, это «изобретение гимнографической традиции», предпринятое уже при работе над GL 2013, когда на смену стилю государственного католичества аденауэрзовской эпохи, запечатленному в GL 1975, приходит новый стиль, подхватывающий тональности литургического движения и отвергающий неогрюндерские устремле-

ния аденгаузерской эпохи. Важно отметить, что «изобретение традиции» наблюдается не только в GL 2013, но и в GL 1975 в силу того, что тексты второй половины XX века составляют самую большую коллекцию по сравнению с текстами иных периодов, в результате чего мы готовы воспринимать как живую традицию то, что на самом деле лишено исторических корней и создано относительно недавно.

Таким образом, между коллекциями, по которым сгруппированы тексты отдельных историко-культурных / литературных эпох, нет последовательной линейной зависимости, нет отношений преемственности. Кроме того, сама традиция настолько модифицируется от GL 1975 к GL 2013, и модифицируется планомерно, что можно говорить о смене парадигм, за которой стоят культурно-исторические сдвиги в немецком обществе от реставрационного консерватизма послевоенной Германии, живого в традиционной культуре католической Германии и в середине 1970-х гг., к квазидемократическим настроениям позднейшего периода.

Библиографический список

1. Burrows J. ‘Delta’: a Measure of Stylistic Difference and a Guide to Likely Authorship. In *Literary and Linguistic Computing*, Vol. 17, No. 3. P. 267-287. (2002)
2. Gotteslob. *Katholisches Gebet- und Gesangbuch*. Ausgabe für das Bistum Trier. Trier: Paulinus Verlag. 1054 S. (1975)
3. Gotteslob. *Katholisches Gebet- und Gesangbuch*. Ausgabe für das Bistum Trier. Trier. 1296 S. (2013)
4. Khokhlova M., Koryshev M. A Corpus of Liturgical Texts in German: Towards Multilevel Text Annotation. In Proceedings of the Sixth International Conference on Computational Linguistics in Bulgaria (CLIB 2024), pages 201–205, Sofia, Bulgaria. Department of Computational Linguistics, Institute for Bulgarian Language, Bulgarian Academy of Sciences. (2024)
5. Labbe C., Labbe D. Intertextual distance and authorship attribution. *Corneille and Moliere*. In *Journal of Quantitative Linguistics*, 8(3):213-231. (2001)

M.V. Koryshev,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia, m.koryshev@spbu.ru

Burrows’s Delta measure for reconstructing the development of German Catholic hymnals

The paper examines application of Burrows’s Delta to shed light on the historic development of German Catholic hymnals as a liturgical and literary genre based on the two generations of texts included in the stempart of the common church hymnals collection „Gotteslob“.

Key words: Burrows’s Delta, German Catholic hymnography, mathematical methods in philology, historical liturgical studies, history of genre

Ю.И. Кудинова,
Волгоградский государственный университет,
Волгоград, Россия, julkudinova@yandex.ru

Жанр политических дебатов и его место в системе политических жанров

В данной статье рассматривается жанр политических дебатов. Даются основные характеристики жанра, перечисляются его основные особенности. Выделяются различные виды классификации жанров и указывается место жанра политических дебатов в этих классификациях.

Ключевые слова: парламентские дебаты, политический дискурс, речевые жанры, классификация политических жанров

Жанр политических дебатов занимает важное место в системе жанров, представляя собой уникальную форму дискурса, которая сочетает в себе элементы риторики, аргументации и публичного выступления. В данной обзорной статье будет рассмотрена роль жанра политических дебатов, его основные характеристики и место в существующей системе жанров.

Политические дебаты неоспоримо являются обязательной частью политического процесса и их изучение представляет особый интерес для политической лингвистики. Являясь частью политического дискурса, политические дебаты могут быть охарактеризованы как обмен мнениями и аргументами, в процессе которого участники общения реализуют языковые стратегии для достижения желаемого результата. Целью дебатов зачастую является убеждение аудитории.

Дискурсом парламентских дебатов можно назвать коммуникативные действия участников, разворачивающиеся последовательно и пересекающиеся друг с другом, целью которых является опровержение или обоснование какой-либо точки зрения для понимания ее коллективным реципиентом, а также коллективное принятие определенного решения относительно некоторого факта или явления действительности.

Для парламентских дебатов также характерно отсутствие индивидуального адресата. Среди особенностей жанра также можно выделить институциональность, ритуальность, манипулятивность и идеологичность.

Парламентские дебаты строго регламентированы, и каждый участник дебатов знает положения регламента и четко им следует, т.к. соблюдение регламента отслеживается. Нарушения регламенты, в свою очередь, могут повлечь применение санкций в отношении того участника процесса, который их нарушил.

Развитие теории речевых жанров в настоящее время интересует многих ученых, работающих в области социолингвистики, лингвопрагматики, риторики, культурологии и др. [5; 9, с. 46].

Речевой жанр отождествляется многими учеными с понятием речевого акта, однако, по мнению Е.А. Земской, жанры речи представляют собой единицы более крупные, чем речевые акты. Обладая сразу несколькими иллокутивными силами, они имеют определенную структуру и тематическое строение [2, с. 42]. Соответственно, единицей речевого жанра мы будем считать текст.

Исследователи политического дискурса предлагают различные классификации жанров, основанные на совокупности различных параметров и критериев.

Жанры могут выделяться на основе сопоставления устной и письменной речи, а также при сопоставлении монологической и диалогической типов речи. Относительно данных критериев речевой жанр политических дебатов может быть отнесен к устным диалогическим жанрам.

Е.И. Шейгал включает в политический дискурс личностроеное общение и выделяет в качестве одного из параметров для разделения жанров степень институциональности [4, с. 313-314]. Согласно этому критерию можно выделить жанры в градации от максимальной неформальности до максимальной формальности и институциональности. Жанр политических дебатов согласно данной градации относится к более формальным и институциональным жанрам, т.к. обладает особой регламентированностью.

Относительно классификации, основанной на субъектно-адресатных отношениях, выделяются жанры общественно-институциональной коммуникации, коммуникации между институтом и гражданином, а также коммуникация между агентами в институтах. Парламентские дебаты представляют собой взаимодействие между участниками политического процесса, поэтому являются коммуникацией между агентами внутри института.

Жанровое пространство политического дискурса также может быть структурировано относительно триады «интеграция – ориентация – агональность». Принимая во внимание ведущую интенцию говорящего, можно выделить ритуальные, ориентационные и агональные жанры. В процессе политических дебатов участники пытаются убедить аудиторию разделить их точку зрения, поэтому жанр политических дебатов может быть отнесен к группе агональных жанров.

Политический дискурс зачастую находится на стыке политической и социальной сферы жизни общества, поэтому среди жанров политического

дискурса можно выделить жанры, имеющие отношение к политической системе, медиатизированные жанры, а также жанры, относящиеся к политической публичной сфере. Будучи в большой степени институциональным жанром, политические дебаты относятся к жанрам, связанным с политической системой напрямую.

Парламентские дебаты также безусловно относятся к убеждающим жанрам, поскольку участники процесса имеют намерение убедить своего адресата в правильности своих суждений, а также призвать адресата встать на свою сторону.

Таким образом парламентские дебаты, являясь важной частью политического дискурса представляют особый интерес для изучения. Обладая рядом особых характеристик, среди которых можно выделить институциональность, ритуальность, манипулятивность и идеологичность, парламентские дебаты занимают определенное место в классификации политических жанров.

Библиографический список

1. Долинин К.А. Жанры речи: сборник научных статей / К.А. Долинин. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. – 300 с.
2. Земская Е.А. Городская устная речь и задачи ее изучения / Е.А. Земская // Разновидности городской устной речи; [под. ред. Д. Н. Шмелева, Е. А. Земской]. М.: Наука, 1988. – С. 5-44.
3. Кожина М.Н. Жанры речи: Сборник научных статей / М.Н. Кожина. – Саратов: Изд-во Государственного учебно-научного центра «Колледж», 1999. – 300 с.
4. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал // Дис. ... д-ра филол. наук. Волгоград, 2000.
5. Paltridge B. Genre, frames and writing in research settings / B. Paltridge. – Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 1997. – 198 p.

Y.I. Kudinova,
Volgograd State University,
Volgograd, Russia, julkudinova@yandex.ru

The genre of political debate and its place in the system of political genres

This article examines the genre of political debate. The main characteristics of the genre are given, and the main features of the genre are listed. Various types of genre classification are distinguished and the place of the genre of political debate in these classifications is indicated.

Keywords: parliamentary debates, political discourse, speech genres, classification of political genres

К.А. Павлова,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия, lone9782@yandex.ru

Жанрообразующие параметры спортивной аналитической статьи

Статья посвящена рассмотрению жанрообразующих параметров англоязычных аналитических статей по спортивной тематике. Выделяется минимальная инвариантная модель речевого жанра, включающая в себя собственно жанровые характеристики: тема, композиция, стиль. Приводится прагматическая рамка жанра, состоящая из коммуникативной цели и образа адресанта и адресата.

Ключевые слова: жанр, жанрообразующие параметры, спортивная аналитическая статья

Жанр – определяющее понятие в лингвистике текста. Под речевыми жанрами понимаются высказывания, характеризующиеся общностью формальных, семантических и коммуникативных черт, «первичная форма существования языка», определенный тип общения и т.д. (см. работы В.В. Дементьева, Т.В. Шмелёвой, Т.А. Демешкиной и др.). Ключевыми для понимания природы жанра являются работы М.М. Бахтина, который рассматривает его как тематическое, композиционное и стилистическое единство, порожденное уникальными для каждой сферы общения условиями и функциями [1, с. 241].

Исследователи, занимающиеся прагматикой жанра, предлагают рассматривать общие жанровые признаки в качестве «канкеты» или «портрета» жанра [2; 4]. Исходя из концепции авторов, мы выделяем *жанрообразующие параметры* спортивной аналитической статьи, к которым относятся: 1) объективные жанровые признаки, составляющие минимальную инвариантную модель высказывания; 2) жанровые признаки, составляющие минимальную прагматическую рамку высказывания; а также *дополнительные жанроопределяющие параметры*, выступающие в роли специфичных признаков, которые указывают на уникальность жанра и делают его узнаваемым. Опираясь на данное утверждение, предпримем попытку выделить и описать жанрообразующие параметры спортивной аналитической статьи, представляющей собой текст по спортивной тематике, характеризующийся «аналитической, прагматической и оценочной направленностью» [3, с. 11].

К минимальной инвариантной модели речевого жанра относятся такие собственно жанровые параметры, как тематическое содержание, композиция и стиль (языковое воплощение) [2]. Тематической доминантой высту-

пает спорт – спортивное, околоспортивное событие, явление или значимая спортивная фигура. *Композиционно* статья представляет собой структуру из четырех облигаторных элементов: заголовка, лида, основной части и заключения. *Стилистические* характеристики детерминированы аналитической природой текстов. Отсюда значительное количество цифр и имен собственных, статистики и инфографики. Мы отмечаем незначительное проявление клишированности и, напротив, яркую выраженность авторского «я», высокий уровень экспрессивности, оценочности и эмотивности. Обращает на себя внимание перегруженность текстов специализированными обозначениями и аббревиатурами; развитость и детализированность спортивной терминосистемы; частотные проявления речевой агрессии, представленной сарказмом.

Прагматическую рамку высказывания составляет целостная адресант-адресатная личность и коммуникативные цели жанра. Адресат является активным субъектом текстообразования. Адресант, руководствуясь фактором адресата, выбирает тему для своего повествования и действует определенные языковые механизмы. В качестве ведущих ориентиров для автора выступают: (1) речевой опыт адресата; (2) картина мира адресата, его ценностные ориентиры; (3) социальный статус адресата. Речевой опыт адресата проявляется в использовании автором импликатур, предназначенных и понятных исключительно «своему» читателю; различных аллюзий, метафор, цитат, ироничных и саркастичных замечаний, которые могут быть обнаружены и интерпретированы при условии, что адресант и адресат co-существуют в едином социально-культурном и коммуникативном пространстве. Картина мира адресата находит свое отражение в ведущих для жанра концептах, представленных милитарными, театрально-сценическими, религиозными и медицинскими метафорами. Экспликацию социального статуса адресант-адресатной личности можно обнаружить в использовании автором профессионального языка, жаргона и сложной аргументации, которые в совокупности помогают ему выявить читателя «своего» социума.

Нами выделены две ведущие цели жанра – развлекательная и воздействующая. Приоритетность данных *коммуникативных целей* обусловлена стремлением автора привлечь и удержать внимание читателя, а также задать конкретный вектор его размышлений, трансформировать или заново сформировать восприятие определенного спортивного события или явления выгодным для адресанта образом. Названные коммуникативные цели обусловлены конвергенцией спортивного и медийного дискурсивных пространств, на стыке которых и был образован жанр спортивной аналитиче-

ской статьи, и могут быть достигнуты при условии следования ряду стратегий и тактик.

Коммуникативная цель развлечения осуществляется благодаря: 1) стратегии привлечения читательской аудитории, реализуемой с помощью тактики наименования (речевые ходы: интердискурсивность, риторический вопрос, бренд-нейм); 2. стратегии удержания внимания, реализуемой с помощью тактики диалогизации (речевые ходы: риторический вопрос, разговорная лексика, объединение) и тактики создания комического эффекта (речевой ход: ирония). Набор указанных речевых ходов обеспечивает успешную реализацию стратегий и тактик, направленных на развлечение адресата. Так, интердискурсивность, осуществляя посредством апелляции к языковым единицам милитарной, религиозной и театрально-сценической сфер, обеспечивает формирование емкого и выразительного образа уже на уровне заголовочного комплекса. Речевой ход бренда-нейма позволяет заинтриговать читателя определенной тематической компонентой, а средства диалогизации, искусственно моделируя ситуацию диалога, имитируют двусторонний процесс коммуникации, протекающей «здесь и сейчас», и поддерживают дружественный тон общения.

Ведущей стратегией, направленной на достижение следующей коммуникативной цели, выступает стратегия персуазивно-суггестивного воздействия. Являясь по своей сути аргументативной стратегией, она затрагивает как рациональную, так и эмоциональную сторону восприятия, и реализуется в жанре с помощью тактик: 1) апеллирования к компетентному источнику; 2) приведения статистических данных; 3) субъективно-оценочной аргументации.

Тактика апеллирования к компетентному источнику направлена на подкрепление автором собственного суждения и повышение его достоверности. Статистические данные используются в качестве инструмента конкретизации, способствующего объективному обоснованию авторской позиции. Воздействие на чувства и эмоции адресата детерминировано необходимостью вызвать в нем душевные переживания, повысив эффективность и «осозаемость» рисуемого образа.

Нами выявлена высокая рекуррентность оценочных лексических единиц мелиоративной и пейоративной направленности, содержащих оценочный компонент как в денотативном, так и в коннотативном значении. Использование оценочной лексики обусловлено ее особой pragmatischen нагрузкой, а именно – способностью представлять высказывание сквозь призму категоричности и безапелляционности.

Нами рассмотрены и *прагма-когнитивные параметры* спортивной аналитической статьи, представленные посредством метафор и образных

компаративных конструкций. Выстраивая классификацию метафор по принципу тематической соотнесенности, мы полагаем, что ведущие метафорические образы жанра формируются с помощью милитарной, театрально-сценической, религиозной и медицинской лексики. Образные сравнения характеризуются полиинтенциональностью, чем и обусловлена их высокая частотность. Авторы применяют компаративные структуры с различными намерениями: выстроить запоминающийся благоприятный или, напротив, отталкивающий образ; шокировать читателя, сбить его с толку; вызвать сильный эмоциональный отклик; создать эффект комичности.

Итак, исходя из анализа 96 текстов, мы кратко описали основные жанрообразующие параметры спортивной аналитической статьи. В перспективе исследования предполагается рассмотрение ее жанроопределющих параметров и составление ее портрета.

Библиографический список

1. Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества / М.М. Бахтин; Сост. С. Г. Бочаров; Текст подгот. Г. С. Бернштейн и Л. В. Дерюгина; Примеч. С. С. Аверинцева и С. Г. Бочарова. – М.: Искусство, 1979. – 423 с.
2. Руженцева Н.Б. Речевой жанр: портрет в контексте дискурса (к вопросу о методике описания) / Н.Б. Руженцева // Политическая лингвистика. – 2015. – № 1 (51). – С. 44-58.
3. Шарафутдинова С.В. Формирование социальной оценки в дискурсе СМИ (на материале спортивного дискурса) / С.В. Шарафутдинова // Автореф. дис. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. – Ижевск, 2010. – 27 с.
4. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи: сб. науч. ст.; под ред. В.Е. Гольдина. – Саратов, 1997. – Вып. 1. – С. 88-98.

K.A. Pavlova,

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia, lone9782@yandex.ru

Genre-formative parameters of sports analytical article

The article focuses on the analysis of genre-formative parameters of sports analytical articles. The minimal invariant model that includes such parameters as theme, composition and style, is presented. The pragmatic frame of the genre consisting of communicative goal and image of the addresser and addressee is given.

Key words: genre, genre-formative parameters, sports analytical article

УДК 81'373.612.2+811.133.1

Н.В. Решетняк,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, agapital17@mail.ru

В.И. Андреева,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, varya334@gmail.com

Метафоричность во французском гастрономическом дискурсе

В статье рассматривается роль метафоры во французском гастрономическом дискурсе на материале кулинарных рецептов, а также приводятся наиболее яркие и частотные примеры, передающие образность этого профессионального жанра.

Ключевые слова: образность кулинарного текста, метафора, гастрономический дискурс

Французская кухня прославилась во всем мире благодаря своим утонченным ароматам, изысканному сочетанию продуктов и неповторимым блюдам. Франция передает искусство гастрономии из поколения в поколение на протяжении многих веков, и чтобы отразить сложнейшую технику приготовления кулинарных шедевров, их текстуру и богатство вкуса, требуются языковые средства, способные воспроизвести в рецептах все нюансы и тонкости.

Гастрономический дискурс гибриден по своей природе и обладает свойствами как институционального, так и персонального дискурса. [2, с. 99]. В своей работе мы поставили задачу показать метафоричность французского гастрономического дискурса, выделяя такой жанр как кулинарный рецепт, и, с помощью метода сплошной выборки анализируя интернет- сайты www.cuisine.journaldesfemmes.fr, www.cuisineactuelle.fr, www.elle.fr и другие, установить частотность тех или иных метафор, параллельно обращая внимание на лингвистические приемы, передающие вкус, текстуру и внешний вид блюд.

Во французских рецептах используется терминология, которая является примером творческого и культурного самовыражения. Специальные термины подчеркивают визуальное и тактильное наслаждение от приготовления и употребления пищи, а также иллюстрируют различные этапы ее приготовления. Многие из этих терминов-метафор сегодня широко используются во всем мире и являются символами изысканности. *Soufflé* (суфле): происходит от французского глагола «souffler», что означает «дуть». Это основное блюдо или десерт, приготовленный из взбитых яиц и других компонентов, который отличается легкостью и воздушностью. Практика взбивания яичных белков приобрела популярность в

XVIII веке, именно тогда и появилось суфле. *Mousse* (мусс): в буквальном переводе означает «пена». Легкая и воздушная текстура этого лакомства образуется при взбивании вместе взбитых сливок, яичных белков и основных ингредиентов, таких как фрукты или шоколад. *Confit* (конфи): слово происходит от глагола «*confire*», что в переводе с французского означает «консервировать». Этот метод включает в себя сохранение и усиление вкуса мяса путем медленного приготовления его в собственном жире, обычно утином или гусином. *Vol-au-vent* (волован): пикантная закуска, небольшого размера пирожок из слоеного теста в форме башенки с несладкой начинкой (мясом, рыбой или грибами) дословно переводится как «полет на ветру». Помощник повара Мари-Антуана Карема, увидев, как плоский кружок теста превращается в высокий волован, вскричал: «*Maître, il vole au vent!*» («Мэтр, он взлетает в воздух!»)

Французская гастрономия славится уникальным языком, используемым в рецептах. Метафора наряду с сравнением, эпитетом, олицетворением и другими тропами, является одним из важнейших средств образности языка. В гастрономическом дискурсе метафоры и сравнения играют важную роль, поскольку они способствуют лучшему пониманию и восприятию кулинарного процесса. В таких описаниях часто используются слова и фразы, которые переносят читателя из области кулинарии в сферу сенсорных и культурных ассоциаций. С их помощью повар может лучше увидеть готовый продукт и понять все нюансы процесса, детальные описания дают повару более глубокое понимание того, как должно выглядеть блюдо на каждом этапе приготовления, что помогает достичь желаемого результата.

Для гастрономического дискурса в целом характерны описательные формы: «*légèrement doré*» (слегка подрумяненный), «*jusqu'à obtention d'une consistance crémeuse*» (до получения кремообразной консистенции), «*finement haché*» (мелко порубленный), а также эпитеты, которые придают рецептам поэтичность и делают описываемые блюда более осязаемыми: «*croustillant*» – хрустящий, «*fondant*» – тающий во рту, «*velouté*» – бархатистый, «*spongieux*» – губчатый, «*juteux*» – сочный. Текстура блюд может быть воздушной (*aérienne*) или маслянистой (*onctueuse*).

Французский кулинарный дискурс подразумевает использование особых глаголов. Чтобы создать образное представление о заливке, французские повара широко используют такой термин как «*napper*» – накрывать скатертью. Блюдо можно полить соусом/ медом – *napper de sauce/ de miel*, «*napper avec le coulis de myrtilles*» («залить черничным соусом»). Это не единственная метафора, связанная с тканью. *Tapisser un moule/ la plaque du four d'un papier sulfurisé* – застелить форму/ противень бумагой для выпечки – подобное выражение часто встречается в рецептах, однако в первую оче-

редь слово «*tapisser*» означает покрывать ковром стены или пол. *Chemiser un saladier* может означать «выложить салатнику зелеными листьями», а *chemiser un moule à tarte/ à charlotte* – «прижать тесто к бокам формы». Дословно «*chemiser*» переводится как «облачить», «*chemise*» – «рубашка». Похожий глагол «*enrober*» (обмазывать, покрывать глазурью, приукрашивать) таит в своей форме слово «*robe*» – платье. Таким образом «приодеть» можно *un gateau/ des fruits de chocolat* – пирожное/ фрукты шоколадом, *amande de sucre* – миндаль сахаром.

Еще одна категория терминов-метафор на русский язык обычно переводится просто как «посыпать», что не может отразить всех лингвистических тонкостей, напрямую связанных с текстурой кулинарных компонентов. *Poudrer de sucre glace, saupoudrer de cannelle /de curry* – «припудрить» блюдо – можно только легким, воздушным ингредиентом, например, сахарной пудрой, корицей или специей карри. В то же время «*parsemer*» – «усеять» рекомендовано чем-то более плотным: «*parsemez de beurre coupé en tout petits morceaux*» (небольшими кусочками сливочного масла) или «*parsemez de persil ciselé*» (мелко порезанной петрушкой). Скрупулезное внимание к деталям, которые встречаются во французских рецептах, свидетельствуют о деликатности и точности в кухне этой страны.

Parfumer de rhum /de Cointreau – тесто можно сбрызнуть, насытить ароматом рома или ликера Cointreau, а также смазать, «позолотить» его желтком яйца («*dorer de jaune d'oeuf*»). Тот же смысл имеет выражение «*étendre la dorure sur de la pâtisserie*» – дословно «нанести позолоту» на выпечку. Яичные белки, в свою очередь, следует взбивать до состояния устойчивой пены, похожей на снег – «*battre les blancs en neige*».

Метафоричность присутствует не только в описании процесса приготовления, но и в названиях таких сложных изысканных десертов как «*Iles flottantes*» – «Плавающие острова» (где в «море» английского крема плавают «острова» из взбитого запеченного белка), а также простых блюд, к примеру, «*Pain perdu au gruyère*» – «Хлеб, затерянный в грюйере».

Во французских кулинарных рецептах используется терминология, которая является прекрасным примером творческого и культурно-лингвистического самовыражения. Текстура продуктов сравнивается с текстурой ткани, тесто с деревом, которое покрывают позолотой. Термины-метафоры подчеркивают визуальное и тактильное наслаждение. Важное место занимает не только сам факт приготовления блюда, но и эстетический аспект действия и восприятия. [3, с. 36].

Благодаря использованию разнообразных языковых средств, в первую очередь метафоры, рецепты становятся не просто руководствами по приготовлению пищи, а настоящими литературными произведениями.

Библиографический список

1. Косицкая Ф.Л., Зайцева И.Е. Французский гастрономический дискурс и его жанровая палитра / Ф.Л. Косицкая, И.Е. Зайцева // Вестник ТПГУ, 2016. – № 2. – С. 25–30.
2. Новикова Я.Д. Идиостиль гастрономического дискурса/ Я.Д. Новикова // Известия Восточного института. – 2022. – № 3. – С. 98–105.
3. Прюво Ж., Бузинова Л.М., Седых Н.В. Гастрономический дискурс Франции: опыт лингвосемиотического анализа/ Ж. Прюво, Л.М. Бузинова, Н.В. Седых // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – Т.5, №1. – 2019. – С.27–39.
4. Шорохова Е.А. Гастрономический дискурс как вид институционального дискурса / Е. А. Шорохова, Е. В. Жучкова. // Молодой ученый. – 2021. – № 5 (347). – С. 162–165.

N.V. Reshetnyak,
St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, agapital17@mail.ru

V.I. Andreeva,
St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, varya334@gmail.com

Metaphoricity in French gastronomic discourse

The article examines the role of metaphor in French gastronomic discourse based on culinary recipes, and provides the most vivid and frequent examples that convey the imagery of this professional genre.

Keywords: imagery of culinary text, metaphor, gastronomic discourse

УДК 81'272

И.М. Теплыгина,

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет,
Санкт-Петербург, Россия, irina@wn-travel.com

Типы речевых действий вступительного собеседования как лингвокультурного скрипта

В статье исследуется жанровая специфика вступительного собеседования на английском языке. Анализируется его структура, коммуникативные стратегии и тактики демонстрации компетенций, иллюстрируемые примерами реальных интервью.

Ключевые слова: академический дискурс, жанр, дискурсивные практики, вступительное собеседование, метадискурсивные стратегии, английский язык

Структурно-содержательные характеристики жанра. В современном мире стремительно повышается роль науки и престиж высшего обра-

зования, что делает академический дискурс важнейшим типом общения. Вступительное собеседование на английском языке представляет собой особый жанр, находящийся на пересечении академического и делового общения. Оно сочетает элементы академической проверки знаний, умений и навыков с деловой оценкой коммуникативных способностей, и способности презентовать себя.

Исследования в области анализа устной академической речи подчеркивают важность изучения различных жанров академического общения. Flowerdew и Miller (2005) рассматривают особенности восприятия и понимания устной научной речи, выделяя специфические стратегии и языковые средства, используемые в академическом общении [1]. Thompson (2014) в своей работе о функциональной грамматике анализирует структурные особенности академических текстов, что применимо и к устным формам коммуникации [2]. Fortanet (2008) исследует оценочную лексику в рецензиях на научные статьи, что помогает понять механизмы оценивания в академическом дискурсе [3].

Анализ существующих исследований показывает, что проблеме жанровой специфики академического дискурса посвящено значительное количество работ. Однако вступительное собеседование как отдельный жанр остается недостаточно изученным. В существующих работах оно рассматривается фрагментарно, чаще всего в контексте анализа коммуникативных стратегий или ошибок, допускаемых иностранными абитуриентами [4].

Вступительное собеседование относится к устным диалогическим жанрам и представляет собой разновидность интервью, т.е. структурированного разговора, в котором один участник (интервьюер) задает вопросы, а другой (интервьюируемый) дает ответы. Этот жанр характеризуется специфической целью, особым содержанием и структурой, типами речевых действий и способами выражения точек зрения.

В рамках лингвокультурного описания языка важное место занимает описание сценариев (скриптов) поведения, характерных для того или иного коммуникативного сообщества [5]. Лингвокультурный скрипт вступительного собеседования имеет четкую структуру и включает две группы речевых действий: метадискурсивную и идеационную.

Метадискурсивная группа включает:

- инициирующий этап (установление контакта, приветствия, представление участников, снятие напряжения, создание комфортной атмосферы);
- ориентирующий этап (формулировка задач, уточнение правил);
- завершающий этап (завершение взаимодействия, прощания, пожелания, рекомендации).

Идеационная группа включает:

- тестирующий этап (запрос информации для проверки знаний кандидата);
- резюмирующий этап (подведение итогов, дальнейшие шаги);
- оценивающий этап (оценка знаний, навыков и способностей).

Эмпирической базой исследования послужили скрипты вступительных собеседований в высшие учебные заведения, объемом 70 тыс. слов. Примеры речевых действий ([URL: <https://youtu.be/dUwN6GI-0EQ?si=Zqc6VVpjdqYuYVLh>](https://youtu.be/dUwN6GI-0EQ?si=Zqc6VVpjdqYuYVLh) (Дата обращения: февраль 2025)):

Инициирующий этап:

Hello. Take a seat.

Nice to meet you. How are you feeling today?

Please, make yourself comfortable. There's no rush.

We know interviews can be stressful, but try to think of this as just a conversation.

Ориентирующий этап направлен на формирование ожиданий и включает описание этапов собеседования, формулировку задач и уточнение правил:

I: Your interview will be about 20 minutes or so, Finn. We're going to start off with some questions on your personal statement, so for things that you chose to show us that you're interested in, and then there's going to be two puzzles.

I: We expect the interview to last around 30 minutes. We'll start by discussing your personal statement, and then we'll explore a short text together.

I: We'll present you with an image and ask you to describe and analyze it. We'll then ask some follow-up questions to explore your interpretation.

I: If there's anything that we say that doesn't make sense or you'd like us to repeat, just ask. We'll be happy to clarify.

Тестирующий этап является ключевым и включает запрос информации, направленный на оценку знаний, умений и опыта кандидата:

I: What role do bases actually play in the hereditary nature of DNA?

C: So, triplet code... so, three bases together code for one amino acid...

I: What shape does the middle rung of a falling ladder trace?

C: Hmm, I suppose it would follow some kind of curved trajectory, but I need to work out the details...

I: Some birds see ultraviolet. How might that affect their perception?

C: If they can see ultraviolet, it might mean that certain flowers or animals appear completely different to them than to us. Perhaps they rely on UV patterns for foraging or mating...

На резюмирующем этапе подводятся итоги и обсуждаются дальнейшие шаги:

I: Thank you for your time, we enjoyed speaking with you.

C: Thank you, I really appreciate the opportunity.

I: We've now covered the main areas we wanted to discuss.

C: Yes, thank you, I think that was very insightful.

I: Is there anything else you'd like to add or any questions you'd like to ask us before we conclude?

C: Yes, I'd love to know more about opportunities for research collaboration at the department.

Оценивающий этап включает анализ ответов и оценку знаний, навыков и способностей:

I: This shows you total fertility rates by two regions in Europe... So, I just want to start off really by asking you if you could describe the pattern that you see there?

C: So, I can see that in West Europe the fertility rates are generally high...

I: Good. And what factors do you think could contribute to these differences?

C: It might be related to economic stability and access to healthcare.

I: What if we consider this from a utilitarian perspective?

C: In that case, we would focus on the overall benefit to society rather than individual morality...

I: Exactly. So how does this apply to public policy decisions?

C: Well, policymakers would need to weigh individual rights against collective benefits...

Завершающий этап включает прощания, пожелания и рекомендации:

I: It was a pleasure meeting you. Good luck with your applications!

C: It was great to meet you too. Thanks for your time!

I: We enjoyed our conversation today. Thank you, and we wish you the best of luck with your future studies.

C: I really appreciate that, thank you!

I: Is there anything else you'd like to add or any questions you'd like to ask us before we conclude?

C: Yes, I'd love to know more about research opportunities in this field.

Вступительное собеседование можно рассматривать как своеобразную «театральную постановку», где кандидат играет главную роль, а профессор – режиссер, который оценивает искусство игры. Ведущей тактикой на тестирующем этапе является демонстрация компетенций. Кандидат должен показать глубину своих знаний, навыков и опыта, отвечая на вопросы и выполняя задания. Таким образом, особенностью данного жанра является его интерактивный характер, предполагающий активное участие обоих сторон в процессе коммуникации.

Библиографический список

1. Flowerdew J., Miller L. Second Language Listening: Theory and Practice / J. Flowerdew, L. Miller. New York: Cambridge University Press, 2005. – 223 p.
2. Fortanet I. Evaluative language in peer review referee reports / I. Fortanet // Journal of English for Academic Purposes. – 2008, Vol. 7. – No 1. – P. 27-37.
3. Thompson G. Introducing Functional Grammar / G. Thompson. London, New York: Routledge, 2014. – 313 p.
4. Askehave I., Swales J. Genre identification and communicative purpose: A problem and a possible solution / I. Askehave, J. Swales // Applied Linguistics. – 2001. – Vol. 22. – Iss. 2. – P. 195-212.
5. Кочетова Л.А., Аль-Баяти Я.Ш.С. Лингвокультурная специфика благодарности в арабском деловом общении на английском языке / Л.А. Кочетова, Я.Ш.С. Аль-Баяти // Дискурс. – 2020. – Т. 6. – № 6. – С. 126-136.

I.M. Teplygina,

St. Petersburg State Electrotechnical University,
St. Petersburg, Russia, irina@wn-travel.com

Types of speech acts of the admission interview as a linguocultural script

This article examines the genre-specific features of the admissions interview within English-language academic contexts. It analyzes the structure, communication strategies, and tactics used by applicants to showcase their skills and qualifications, illustrated with examples from authentic interviews.

Key words: academic discourse, genre, discursive practices, admissions interview, metadiscursive strategies, English language

УДК 801.8

И.А. Шипова,

Московский педагогический государственный университет,
Москва, Россия, schipowa@mail.ru

Стратегия реализации модальной семантики в политическом дискурсе (на материале речей депутатов Бундестага)

В статье рассматривается стратегия убеждения, базирующаяся на использовании различных форм проявления модальности, формы которой варьируются от эксплицитной до имплицитной. В первом случае речь идет о маркерах внутренней модальности, во втором, о вариантах контекстного содержания, включающего вывод о необходимости активных действий.

Ключевые слова: политический дискурс, внутренняя модальность, деонтическая, диспозиционная, волитивная модальность

В немецком языке модальность как категория имеет известный набор средств выражения, но как показывают наблюдения за разными типами дискурса, они предполагают различную вариативность и возможности комбинирования как самих средств, так и элементов, имплицитно предполагающих модальную семантику. Политический дискурс реализуется в текстах, касающихся всех сфер политики, поэтому тексты речей в немецком парламенте и главной инстанции законодательной власти ФРГ – Бундестаге однозначно принадлежат к этому типу институциональных дискурсивных образований. В текстах выступлений можно выявить интересные закономерности не только в том, какая модальная семантика доминирует и какие маркеры модальности служат для ее выражения, но и проследить, какие стратегии связаны с ее эксплицитным и/или имплицитным проявлением.

Общественные слушания (*öffentliche Anhörungen*) в органах законодательной власти предполагают, что их участники не только свободно высказывают свое мнение, но и вносят определенные предложения по какому-либо обсуждаемому вопросу, что обуславливает необходимость строить речь выступающих, базируясь на аргументах, для того чтобы достичь принятия какого-либо решения на законодательном уровне.

По мнению Т. Фрица [1, S. 138], тексты аргументативной направленности должны содержать обоснование, убеждающее адресата речи в необходимости определенных действий, и потому в них всегда возникают языковые элементы с семантикой деонтической модальности. Предпосылкой, мотивирующей к реализации этих действий, выступает, в свою очередь, внутренняя воля адресанта. Взаимосвязь аргументации и мотивации предполагает наличие модальной семантики в сегментах текста, из которых должен следовать вывод о необходимости предпринимаемого шага. Таким образом, в большинстве случаев стратегия убеждения в политическом дискурсе, находящая свою реализацию в текстах выступлений на заседаниях Бундестага, обуславливает включение в них маркеров модальности, с одной стороны, и семантически взаимосвязанных с ними сегментов, из которых следует возможность и необходимость определенных действий, обуславливаемая их желательностью. Данное утверждение можно проиллюстрировать примерами, позволяющими сформировать выводы и обобщения относительно закономерностей в реализации модельной семантики в текстах этого типа.

Базой для представления вопроса, относительно которого необходимо принять решение, выступает некий «проект действий», он оценивается говорящими как необходимый, возможный или желаемый. Для выражения данной пропозиции в первую очередь используются модальные глаголы в деонтическом, диспозиционном или волитивном значении [2, S. 74]. Например:

(1) *Wir müssen weiter in Ausbildung und Qualifizierung investieren. Wir müssen weiter Kitaplätze schaffen und den Anspruch auf Ganztagsbetreuung in der Grundschule durchsetzen* (Olaf Scholz, 16. Dezember 2024)

(2) *Ein dritter Gesetzentwurf, den wir in erster Lesung beraten, behandelt Solarstrom. Denn auch Solarstrom kann noch viel mehr; auch den können wir besser nutzen und einbinden in das Gesamtsystem* (Dr. Ingrid Nestle, 20.12.2024)

(3): *Wir wollen die Menschen ermutigen. ... Wir wollen ihnen die Gelegenheit geben – wenn sie es können –, auch noch länger zu arbeiten...* (Friedrich Merz, 16.12.2024)

В примерах (1–3) форма выражения внутренней модальности эксплицитна, стратегии ее использования направлены на выражение необходимости, возможности и желательности как причины для активных действий.

В определенных контекстах модальности может выражаться имплицитно, что следует как вывод из содержащихся в высказываниях предпосылок. Такие предпосылки часто формулируются в условных придаточных предложениях, которые подводят реципиента к определенным логическим выводам, предполагающим необходимость выполнения определенных действий. Например:

(4) *Wir kommen da durch, wenn die Mitte stark bleibt in unserem Land, in Deutschland, wenn das stark bleibt, worauf diese Mitte gründet: Vernunft und Besonnenheit.* (Olaf Scholz, 11.02.2025).

Семантика пропозиции в (4) включает в высказывание имплицитно модальную семантику: чтобы достичь желаемого результата, необходимо сохранять разумную идержанную позицию. Такие контексты частотны и призваны формировать мнение аудитории.

В речах членов Бундестага частотны высказывания, включающие апелляции, призывы, побуждения к действию, грамматические средства выражения которых неоднородны и включают как глаголы в форме императива, так и их функциональные синонимы. Императивная модальность в этих случаях реализует стратегию призыва к активизации работы, что отвечает задачам, которые часто ставят перед собой парламентарии. Например:

(5) *Ich appelliere an Ministerin Paus, an die Fraktionen und an die Bundesländer: Lassen Sie uns den jeweils anderen die beste Absicht unterstellen!* (Ariane Fässcher, 20.12.2024)

(6) *Sie haben auch das Wasserstoffbeschleunigungsgesetz heute nicht vorgelegt.*

Wieso nicht vorgelegt? (Michael Kruse, 31.01.2025)

Пример (6) показывает, что императивная семантика может быть реализована в форме вопроса, стратегически призывающего к необходимости действия.

Еще одним важным элементом для выражения деонтической и/или волюнтаривной модальной семантики выступает глагол в форме футура I [1, S.4]. При этом актуализируется pragматическая интенция смягчения категоричности посыла высказывания, хотя по смыслу его модальная семантика достаточно очевидна. Например:

(6) *Wir werden uns als Bund in einem erheblichen Umfang an den entstehenden Kosten für die Länder beteiligen. Wir werden mit dem Gesetz ermöglichen, dass betroffene Frauen nun auch bundesweit Hilfeeinrichtungen aufsuchen können* (Carmen Wegge, 20.12.2024)

В (6) реализуется стратегия убеждения, что действия не только желательны, но и необходимы. Однако форма футура I как бы обращена в будущее, благодаря чему волитивость и деонтичность принимают имплицитную форму.

Таким образом, мы видим, что стратегия реализации эксплицитной и/или имплицитной модельной семантики в политическом дискурсе носит комплексный характер, её актуализация не ограничивается использованием эксплицитных модальных маркеров, а имплицирует смысловые сегменты всего контекста, позволяющего проследить внутреннюю взаимосвязь содержания и формы, в которой угадывается семантика внутренней модальности. Данная проблема требует более глубокого исследования и осмысления, поскольку отражает закономерности стратегий убеждения и влияния на различные сообщества в современном мире.

Библиографический список

1. Averina A. Das modale Potential synthetischer Zukunftsformen des Deutschen und des Russischen / A. Averina //Zeitschrift für Sprache und Sprachen. – 2022. – № 50 – S. 1-23.
2. Diewald G. Die Modalverben im Deutschen: Grammatikalisierung und Polyfunktionalität / G. Diewald. – Tübingen: Niemeyer (Reihe Germanistische Linguistik 208), 1999.
3. Fritz Th. Argumentative Unterschiede in deutschsprachigen und italienischen Anzeigen zur Beeinflussung gesellschaftlicher Einstellungen / Th. Fritz. Cotticelli Kurras, Paola; Ronneberger-Sibold, Elke; Wahl, Sabine (Hrsg.): Il linguaggio della pubblicità italiano e Tedesco: teoria e prassi. Italienische und deutsche Werbesprache: Theorie und Praxis. – Alessandria: Edizioni dell'Orso, 2012. – S. 137-155.
4. Иллюстративный материал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bundestag.de/dokumente/protokolle/plenarprotokolle> (Дата обращения 20.02.2025).

I.A. Shipova,
Moscow State Pedagogical University,
Moscow, Russia, schipowa@mail.ru

Strategy for the implementation of modal semantics in political discourse (based on speeches by Bundestag deputies)

The article discusses a persuasion strategy based on the use of various forms of modality, the forms of which range from explicit to implicit. In the first case, we are talking about markers of internal modality, in the second, about options for contextual content, including the conclusion that active actions are necessary.

Keywords: political discourse, inner modality, deontic, dispositional, volitional modality

РАЗДЕЛ II. КОГНИТИВНАЯ ЛИНГВИСТИКА И ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 811.11

И.А. Грошкова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, groshkova.ilona@inbox.ru

Особенности ассоциативной составляющей концепта GLORY

В настоящей статье рассмотрено формирование ассоциативной составляющей концепта GLORY/СЛАВА посредством ассоциативных отношений, в которые вступают вербальные репрезентанты концепта.

Ключевые слова: структура лингвокультурологического концепта, ассоциативная составляющая концепта, моральный концепт, слава

На сегодняшний день концепт является одним из основополагающих понятий лингвокультурологии – науки, которая занимается изучением закрепленных в языке компонентов культуры, характерных для носителей данного языка. Основной исследовательской категорией в области лингвокультурологии является лингвокультурный концепт. Значительное внимание исследованию концепта уделено в работах как отечественных ученых (Н.Д. Арутюнова, С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Ю.С. Степанов, В.А. Маслова, Е.А. Нильсен, И.В. Кононова и др.), так и зарубежных исследователей (Дж. Лакофф, В. Гумбольдт, Э. Сепир, Б. Уорф и др.).

Наиболее полное исследование лингвокультурного концепта включает в себя многоступенчатый анализ этимологической, исторической, образной, ассоциативной, понятийной и ценностной составляющих концепта [1]. Ассоциативный компонент позволяет продемонстрировать национальную самобытность лингвокультурного концепта.

Концепт GLORY/СЛАВА является моральным (этическим) концептом в соответствии с классификацией, предложенной М.В. Пименовой [4]. Он играет важную роль в языковой картине мира ангlosаксов, поскольку репрезентирует нравственные идеалы средневекового рыцаря, а также характеризует его в рамках куртуазной морально-этической концептосферы [5].

Дефиниционный анализ статей, представленных в толковых словарях английского языка, необходимый для выявления и анализа структуры концепта [2; 3], продемонстрировал, что концепт GLORY/СЛАВА в сознании носителей английского языка репрезентируется, как правило, следующими лексическими единицами: praise (n), thanks (n), great admiration (adj + n),

honour (n), high renown (adj + n), notable (adj), achievements (n), magnificence (n), great beauty (adj + n), beautiful (adj), impressive (adj), worthy of praise (adj + n), worship (n), thanksgiving (n), fame (n), distinction (n), common consent (adj + n), worshipful (adj), great gratification (adj + n), exaltation (n).

При помощи словарных дефиниций представляется возможным выделение релевантных признаков концепта GLORY/СЛАВА:

- 1) благодарность и уважение за совершение славного подвига;
- 2) превозношение и поклонение, великая честь (чаще всего о боже или славном рыцаре);
- 3) известность и признание, полученные в результате осуществления подвига;
- 4) грандиозный, заслуживающий одобрения поступок, вызывающий ликовение у народа.

Методом сплошной выборки из англоязычных толковых словарей Cambridge English Dictionary, Collins English Dictionary, LDOCE, Merriam-Webster, Oxford English Dictionary были определены синонимичные лексемы существительного *glory*, необходимые для объективации исследуемого концепта: *honour* (честь), *praise* (похвала), *fame* (известность), *celebrity* (известность), *distinction* (почет, знатность) *acclaim* (всеобщее одобрение, престиж), *prestige* (престиж, авторитет), *immortality* (неувядаемая слава), *eminence* (превосходство), *renown* (известность, признание), *exaltation* (возвеличивание), *illustriousness* (слава, знаменитость), *accolade* (похвала, одобрение), *dignity* (достоинство, благородность), *grandeur* (великолепие, пышность, величественность), *greatness* (величие, великолепие), *majesty* (королевское величие, важность, достоинство), *triumph* (радость победы, триумф), *nobility* (благородство, великодушие), *sublimity* (величественность, превосходство), *reputation* (репутация, слава, доброе имя), *worship* (поклонение, преклонение, почитание), *gratitude* (благодарность, признательность). Анализ словарных дефиниций показал, что лексемы объединены смыслом ‘*admiration, praise, approval, appreciation, and respect given for an achievement, for doing something of great importance successfully, that makes one famous and renowned*’ (‘восхищение, похвала, одобрение, признательность и уважение за достижение, успешное выполнение чего-то очень важного, что делает человека знаменитым’).

На материале словарей синонимов и тезаурусов посредством анализа синонимичных словарных единиц были выявлены ключевые значения, формирующие ассоциативную составляющую данного концепта:

- 1) *слава/известность* (*fame, celebrity, distinction, prestige, renown, illustriousness, reputation*);
- 2) *восхваление/одобрение/благодарность* (*praise, acclaim, accolade, gratitude*);

3) *возвеличивание/поклонение* (*eminence, exaltation, greatness, majesty, sublimity, worship*);

4) *честь/достоинство/благородство* (*dignity, nobility, honour*);

5) *чувство выполненного долга* (*triumph*);

6) *великолепие/пышность* (*grandeur*).

Компоненты номинативного поля концепта GLORY/СЛАВА позволяют сгенерировать ассоциативный ряд, имеющийся в сознании носителей английского языка, благодаря чему можно сделать вывод о том, что представители британской культуры ставят практически в один ряд восхваление рыцарей и поклонение Богу. Стоит отметить, что в английском языке, как и во многих других языках из индоевропейской семьи, лексема *glory* может быть использована в религиозных контекстах, где речь идет о прославлении Бога. Дефиниции синонимичных лексем подтверждают этот факт: 1) «*worship – to have or show a strong feeling of respect and admiration for God*», 2) «*glory – praise, worship, and thanksgiving offered to a deity*», 3) «*praise – the expression of respect and thanks to God*».

Анализ коллокаций из толковых словарей, включающих в себя имя концепта, показал, что дефиниции некоторых устойчивых выражений передают идею похвалы, чести и благодарности, которую заслуживает Все-вышний («*glory (be) to God/Jesus – God deserves praise, honour, and thanks*»; «*glory of God/God's glory – the magnificence, worth, loveliness, and grandeur of his many perfections*»).

Кроме того, концепт GLORY/СЛАВА порождает в сознании носителей английского языка ассоциации с чувством долга, справедливостью, совестью, борьбой со злом, необходимостью совершения славного подвига, характерные для протагонистов английских рыцарских романов. Зрители рыцарских турниров готовы прославлять героя-победителя подобно тому, как они прославляют Бога и поклоняются ему.

Таким образом, значительное количество языковых единиц, репрезентирующих концепт GLORY/СЛАВА в английском языке, а также ряд синонимичных лексем демонстрируют значимость концепта для носителей английского языка в их языковой картине мира.

Библиографический список

1. Кононова И.В. Структура лингвокультурного концепта: способы языковой и дискурсивной объективации / И.В. Кононова // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2: Языкоznание. – Волгоград, 2014. – С. 32-39.

2. Нильсен Е.А. Отражение субъективной перцепции темпоральности в английском языке / Е.А. Нильсен // Известия Уральского федерального университета, серия 2 «Гуманитарные науки», № 2 (102). – 2012. – С. 84-91.

3. Нильсен Е.А. Структура понятийной составляющей концепта ВРЕМЯ в современном английском языке / Е.А. Нильсен // Вопросы когнитивной лингвистики. №3 (24). – 2010. – С. 20-27.
4. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования / М.В. Пименова // Вестник КемГУ. – №2 (54). – Кемерово, 2013. – С. 127-131.
5. Руберт И.Б., Кононова И.В. Становление британской куртуазной морально-этической концептосферы в рамках рыцарской культуры XI-XIV вв./ И.Б Руберт, И.В Кононова // Известия Санкт-Петербургского университета экономики и финансов: Периодический научный журнал. № 1 (57) – СПб.: Санкт-Петербургский университет экономики и финансов, 2009. – С.86-97.

I.A. Groshkova,
St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, groshkova.ilona@inbox.ru

Features of the associative component of the concept GLORY

This article examines the formation of the associative component of the concept GLORY through associative connections, which are entered into by verbal representatives of the concept.

Keywords: structure of the linguoculturological concept, associative component of the concept, moral concept, glory

УДК 81'373.612.2

Ю.А. Казачкова,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, kazachkova.yu@unecon.ru

Вербализация метафоры «MEDICINE IS A THEATER» в романе Дэниела Мейсона «The Winter Soldier»

В статье представлен когнитивный анализ метафоры «MEDICINE is a THEATER» из романа Дэниела Мейсона «The Winter Soldier». Исследование опирается на теорию концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера, а также на подход к метафорам как инструменту структурирования абстрактных понятий через конкретные образы.

Ключевые слова: метафора, когнитивная сложность, концептуальная интеграция, медицина, театр, Дэниел Мейсон, «The Winter Soldier»

Когнитивная метафора, как показали Дж. Лакофф и М. Джонсон в своей работе «*Metaphors We Live By*» [6] и как показывают исследования ученых (см., например, [1; 2; 3]), представляет собой мощный инструмент для структурирования абстрактных понятий через конкретные образы.

Например, такая метафора в романе «*The Winter Soldier*», как «*MEDICINE is a THEATER*», позволяет по-новому взглянуть на профессию врача, где новый образ описывает специфический способ взаимодействия врача с пациентом и медицинской реальностью [6, с. 37].

В рамках традиционного анализа метафор акцент делается на субъективной интерпретации, что ограничивает строгость подхода. Однако в современных исследованиях наблюдается тенденция к поиску более объективных методов, способных оценивать метафоры с учетом их многомерной природы. Важным шагом в этом направлении стало развитие теории концептуальной интеграции Ж. Фоконье и М. Тернера («*The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities*»), где метафоры рассматриваются как результат взаимодействия различных ментальных пространств [4].

Понятия, включая метафоры, можно представить как точки в многомерном пространстве, где каждое измерение отражает ключевой аспект их структуры. Как отметил Питер Гэрденфорс (*Peter Gärdenfors*) в работе «*The Geometry of Meaning: Semantics Based on Conceptual Spaces*», различные измерения пространства дают возможность формализовать и визуализировать сложные концептуальные структуры [5], в том числе и метафоры.

В исследуемом романе особый интерес вызывает метафора «*MEDICINE is a THEATER*». В данном случае медицина, описываемая через театральные образы, становится более понятной и доступной для восприятия, поскольку театр является универсальной культурной категорией, знакомой каждому человеку.

Для оценки когнитивной сложности учитываются лексические значения слов, репрезентирующих данную метафору. *Theater* в метафоре «*MEDICINE is a THEATER*» интерпретируется на основании его definicijij в OED, таких как «building or outdoor area for dramatic performances», «room or hall for lectures» и «writing and production of plays» [7]. Эти значения задают основу для создания ментальных пространств, таких как 1) *врач как режиссер*; 2) *пациент как актер/зритель*; 3) *медицинские инструменты как реквизит*; 4) *процесс лечения как театральная постановка*.

Когнитивная сложность показывает, насколько многослойной и сложной является метафора. Она оценивается по двум основным параметрам: 1) количество ментальных пространств (N_i), 2) глубина их интеграции (D).

Ментальные пространства в концепции Ж. Фоконье – это отдельные структуры, которые возникают в нашем сознании, когда мы думаем или говорим. В метафоре «*MEDICINE is a THEATER*» мы выделяем 4 таких пространства. 1) *врач как режиссер* (ведущая роль, управляющая процессом); 2) *пациент как актер/зритель* (подчиненная роль, реагирующая на дей-

ствия ведущего); 3) *медицинские инструменты как реквизит* (элементы, которые используются для «представления» лечения); 4) *процесс лечения как театральная постановка* (общий сценарий, в котором выполняются действия). Глубина интеграции показывает, насколько тесно связаны ментальные пространства друг с другом. Мы выделили следующие критерии для анализа: 1) $D=1$, где пространства слабо связаны, например, метафора представляет элементы как независимые; 2) $D=2$, где пространства умеренно связаны, элементы влияют друг на друга опосредованно; 3) $D=3$, где пространства глубоко интегрированы, каждый элемент влияет на остальные (врач, пациент, инструменты и сам процесс лечения взаимосвязаны и формируют единую когнитивную структуру).

Все элементы данной метафоры глубоко взаимосвязаны: врач действует как режиссер, пациент – как актер, а медицинские инструменты выполняют вспомогательную функцию, аналогичную театральному реквизиту. Лечение представляется единым процессом, направленным на изменение состояния пациента, что подтверждает высокий уровень интеграции метафоры. В случае метафоры «MEDICINE is a THEATER» уровень интеграции можно оценить как $D=3$, поскольку врач, пациент, инструменты и сам процесс лечения взаимосвязаны и формируют единую когнитивную структуру.

Исходя из полученных данных и проведенного анализа, мы можем выявить формулу для определения когнитивной сложности:

$C = W_1N_i + W_2D$, где W_1 и W_2 – весовые коэффициенты, отражающие значимость каждого параметра в общей когнитивной обработке. $W_n=1$ (вес для количества пространств – одинаков для всех метафор) и $W_d=2$ (вес глубины интеграции – важность связей между элементами). Вес $W_n=1$ был выбран для обеспечения равного значения каждого пространства, поскольку все пространства в метафоре вносят равнозначный вклад в итоговый показатель. Вес $W_d=2$ отражает более высокую значимость связей между элементами, поскольку именно интеграция пространств определяет глубину и когнитивную сложность метафоры.

$$C=1\cdot 4+2\cdot 3=10$$

Это значение свидетельствует о высокой сложности метафоры, требующей от реципиента значительных когнитивных усилий для интерпретации.

Данный анализ подтверждает, что метафора «MEDICINE is a THEATER» является не просто стилистическим средством, а сложной когнитивной конструкцией, обеспечивающей многослойную интерпретацию медицинской практики. Это открывает перспективы для дальнейших исследований когнитивной сложности метафор в различных профессиональных и культурных контекстах.

Библиографический список

1. Нильсен Е.А., Казачкова Ю.А. Метафорическая презентация медицины в романе Дэниела Мейсона «The Winter Soldier» / Е.А. Нильсен, Ю.А. Казачкова // *Studia Germanica, Romanica et Comparatistica.* – 2025. – Т. 21, № 1(67). – С. 37-49.
2. Нильсен Е.А. Отражение образной составляющей концепта «время» в произведениях английских авторов XVI века / Е.А. Нильсен // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. №12 (80). – 2009. – С. 300-305.
3. Нильсен Е.А. Особенности образной составляющей концепта ВРЕМЯ в среднеанглийском языке / Е.А. Нильсен // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Вып. 2: Сер. Филологические науки. – 2012. – С. 66-73.
4. Fauconnier G., Turner M. *The Way We Think: Conceptual Blending and the Mind's Hidden Complexities* G. Fauconnier, M. Turner. – Basic Books, 2003.
5. Gärdenfors P. *The Geometry of Meaning: Semantics Based on Conceptual Spaces* / P. Gärdenfors. – The MIT Press, 2004.
6. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors We Live By* / G. Lakoff, M Johnson. – University of Chicago Press, 1980.

Y.A. Kazachkova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, kazachkova.yu@unecon.ru

The Verbalization of the Metaphor "Medicine Is a Theater" in Daniel Mason's Novel "The Winter Soldier"

The article presents a cognitive analysis of the metaphor "Medicine is a Theater" from Daniel Mason's novel "The Winter Soldier". The study is based on the theories of conceptual integration by G. Fauconnier and M. Turner, as well as the approach to metaphors as tools for structuring abstract concepts through concrete images.

Key words: metaphor, cognitive complexity, conceptual integration, medicine, theater, Daniel Mason

УДК 81`22 + 22.07

С.М. Капилупи,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, s_capilupi@yahoo.it

Слова о гендере в библейской традиции и современном восприятии: русско-итальянское лингвистическое и культурологическое сравнение

В тексте показано как современная эмансипация женщин сопровождалась развитием историко-научной филологии, позволяющей по-новому интерпретировать связанные тексты, а русско-итальянское лингвистическое и культурологическое сравнение доказывает, как язык влияет на менталитет и наоборот.

Ключевые слова: женщина, мужчина, права, обязанности, Библия, язык, современность, экзегетика

Женщина как ребро (Быт 2, 21) или как равная (Быт 1, 26) мужчине уже противоречиво и полярно представлена в тексте Ветхого Завета.

Есть целый ряд картин и икон, которые, к сожалению, определили на всегда классический и традиционный эстетический канон и сотворения человека, и грехопадения, от древневосточной иконографии доходя до «Изгнания из Рая» Мазаччо и «Страшного суда» Микеланджело: Бог изначально создает человека мужчиной, а когда появляется рядом с ним женщина, то не далеко уже видны и Древо познания добра и зла, и Змея; в принципе так и рассказано во Второй главе Книги Бытия, где находится второй рассказ сотворения мира, но вместе со следующим грехопадением. На все это повлиял конечно и античный, греческий канон красоты, воплощенный в Дорифоре Поликлета: для греков только мужчина мог быть символом человеческой гармонии. Впрочем, именно поэтому так значимой является Сикстинская Мадонна Рафаэля: она намеренно повторяет именно то сочетание статичности и динамизма и именно ту позу тела, которые были у древнего Дорифора.

Богословски в Иудео-христианстве сложилась тогда традиция, по которой *у* и *от* женщин, если смотреть на чисто человеческое, происходит самое главное и в отрицательном, и в положительном смысле: с Евой связано общее роковое познание, а от Марии рождается Богочеловек-спаситель.

В Новом завете, безусловно, произошла некая духовная эволюция, и если в Послании Святого Павла к Ефесянам женщина еще рассматривается скорее как помощница, чем как партнер с равными правами и обязанностями, то в Послании к Галатам открыто написано следующее: «...; нет мужского пола, ни женского: ибо все вы одно во Христе Иисусе» (Гал 3, 28). Однако еще древнееврейская традиция представляется поистине удивительной и, осмелюсь сказать, таинственно революционной среди текстов своей эпохи: она противоречит ассирийской царской идеологии Ближнего Востока и в целом того времени, где только царь считался образом Бога (1). В Быт 1, 26-27, напротив, человеческая личность в целом (*'adam'*), – как вершина творческой божественной силы, описанной в Быт 1, – может претендовать на Божье подобие. Следует еще подчеркнуть, что священный автор тут говорит про «*Adam*», то есть о «Человеке», не детерминированном половым образом, что нельзя путать с «*Is*», детерминированным в мужском смысле (4).

Мужчина и женщина как таковые уже сами по себе являются равноправными царем и царицей, и это царственное достоинство дано им потому, что они оба были созданы в один и тот же момент по образу и подобию Царя и Творца мира. Таким образом, изначальный божественный

творческий акт был неделимым творением Человека, определенного как «мужчина и женщина»; конечно, мы имеем здесь дело не с гермафродитом, а с Человеком, который по своей природе конкретно и физически характеризуется как мужское и женское начало, и, что удивительно, именно поэтому он подобен Богу: каждое из этих начал видимо говорит нам многое не только о человеке, но и о Боге (5, р. 269). Не может также не бросаться в глаза, что «*ruah*» по-еврейски, «дух», носящийся «над водою» уже в Быт 1, 2, это существительное женского рода, как и София, веселящая Творца: «тогда я была при Нем художницею, и была радостью всякий день, веселясь пред лицом Его во все время» (Книга Притчей Соломоновых, 8, 30).

Наконец, и это, возможно, не менее важно, существует не только экзегеза, которая всегда стремится вернуть текст к намерениям тех, кто его написал, но и герменевтика, которая может обновить его сегодня, и возможное открытие женственности Бога-Творца, уже присутствующее в начале, может принимать множество новых значений и интерпретаций.

Конечно, как выше сказано, есть еще Быт 2, 21, где женщина является ребром мужчиной и дальше становится очень активным участником и даже советчиком общего грехопадения. Однако, Джеймс Барр (2) видит в истории о дереве добра и зла и вине Адама, как она дошла до нас, историю о том, как человек достиг своего нынешнего состояния, то есть он упустил возможность стать бессмертным, поэтому он был изгнан из Эдема и не мог есть от дерева жизни, но зато стал разумным, из того полу-животного, которым он был прежде, потому что он вкусили от дерева познания добра и зла. Что касается отношений между мужчиной и женщиной, Бог создает человека мужчиной, *Адам* с заглавной А, который на самом деле говорит о себе в 2,23 как «*Is*» (мужчина), затем он забирает женщину из его тела в качестве «подходящей помощи», но не раньше, чем создал животных и представил их мужчине, чтобы посмотреть, сможет ли он найти там «подобную помощь». Это действие Бога, кажется, имеет иронический подтекст, как будто это была проверка, сможет ли этот человек, созданный из земли, отличить себя от животных (3).

На протяжении веков по этому поводу были написаны тысячи книг, в которых пытались объяснить или гармонизировать противоречия, присущие в библейском тексте, начиная с талмудической традиции и заканчивая современной научной экзегезой в христианской среде. Я могу упомянуть здесь очень мало: отцы Церкви хорошо знали, что Быт 1, 28 («плодитесь и размножайтесь») предшествует рассказ о кушании запретного плода; однако некоторые из них объяснили, что вне греха размножение осуществлялось бы таинственным и ангельским образом, а не через половой акт.

То есть, текстуальные противоречия, которые первые еврейские собиратели и редакторы решили оставить как они были, опираясь на разных источниках, причинили в течение несколько веков и в менталитетах разных народов некие искажения в сторону презрения или к эросу, или к женщинам или даже к самому факту деторождения, что не могло быть ни в коем случае в иудейском менталитете, для которого размножение – это всегда знак божьего благословения. Это исходит из Быт 3, 16: «Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей ...». Есть еще худшие переводы (худшие потому, что они еще более прямо указывают на умножение беременностей как на проклятие), с латыни, в которых написано «умножу скорби твои и беременности твои» (так, например, переведено было еще недавно в католической Библии на итальянском языке). Однако и то, и другое – неправильно. На иврите (и в переводе 70 на древний греческий язык: «πληθυνῶ τὰς λύπας σου καὶ τὸν στεναγμόν σου») было не «скорбь и беременность», а «скорбь и плач». «Еронèх»: беременность. «Игионèх»: плач. Буква «рэ» и буква «гимель» на иврите легко путаются, и это – причина, по которой в кодексах, к сожалению, эта древнейшая “опечатка” осталась.

Следует, что слово «беременность» вообще отсутствовала в контексте проклятия Божьего после грехопадения. Есть один знаменитый итальянский фильм от 1961 года: «Развод по-итальянски», с Марчелло Мастроянни и Стефанией Сандрелли. «Руки срослись на животе, словно мучая утробу, эту утробу, осужденную Богом, – священным осуждением, – на блаженные муки материнства...» – эти слова произносит в одной из своих речей адвокат Де Марци, выбранный главным героем-преступником фильма, бароном Фердинандо Чефалу, в силу его хитрого красноречия.

И так, женское чрево было бы осуждено Богом на блаженные муки материнства. Если бы юрист сказал, что Бог обрекает женщин на муки, сопровождающие роды, и не назвал бы их «блаженными», то приведенный фрагмент можно было бы возможно отнести к правильному варианту библейского текста, который гласит: «Я умножу твои жалобы и твои боли». Но определение «муки родов» как «блаженных» делает их однозначно тождественными с понятием самых родов, которые, в свою очередь, оправдываются как «блаженные» не столько самые по себе как акт деторождения – ибо было бы парадоксально, что Бог изначально через наказание совершил что-то само по себе фундаментальное для творения мира – но ввиду будущего рождения Христа в женском чреве: что сводит впрочем Христианство лишь к религии искупления грехов, а не к более широкому пониманию, – восточному и западному, – его как вера в обожествление Космоса («обожжение») через прославление Бога в человеке, в силу древнего изречения отцов: «Бог стал человеком, чтобы человек стал Богом».

Вспоминается также диалог из фильма Андрея Тарковского «Жертво-приношение»: Александр говорит: «Я хочу сказать, что «я» актера растворяется в его персонажах. А мне не хотелось, наверное, ... растворяться. Во всем этом было что-то греховное. В этом растворении, что-то женственное, безвольное». Аделаида саркастически и недовольно подчеркивает: «А женственное, конечно, это уже греховное...».

Эти небольшие отрывки из классического кино бесспорно демонстрируют, насколько сильно непонимание, присущее латинскому, а не древнегреческому переводу Книги Бытия, – и несмотря на общее мнение, именно латинский перевод повлиял также на старославянский вариант, – на протяжении веков определило мышление не только массы, но и высокообразованных индивидов, как выше видно в зеркале иронии великих режиссеров.

Слово «женщина» образовано от корня «жен-» добавлением суффикса «-щин». Ранее в значении «женщина» также использовалось слово «жена». Сам корень «жен-» имеет индоевропейское происхождение, как у древнегреческого γυνή: «καὶ ἦσαν οἱ δύο γυμνοί, ὅτε Αδαμ καὶ ἡ γυνὴ αὐτοῦ, καὶ οὐκ ἤσχύνοντο (и были оба наги, Адам и жена его, и не стыдились)» (Быт 2, 25).

Этимологически и библейски получается, что женщина она женщина потому, что жена мужчины. В то же время в итальянском языке «donna» происходит от «domina», что означает госпожа, и возвращает нас к прекрасному рыцарскому и поэтическому видению Позднего средневековья, которое возносит женщину на благородный пьедестал: «*Madonna*» в свою очередь является «*Mea Domina*», или «моя госпожа», и в значении, сохранившемся до сих пор, в конечном итоге относится только к Богоматери. Также интересно, что «*patrimonio*» (имущество) относится к отцовскому, и поэтому снова к мужскому началу, а «*matrimonio*» (брак) – к материнскому, то есть к женскому. Если мужчина *владеет*, то женщина *сединяет*. Краткая сводка, составленная здесь, показывает в своей малой степени, как необходимо лучше знать традиции, особенно с лингвистической и историко-филологической точки зрения, чтобы создать новое пространство для диалога между «консерваторами» и «прогрессистами», – пространство, необходимое для того, чтобы разногласия и даже конфликты, хотя они всегда возможны и легитимны, не застревали в некоем видении традиции, которое фактически искажено неверными и ненадлежащими традиционализмами.

Библиографический список

1. Angerstorfer A. Ebenbild eines Gottes in babylonischen und assyrischen Keilschrifttexten: in Biblische Notizen 88 (1997), p. 47-58.

2. Barr J. The Garden of Eden and the Hope of Immortality, in Read-Tuckwell Lectures for 1990, London 1992, 146 p.
3. Clines D. J. A. What Does Ève Do to Help? and Other Readerly Questions to the Old Testament (JSOT Sup, 94; Sheffield: JSOT Press, 1990), pp. 25-48.
4. Merlo P. L'immagine di Dio. Maschio e femmina in Gn 1,26-27 e nella figura di Dio // «Anthropotes», 2005, 21 (1), p. 105-119.
5. Skeha P. W. (trans.), Di Lella A. A. (intr.). The Wisdom of Ben Sira [The Anchor Bible 39], New York 1987, 620 p.

S.M. Capilupi,

St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia, s_capilupi@yahoo.it

**Words about gender in biblical tradition and modern perception:
Russian-Italian linguistic and cultural comparison**

The paper shows how the modern emancipation of women has been accompanied by the development of historical-scientific philology, allowing for a new interpretation of sacred texts, while a Russian-Italian linguistic and cultural comparison proves how language influences mentality and vice versa.

Keywords: woman, man, rights, duties, Bible, language, modernity, exegetics.

УДК 811.11-112

А.Л. Ломоносова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, annalomo@yandex.ru

Г.Ф. Шнайдер,

Высшая школа,
Циттау/Гёrlitz, Германия, f.schneider@hszg.de

**Stereotype und ihre Rolle in der interkulturellen
Geschäftskommunikation**

Der Artikel beleuchtet die vielschichtige Rolle von Stereotypen in der interkulturellen Geschäftskommunikation. Stereotypen werden als vereinfachte Vorstellungen über Gruppen definiert, die sowohl nützliche Orientierungshilfen als auch Quelle von Fehlinterpretationen sein können. Im Kontext der globalisierten Wirtschaft wird die interkulturelle Kompetenz als Schlüssel zum Erfolg hervorgehoben, wobei das Verständnis kultureller Unterschiede und der Umgang mit Stereotypen als wesentliche Elemente betrachtet werden. Am Beispiel der deutschen Pünktlichkeit wird veranschaulicht, wie kulturelle Besonderheiten sich in Sprache und Verhalten manifestieren und im interkulturellen Austausch zu Missverständnissen führen kön-

nen. Abschließend wird argumentiert, dass die bewusste Reflexion eigener kultureller Prägungen und Stereotypen die Grundlage für eine erfolgreiche und respektvolle interkulturelle Kommunikation bildet.

Schlüsselwörter: Stereotype, interkulturelle Geschäftskommunikation, interkulturelle Faktoren, Pünktlichkeit, Orientierungshilfe, Umgang mit Stereotypen

Stereotype sind weit verbreitete und vereinfachte Vorstellungen über bestimmte Gruppen von Menschen. Sie basieren oft auf unvollständigen oder verzerrten Informationen und können sowohl positive als auch negative Assoziationen beinhalten. Ihre Bedeutung und Auswirkungen auf die Gesellschaft sind vielfältig und komplex, und ihre Untersuchung ist für das Verständnis sozialer Dynamiken und Interaktionen von großer Bedeutung. Ein bekanntes Phänomen im Zusammenhang mit Stereotypen ist die selbsterfüllende Prophezeiung. Wenn Menschen aufgrund von Stereotypen bestimmte Erwartungen an andere haben, können diese Erwartungen das Verhalten der betroffenen Personen beeinflussen und dazu führen, dass sie den Stereotypen entsprechen. Dieser Prozess kann die ursprünglichen Annahmen und Vorurteile verstärken und verfestigen. Ein ausgeprägtes Bewusstsein für die eigenen kulturellen Prägungen und die damit verbundenen Stereotypen ermöglicht es, die Perspektive des Gegenübers besser zu verstehen und somit effektiver zu kommunizieren. Obwohl Stereotypen oft als hinderlich betrachtet werden, können sie aber in der interkulturellen Geschäftskommunikation als erste, wenn auch unvollständige, Orientierungshilfe dienen, um kulturelle Unterschiede zu antizipieren. Eine erfolgreiche interkulturelle Kompetenz erfordert die Fähigkeit, Stereotypen als Hypothesen zu betrachten und diese durch Beobachtung, Erfahrung und offene Kommunikation zu verifizieren oder zu widerlegen. Die Kenntnis von Stereotypen über die eigene Kultur kann hilfreich sein, um das eigene Verhalten in interkulturellen Situationen anzupassen und Missverständnisse zu vermeiden, ohne jedoch die eigene Authentizität zu verlieren.

Die moderne Welt zeichnet sich durch die zunehmende Vernetzung von Unternehmen auf internationaler Ebene, wodurch interkulturelle Kompetenzen in der Geschäftskommunikation unerlässlich geworden sind. Signifikante Unterschiede im Geschäftsverkehr können zu Missverständnissen und ineffizienten Kooperationen führen. Die Anerkennung und Berücksichtigung der interkulturellen Faktoren, wie Zeit, Raum, Machtdistanz, Individualismus/Kollektivismus etc., können helfen, erfolgreich Partnerschaft einzugehen und weiterhin Kontakte zu pflegen. Gerade hier können Stereotype behilflich sein, da sie Besonderheiten des Verhaltens bestimmter Nation aufweisen und Unterschiede hervorheben. Stereotype können im interkulturellen Kontext durchaus als eine Art Wegweiser dienen. Sie fassen beobachtbare Verhaltensmuster bestimmter

Nationalitäten zusammen und akzentuieren Unterschiede, die sonst im komplexen Gefüge menschlicher Interaktion untergehen würden. Natürlich muss man vorsichtig sein, denn Verallgemeinerungen bergen stets das Risiko der Verzerrung und des Schubladendenkens. Als Beispiel wird hier solcher interkulturelle Faktor angeführt wie Einstellung zur Zeit. Es lässt sich nicht leugnen, dass bestimmte Kulturen eine spezifische Beziehung zur Zeit pflegen, die sich in ihren Handlungen und sogar in ihrer Sprache widerspiegelt. Es gibt Nationen, zu denen auch Deutsche gehören, die sich von der Zeit beherrschen lassen, und auf der anderen Seite sind Nationen, die über unbegrenzte Zeitressourcen zu verfügen scheinen. Die deutsche Art, nach der Uhrzeit zu fragen – "Wie spät ist es?" anstatt nur "Wie viel Uhr ist es?" – impliziert eine subtile Besorgnis, zu spät zu sein. Das Wort "überpünktlich" existiert im Deutschen nicht ohne Grund. Es beschreibt eine Pünktlichkeit, die über das erwartete Maß hinausgeht, aber wird nicht als übertrieben wahrgenommen. Lexika wie das DWDS [3] führen eine ganze Reihe verwandter Begriffe auf, die diese extreme Ausrichtung auf Zeitgenauigkeit unterstreichen: "superpünktlich", "exakt zum vereinbarten Zeitpunkt". Selbst die Art und Weise, wie die Uhrzeit im Deutschen angegeben wird, zeugt von dieser Präzision. Anstatt einfach "halb acht" zu sagen, hört man oft Formulierungen wie "drei Minuten vor halb acht". Diese Detailgenauigkeit verdeutlicht, dass jede Minute ihren Wert hat und nicht verschwendet werden darf. Der deutsche Volksmund bringt diese Haltung mit der Redewendung "Fünf Minuten vor der Zeit ist des Deutschen Pünktlichkeit" treffend auf den Punkt. Also, für Deutsche sei die Zeit ein wichtiger und kostbarer Faktor bei Gesprächen, und ihre sorgfältige Einteilung erhöht die Effizienz der Verhandlungen. Pünktlichkeit ist ein Zeichen guter Manieren und wer pünktlich ist, zeigt, dass er sein Gegenüber, also seinen Geschäftspartner, wertschätzt. Wichtig ist es auch für Deutsche, die Arbeit pünktlich zu beenden. Pünktlichkeit wird geschätzt, Unpünktlichkeit in der Regel kann schon bestimmtes Bedenken erregen, und kann übrigens ein Zeichen für fehlendes Zeitmanagement sein. In Russland ist der Umgang mit Zeit etwas lockerer, man versteht, dass es bestimmte Umstände gibt oder Faktoren, die man nicht beeinflussen kann, sowohl objektive als auch subjektive. Ein Vorgesetzter kann später kommen, aber der verspätet sich nicht, man hat schon Verständnis dafür. Diese Zeit des Wartens nutzt man für persönliche Kontakte, tauscht Neuigkeiten aus, pflegt persönliche Kontakte. Also, in Russland, wer später kommt, will keinesfalls den anderen signalisieren, ihr seid mir nicht wichtig genug. Aber auch, wenn man weiß, wie wichtig für deutsche Geschäftspartner Pünktlichkeit ist, dann soll man sich schon Mühe geben, pünktlich zu Verhandlungen zu kommen. Jede von beiden Geschäftsseiten soll dann bestimmte Stereotype in Betracht ziehen, analysieren und bestimmte

Schlussfolgerungen machen, um sie, diese Stereotype, der Situation anzupassen und umzuarbeiten. Durch das veränderte Vorgehen und das interkulturelle Verständnis können die Geschäftspartner erfolgreich eine Partnerschaft eingehen. Man versteht heute, dass die Berücksichtigung kultureller Unterschiede genauso wichtig ist wie die anderen.

Zusammenfassend lässt sich sagen, dass ein tiefgreifendes Verständnis der kulturellen Unterschiede in der Geschäftskommunikation unerlässlich für eine erfolgreiche Zusammenarbeit ist. Stereotype können dabei als ein Schlüssel zum Verständnis anderer Verhaltensweisen und Werte dienen. Aber es erfordert die Bereitschaft beider Seiten, sich auf die jeweils andere Kultur einzustellen, deren Stereotype verstehen können, und einen Kommunikationsstil zu entwickeln, der von gegenseitigem Respekt und Flexibilität geprägt ist. Nur so können Missverständnisse vermieden werden, und eine effektive und erfolgreiche Partnerschaft kann aufgebaut werden.

Literaturverzeichnis

1. Blom H, Meier H. Interkulturelles Management / H.Bлом, H.Мeier // internationales Management – Verlag Neue Wirtschaftsbriebe, 2004.
2. Loew R., Pfeifer A., Rösch O. Stereotype Einstellungen und Kulturstandards in der aktuellen interkulturellen Kommunikation mit Partnern aus dem östlichen Europa – ein Forschungsprojekt am Institut für Interkulturelle Kommunikation / R.Loew, A.Pfeifer, O.Rösch // Wissenschaftliche Beiträge / Technische Hochschule Wildau, January 2001.
3. DWDS Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Elektronische Ressource]. Zugriffsmodus: <http://www.gs-pesterlozzi-burg.bildung-lsa.de/images/schulordnung.pdf> (Datum des Zugriffs: Februar 2025).

A.L. Lomonosova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, annalomo@yandex.ru

G.F. Schneider,

Görlitz University of Applied Sciences, Germany, f.schneider@hszg.de

Stereotypes and their role in intercultural business communication

The article highlights the multifaceted role of stereotypes in intercultural business communication. Stereotypes are defined as simplified ideas about groups, which can be both useful guidance and a source of misinterpretation. In the context of the globalized economy, intercultural competence is highlighted as the key to success, whereby the understanding of cultural differences and dealing with stereotypes are considered as essential elements. The example of German punctuality illustrates how cultural peculiarities manifest themselves in language and behavior and can lead to misunderstandings in intercultural exchange. Finally,

it is argued that the conscious reflection of one's own cultural imprints and stereotypes forms the basis for successful and respectful intercultural communication.

Keywords: stereotypes, intercultural business communication, intercultural factors, punctuality, guidance, dealing with stereotypes

УДК 81'27

Е.Н. Михайлова,
Российский государственный педагогический университет
им. А.И.Герцена,
Санкт-Петербург, Россия, emikhailova@yandex.ru

Коммуникативное пространство старины ярмарки в зеркале словаря-разговорника XVI века

В статье анализируются особенности коммуникативного пространства большой ярмарки, проходившей летом 1586 г. в Архангельске. В качестве эмпирического материала выступил первый французско-русский разговорник «Парижский словарь московитов». Представлены данные реконструкции делового и бытового общения на торговой площади, в трактире, на постоялом дворе.

Ключевые слова: деловое общение, Франция, Россия, «Парижский словарь московитов», двуязычный разговорник

Интенсивное развитие коммуникативной лингвистики во многом стимулировано появлением в современном технологически развитом обществе значительного числа новых средств и способов коммуникации. В последние годы в рамках новой лингвистической онтологии все больше внимания уделяется проблемам, связанным с изучением «*Homo communicans*» (Человека общающегося). Значимое место среди исследований, проводимых в рамках коммуникативистики, занимают проекты, направленные на изучение деловой коммуникации, имеющей свои специфические особенности по сравнению с иными типами общения.

Сложившиеся к настоящему времени в деловой среде традиции коммуникативного поведения имеют давнюю историю. Немалый интерес для ученых представляют старинные документы, свидетельствующие о типичных моделях поведения, принятых в деловых кругах при заключении сделок, проведении переговоров, осуществлении купли-продажи и др. По-своему интересны в этом плане источники, проливающие свет на коммуникацию, отражающую деловые контакты между представителями разных наций. Отсюда повышенное внимание к источникам, репрезентирующими и дающим возможность в определенной мере реконструировать

особенности коммуникативного поведения человека в такого рода ситуациях общения.

Цепь политических, экономических и культурных изменений, произошедших в мире на рубеже XX-XXI вв. обусловила всплеск интереса к источникам, отражающим в том или ином виде ранние деловые контакты между Западом и Востоком. В связи с этим внимание ученых оказалось сконцентрированным на отчетах о путешествиях западноевропейских мореплавателей, торговцев, дипломатов на Русь, в Москвию, в Россию. Достойное место в числе такого рода источников по праву заняли двуязычные разговорники, отражающие специфику общения между представителями деловых кругов России и европейских стран, прежде всего входивших некогда в Ганзейский союз.

К числу такого рода источников относится первый французско-русский словарь-разговорник «*Dictionnaire des Moscovites*» («Парижский словарь московитов»), который является уникальным лингвистическим и культурно-историческим памятником, отражающим реалии проходившей в июле-августе 1586 г. в Архангельске традиционной летней ярмарки. Интересен этот памятник и как документ, запечатлевший специфику контактов заморских гостей с российскими купцами, и как свидетельство западноевропейской традиции составления разнотипных разговорников, которыми была богата эпоха Великих Географических открытий. Этим во многом объясняется пристальное внимание к данному письменному памятнику конца XVI в. в исследованиях, особенно в последние годы [1; 5; 4; 3; 2].

Несмотря на значительное число проведенных на материале этого уникального лингвистического документа основательных изысканий, его изучение продолжает сохранять значимость для решения комплекса вопросов, в том числе имеющих отношение к проблемам современной коммуникативистики. Будучи словарём-разговорником, он интересен как источник для реконструкции особенностей многоязычного коммуникативного пространства, поскольку большая летняя ярмарка в Архангельске в 1586 г. была представлена не только купечеством из разных уголков Всея Руси, но и заморскими торговыми гостями, говорившими на английском, голландском, датском и немецком языках. Французский язык на этой ярмарке был представлен опосредованно: поскольку до этого года французских купцов на Русском Севере не было, в Архангельске его никто не знал, французы же не знали русского языка. Поэтому им приходилось использовать в качестве средства общения английский и голландский языки, которыми они хорошо владели, поскольку были мореплавателями и купцами, к тому же выходцами из Дьеппа, расположенного на северо-востоке Франции.

Принципиальным отличием «Парижского словаря московитов» от бытовавших в ту пору в Европе в большом количестве дву- и многоязычных разговорников является не текстоцентричный, а словоцентричный подход к презентации материала: коммуникативные практики представлены в нем в основном не законченными фразами, а отдельными словами [2].

Что касается коммуникативного пространства «Парижского словаря московитов», то оно представлено торжищем, постоянным двором и трактиром. Кроме того, зафиксированная в этом словаре-разговорнике информация дает возможность для получения представлений о досуге заморских гостей. Каждое из коммуникативных пространств разговорника имеет свои отличительные особенности, отражающие разного рода коммуникативные стратегии участников общения. Наиболее полно отражена сфера торговли, при этом она в наибольшей степени соотносится со словоцентричной природой данного текста, т.к. содержит обширный перечень наименований товаров, которые были свезены на архангелогородскую ярмарку и которые пользовались спросом у иностранцев. Коммуникативное пространство торжища представлено не только словами и словосочетаниями, но и краткими репликами, чаще всего вопросами о качестве товаров и их стоимости. Как неотъемлемая часть торговых сделок получила отражение в разговорнике система числительных, которая представлена исключительно отдельными словоформами. Что касается наименований денежных единиц, то эта традиционная для сферы торговли категория слов представлена лишь лексемой «гривенка». Получить представление о служивших для торга денежных средствах можно лишь по перечню наименований металлов, соотносимых с качеством старинных монет: золото, серебро, медь.

Интересные сведения дает словарь-разговорник о коммуникативном пространстве постоянного двора. В основном эти сведения касаются разного рода поручений постоянных хозяев к хозяину и прислуге. В отличие от торжища это коммуникативное пространство представлено исключительно краткими репликами – преимущественно повелительными предложениями, гораздо реже вопросительными. В той же мере тяготеет к текстоцентричности и коммуникативное пространство трактира, представленное вопросами, распоряжениями и ремарками гостей относительно качества подаваемых блюд и напитков. Достаточно широкий список слов этой категории дает возможность получить представление о меню и об утвари, которая была в ходу.

Досуговая часть разговорника представлена краткими репликами, в основном формулами вежливости и приглашениями, выраженными чаще всего в виде вопросительных предложений, адресованных преимущественно иностранным купцам. Заслуживает внимания и та часть разговор-

ника, которая содержит элементы светской беседы, в частности, предлагаемые темы для разговора, отсылающие к античной истории, в основном к древнеримской.

Итак, «Парижский словарь московитов» является по-своему уникальным источником для изучения коммуникативных практик, типичных для делового и в меньшей степени бытового общения конца XVI века. Коммуникативное пространство, получившее отражение в этом словаре-разговорнике, ограничено торговой площадью, трактиром и постоянным двором. Для каждой из коммуникативных практик, представленных в этих по-своему закрытых пространствах, предпочтителен свой тип дискурсивных стратегий, презентированный вопросительными конструкциями для торжища, повелительными для трактира и постоянного двора и смешанным типом с доминированием повествовательных конструкций для досугового общения. Характерными чертами коммуникативных практик, получивших отражение в разговорнике, являются опосредованное и одностороннее общение, что обусловлено доминирующим местом французского собеседника, всегда выступавшего в качестве инициатора коммуникации.

Библиографический список

1. Ларин Б.А. Парижский словарь русского языка 1586 г. (исследование об авторе словаря) / Б.А. Ларин // Советское языкознание. – Л., 1936. – Т. 2. – С. 65-90
2. Михайлова Е.Н. Коммуникативный диссонанс в «Парижском словаре московитов» (1586) / Е.Н. Михайлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2024. – Том 17. – Вып. 9. – С. 3265-3269
3. Никитин О.В. Иностранные лексиконы по общедиалектному языку Московской Руси // Русская речь. – 2016. № 5. – С.70-74
4. Судаков Г.В. От «Парижского словаря московитов» до «Словаря общедиалектного языка Московской Руси XV-XVII вв.» (Эволюция ларинской концепции исторического словаря русского языка) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2015. № 6. С. 94-99
5. Vianey B. Tout autour du voyage de Jean Sauvage en Moscovie en 1586 / B. Vianey. – Moscou: Tezaurus, 2012. – 503 p.

E.N. Mikhailova,
Russian State Pedagogical University in the name of A. I. Herzen,
St. Petersburg, Russia, emikhailova@yandex.ru

Communicative space of an old fair in the mirror of the XVI century dictionary-talking book

The article analyses the features of the communicative space of the great fair held in the summer of 1586 in Arkhangelsk. The first French-Russian conversation book ‘Paris

Muscovite Dictionary' was used as an empirical material. The data of reconstruction of business and domestic communication in the trade square, in the inn, at the inn are presented.

Ключевые слова: Business Communication, France, Russia, 'Paris Muscovite Dictionary', bilingual phrasebook

УДК 81-11

В.О. Николаев,

Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина,
Пушкин, Санкт-Петербург, Россия, tenn11054@gmail.com

Вербализация концепта TRUST в произведениях Дж. Чосера

В данной статье рассматривается вербализация концепта TRUST в произведениях Джонатана Чосера. Выделенными центральными признаками концепта являются «вера в Бога», «верность», «уверенность в себе или других людях» и «надежда». По итогам исследования были выявлены когнитивные признаки «объем» и «истинность».

Ключевые слова: Джонатан Чосер, среднеанглийский язык, когнитивная лингвистика, концепт TRUST

Значимость вклада Джонатана Чосера в английскую литературу и английский язык трудно переоценить. Язык, на котором он писал, стал основой английского литературного языка [1, с. 8]. В этой связи изучение языковой репрезентации концептов в среднеанглийский период не может не опираться на его произведения [2; 3; 4; 5].

Концепт – это принадлежность сознания человека, глобальная единица мыслительной деятельности [6, с. 14]. Понятие концепта сопряжено с такими когнитивными процессами, как восприятие и познание, его исследование позволяет структурировать то, как носитель языка воспринимает окружающую его действительность.

Семантико-когнитивный анализ концепта представляет собой «исследование лексической и грамматической семантики языка как средства доступа к содержанию концептов, как средства их моделирования от семантики языка к концептосфере» [6, с. 12].

Исследование осуществляется по следующему алгоритму: во-первых, определяется ключевая лексема, репрезентирующая концепт в языке; во-вторых, на основании дефиниций из толковых словарей определяются ядерные признаки концепта; в-третьих, путем анализа реализации лексемы-репрезентанта в текстах выявляются периферийные признаки исследуемого концепта. Последнее может анализироваться путем рассмотрения кол-

локаций с лексемой-репрезентантом, типичных для данного текста или совокупности текстов.

Анализ осуществлялся при использовании корпуса среднеанглийского и ранненовоанглийского языка WordHoard [8] на материале произведений Дж. Чосера.

Корпус WordHoard содержит в себе тексты следующих произведений: «The Canterbury Tales», «The Book of the Duchess», «The House of Fame», «Anelida and Arcite», «The Parliament of Fowls», «Boece, Trolius and Criseyde», «The Legend of Good Women», «Short Poems», «A Treatise on the Astrolabe» и «The Romaunt of the Rose».

Несмотря на то, что данный корпус является небольшим по объему сравнительно с основным корпусом среднеанглийского языка Corpus of Middle English Prose and Verse, результаты его исследования позволяют очеркнуть некоторые из признаков концепта TRUST в среднеанглийский период.

Ключевой лексемой-репрезентантом концепта TRUST в текстах Дж. Чосера является существительное *trust* и его вариант *trist*. Согласно Middle English Dictionary, существительное *trust* определяется как (1) *confidence*, (2) *religious belief or faith*, (3) *credence*, (4) *confident expectation* (5) *reliability, fidelity* [7].

На основании дефиниций из толкового словаря среднеанглийского языка можно обозначить такие ядерные признаки концепта, как (1) вера в Бога, (2) уверенность в себе или других людях, (3) надежда, (4) верность.

В ходе анализа коллокаций с ключевой лексемой концепта TRUST были обнаружены сочетания со следующими существительными: *pacience* (терпение), *richesses* (богатство), *grace* (милость), *Holy Goost* (Святой Дух), *drede* (страх), *jelousy* (ревность), *compassiouin* (сострадание), *felawship* (товарищество), *love* (любовь), *god* (Бог), *lif* (жизнь), *plesaunce* (удовольствие), *right* (право), *savacioun* (спасение), *feyth* (вера), *asseurance* (уверенность), *fortune* (удача, судьба), *hevene* (рай).

Нельзя не заметить, что немалая доля существительных, коллоцируемых с ключевой лексемой-репрезентантом, носят явно религиозный характер. Напрямую это прослеживается в сочетаниях с существительными *god, feyth, Holy Goost* и *hevene*, однако коллокации *trust* с *savacioun, grace, compassiouin* и *pacience* тоже предположительно относятся к религии, поскольку иллюстрируют традиционные христианские добродетели. В текстах Дж. Чосера концепт TRUST явно обладает признаком «веры» и соотносится с одноименным концептом – FAITH. Кроме того, коллокация с существительным *fortune* позволяет несколько расширить выявленный признак до «веры в высшие силы» независимо от религии.

Сочетаемость лексемы *trust* с существительными *drede* и *jelousy*, вероятно, указывает на социальный характер наблюдаемого признака кон-

цепта: страх ведет к неуверенности и недоверию, неуверенность порождает зависть, а недоверие – ревность. Таким образом, признак концепта на основании рассмотренных коллокаций можно обозначить как «уверенность в других людях».

В текстах Дж. Чосера были выявлены коллокации лексемы *trust* с такими прилагательными, как *fulle* (полный), *begyled* (обманутый). Во-первых, это позволяет включить в признак концепта «объем» (*fulle trust*), а во-вторых, вновь указывает на рассмотренный ранее признак «уверенность в других людях», когнитивной характеристикой которого является «истинность» или «ложность».

В корпусе Дж. Чосера также была обнаружена сочетаемость лексемы *trust* с глаголами *setten* (устанавливать, класть) и *bigylen* (обманывать). Глагол *setten* указывает на овеществление концепта TRUST в рассматриваемых текстах.

По итогам проведенного исследования можно заключить о том, что в текстах Дж. Чосера ядро концепта TRUST составляют такие признаки, как «вера» (в Бога или высшие силы в целом), уверенность в других людях. Периферийные признаки концепта TRUST включают в себя «объем», что иллюстрирует сочетание *fulle trust*, и «истинность».

Потенциал исследования произведений Дж. Чосера на предмет изучения признаков концепта TRUST может быть далее реализован путем расширения его номинативного поля с включением в него синонимов ключевой лексемы-репрезентанта, а также построения на основе текстов деривационного и лексико-фразеологических полей концепта.

Библиографический список

1. Гарднер Дж. Жизнь и время Чосера / Дж. Гарднер // Пер. с англ.; предисл. Гачечиладзе З.; comment. Воронина В. – М.: Радуга, 1986. – 448 с.
2. Нильсен Е.А. К построению когнитивной схемы восприятия времени носителями среднеанглийского языка / Е.А. Нильсен // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. – 2013. – С. 215-219.
3. Нильсен Е.А. Некоторые аспекты экспликации концепта ВРЕМЯ в среднеанглийском языке: дихотомия *день – ночь* в произведениях Чосера / Е.А. Нильсен // Известия Смоленского государственного университета. Ежеквартальный журнал, 2011. – №1 (13). – С. 121-130.
4. Нильсен Е.А. Репрезентация тенденций антропоцентризма в среднеанглийском языке / Е.А. Нильсен // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII. – 2016. – С. 231-239.
5. Нильсен Е.А. Особенности образной составляющей концепта ВРЕМЯ в среднеанглийском языке / Е.А. Нильсен // Вестник Балтийского федерального университета им. И.Канта. Вып. 2: Сер. Филологические науки. – 2012. – С. 66-73.
6. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика / З.Д. Попова, И.А. Стернин // М.: АСТ: Восток-Запад, 2007.

7. Middle English Dictionary. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://quod.lib.umich.edu/cgi/c/collsize/collsize?summ=all> (Дата обращения: 26.02.2025).

8. WordHoard. Выпуск 1.4.4.: программа / Университет Нортуэстэрн. Иллинойс, 2011. Лицензия: GNU GPL 2.0. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://wordhoard.northwestern.edu/userman/index.html> (Дата обращения: 26.02.2025).

V.O. Nikolaev,

Pushkin Leningrad State University,
Pushkin, St. Petersburg, Russia, tenn11054@gmail.com

Verbalisation of the TRUST concept in G. Chaucer's literature

This article considers the verbalisation of the TRUST concept in Goffrey Chaucer's literature. The identified nuclear features of the concept are 'faith in God', 'confidence in oneself or other people' and 'hope'. The analysis allowed to identify such cognitive attributes of the TRUST concept as 'volume' and 'truthfulness'.

Key words: Geoffrey Chaucer, Middle English, cognitive linguistics, TRUST concept

УДК 811.13

Г.В. Овчинникова,

Государственный университет просвещения,
Москва, Россия,

Международная полицейская академия,
Тула, Россия,

музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна»,
Тульская область, Россия, galinaovtchinnikova@yandex.ru

Лингвокультурологический подход к паремиологии (на примере толстовских паремий во французских, итальянских и немецких переводных текстах)

В статье предлагается выделить паремиологию в самостоятельную науку, имеющую свой понятийный аппарат и методологию исследования. Лингвокультурологический подход позволяет рассмотреть паремии как лингвокультурены и проанализировать адаптацию паремий рассказов Л. Н. Толстого во французских и немецких переводных текстах.

Ключевые слова: паремиология, паремия, Л. Н. Толстой, французский переводный текст, итальянский переводный текст, немецкий переводный текст

Исследование паремий с давних пор привлекало внимание отечественных исследователей [1], но интерес к их более глубокому изучению не ослабевает как в российском научном сообществе [2, 3], так и за рубежом [4, 5, 6].

Полемика ведется, в первую очередь, вокруг проблемы необходимости установления демаркационной линии между фразеологией и паремиологией, либо их рассмотрение в едином пространстве фразеологии. Непрекращающиеся дискуссии обусловлены рядом черт, которые, действительно, объединяют фразеологизмы и пословицы, в частности, устойчивость употребления, семантический сдвиг отдельных компонентов.

Вместе с тем, необходимо отметить, что паремиология имеет право на своё отпочкование от фразеологии в силу их существенного различия: фразеологизмы представляют собой открытость к контекстному окружению, пословицы и поговорки отличаются завершенностью суждения, что отражается в смысловой, синтаксической и просодической структуре. Фразеологизм отличается семантической неразложимостью своих компонентов, особенно идиомы, в то время как паремии могут иметь, как буквальный, так и переносный смысл.

В данной статье предлагается рассмотреть паремии ещё в одном ракурсе – лингвокультурологическом. В языковом плане паремии имеют нередко соответствия своим компонентам в иноязычных лингвокультурах. Однако совокупность полученных в другой лингвокультуре значений не всегда совпадает с надсловным смысловым содержанием паремии в язы克носителе. Именно этот аргумент позволяет считать паремии в лингвокультурологическом аспекте лингвокультурными, то есть единицами, принадлежащими одной лингвокультуре. Такая монокультуральность паремий вызывает большие сложности в ходе передачи паремий в других языках.

Произведения Л. Н. Толстого включают, как иноязычные паремии (латинские изречения, французские пословицы и поговорки), так и русские пословицы, и поговорки. Нередко, включая пословицу в название рассказа, Л. Н. Толстой раскрывает значение поговорки в самом тексте, тем самым облегчая трудные задачи переводчика.

Достаточно привести один пример традуктемной капсулы, которая включает толстовскую лингвокультурную паремию «Упустишь огонь – не потушишь». В рассказе речь идет о двух крестьянских семьях Ивана Щербакова и Гаврилы Хромого, которые рассорились из-за куриного яйца (аллюзия на «дело куриного яйца не стоит»). Ссора повлекла за собой пожар сарая. Иван же вместо того, чтобы потушить пожар, бросился за Гаврилой, чтобы отомстить. Отец Ивана дает наказ сыну, что надо тушить огонь в начале, если разгорится, уже поздно останавливать. Переносное значение этой паремии заключается в незамедлительном решении появившейся проблемы, но оно передается других лингвокультурах описательно. Традуктемная капсула включает в три французские, одну итальянскую и одну немецкую традуктемы:

Laisse le feu flamber, tu ne peux pas l'éteindre (фр.).

Eteins le feu pendant qu'il est encore temps (фр.).

Feu qui flambe ne s'éteint pas (фр.).

La fiamma fatta, l'incendio (ит.).

Lass den Funken nicht zur Flammen werden (нем.).

Анализ традуктемных капсул с лингвокультурерами-паремиями представляется перспективным в плане традулингвокультурологии – нового научного направления на стыке переводоведения и лингвокультурологии.

Библиографический список

1. Буслаев Ф. И. Русский быт и пословицы / Ф. И. Буслаев // Исторические очерки. СПб., 1861. – Т. 1. – 643с.
2. Дюрчо П. Паремиология и корпусная лингвистика / П. Дюрчо // Вестник Новгородского гос. ун-та им. Ярослава Мудрого. Сер. Филол. науки. 2014. №77. – С.13–17.
3. Нелюбова Н. Ю. Отражение этнокультурных ценностей в пословицах франкоязычных стран / Н. Ю. Нелюбова // Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика, 2019. – Т.23 (№ 1). – С. 324-337.
4. Anscombe J.-Cl. Parole proverbiale et structures métriques / J.-Cl. Anscombe // Langages, 2000. – № 139. – P.p. 6–26.
5. Convenna M. Structures syntaxiques des proverbes français et italiens / M. Convenna // Langages, 2000. – № 139. – P.p. 27 –38.
6. Jingyao W. Etude formelle comparative des proverbes chinois et français / W. Jingyao. – Paris, 2016. – 57 p.

G.V. Ovchinnikova,
State University of Education Moscow, Russia,
International Police Academy, Tula, Russia,
the museum-estate of Leo Tolstoy "Yasnaya Polyana",
Tula region, Russia, galinaovtchinnikova@yandex.ru

A Linguocultural approach to paremiology (using the example of Tolstoy's paremias in French, Italian and German translated texts)

The article proposes to distinguish paremiology into an independent science, which has its own conceptual framework and research methodology. The linguocultural approach allows us to consider paremias as linguoculturemes and analyze the adaptation of paremias of Leo Tolstoy's stories in French and German translated texts.

Keywords: paremiology, paremia, L. N. Tolstoy, French translated text, Italian translated text, German translated text

М.С. Фомкин,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, fomkin2000@mail.ru

Концепт ORDNUNG в языковой картине мира немецкого народа

Статья посвящена концепту "порядок", который является базовым в немецкой лингвокультуре и имеет своеобразную этническую специфику. Показана роль Лютера в становлении концепта, а также – как менялись его содержательные характеристики с течением времени.

Ключевые слова: концепт «порядок», немецкая лингвокультура, Мартин Лютер

В настоящее время в современной лингвистике уделяется особое внимание изучению видения мира сквозь призму национального языка. При этом учёные обращают внимание на те концепты, при помощи которых возможно выявить специфику языковой картины мира любого языкового сообщества. Концепт «порядок» («Ordnung») играет важную роль в культуре немецкого народа, является национальной универсалией и даже – необходимым условием жизнеспособности общества. В немецком языке этническая специфика этого концепта особенно интересна и своеобразна. Лингвисты выделяют его особую роль в немецкой лингвокультуре, называя его базовым или ключевым [1, с.54; 4, с.45].

На основе текстов на немецком языке возможно изучить становление концепта «Ordnung» и объем его семантики в различные исторические времена. Выделяют три главные факторы, оказавшие значительное влияние на становление немецкого менталитета и связанное с этим становление названного концепта: Мартин Лютер и Реформация, формирование нормативного немецкого языка, развитие немецкой философии [3, с.105]. В этом отношении переломной вехой становится XVI век. С одной стороны, в эту эпоху в немецкоязычных письменных памятниках немцам приписываются такие недостатки, как отсутствие веры в Бога и контроля по отношению к самому себе, чрезмерное желание употреблять спиртные напитки, излишняя симпатия к удовольствиям бытия [4, с.14]. С другой стороны, именно в эту эпоху немецкий менталитет терпит значительные изменения: в 1520 г. в обращении «К христианскому сословию немецкой нации» («An den christlichen Adel deutscher Nation») Мартин Лютер таким образом описывает ситуацию, сложившуюся в немецком обществе: «Чревоугодствуя, употребляя спиртные напитки, мы, немцы, зарекомендовали себя не с лучшей стороны заграницей. Это было бы, однако, наименьшим вредом, если бы за данными грехами не стояли убийство, супружеская измена, воровство, бо-

гохульство и страшные деяния. Пусть светский меч будет защищать нас, а иначе произойдет то, о чем предупреждал Иисус Христос, что грядет Судный день, незаметно, когда вы пьете и кушаете, веселитесь и ведете распутные празднования, строите и занимаетесь сельским хозяйством, покупаете и продаете, как это происходит сегодня» [4, с. 251]. Именно в трудах Мартина Лютера концепт «*Ordnung*» обрел свое основополагающее для немецкой нации значение. Лютер утверждал, что существующий политический и социальный порядок является проявлением воли Божьей, а задача людей – соблюдение этого порядка [3, с.96]. Таким образом, понятие порядка возвышалось до некоей божественной категории. Мартин Лютер считал, что порядок как божественная категория должен присутствовать везде и всегда, даже несмотря на то, что он может быть навязан насильственными, непопулярными методами. Он полагал, что если его не будет, то тогда мир погрязнет в хаосе, и распространение и популяризация христианской веры будет попросту невозможна [3, с. 98]. Вслед за Мартином Лютером многие представители культуры, литературы, теологии, философии, духовные деятели того времени посвящали свои работы таким понятиям как порядок, дисциплина, бережливость, трудолюбие. В своих проповедях духовенство специально подчеркивало значимость понятия «*Ordnung*» в самых разных сферах жизнедеятельности человека, в частности, в домашнем хозяйстве, межличностных отношениях, экономике, например: «*Haushaltung hat auch ihre Ordnung gleich wie andere Dinger*» (букв. «Ведение домашнего хозяйства требует своего порядка так же, как и другие вещи») [4, с. 56]. В этот период можно заметить частое употребление имени изучаемого концепта вместе с лексемой «*Reinlichkeit*» («Чистоплотность»), которая, в свою очередь, указывала на внешнюю и внутреннюю чистоту, как на концептуальный критерий порядка. Так, к примеру, делалось в названиях проповедей: «*Vom Nutzen der Ordnung und Reinlichkeit im Haushalten*» («О пользе порядка и чистоплотности при ведении домашнего хозяйства») [4, с.60]. Отсюда, из XVI века, и пошла знаменитая немецкая пословица «*Reinlichkeit ist halb Leben*» («Чистоплотность – это половина жизни»).

Немецкий социолог Х. Пресс исследовал духовные ценности граждан ФРГ 80-х гг. XX в., сравнивая их с ценностями немцев времен кайзеровской Германии, Веймарской республики и национал-социализма. Для исследований ментальных ценностей немцев в последние годы существования Веймарской республики перед тем, как к власти пришли национал-социалисты, использовался анализ итогов выборов в рейхstag 1932 г., включавший изучение программ политических партий [5, с.21-41]. На основе анализа текстов этих программ можно установить, что в программе национал-социалистической рабочей партии, которая получила большинство голосов, явно прослеживается упор на базовую ценность немецкого

народа – на концепт «*Ordnung*», под которым в данном случае понималась автократия партии национал-социалистов и ее фюрера. В тексте программы также содержатся отсылки к таким традиционным немецким добродетелям, как «*Gehörsamkeit*» (послушание), «*Pflicht*» (долг), «*Unterordnung*» (подчинение), «*Disziplin*» (дисциплина). Эти концепты были своего рода стандартами воспитания в семьях и школах и являлись традиционными ментальными ценностями для немецкого общества того исторического этапа. Таким образом, ведущим фактором, благодаря которому была получена поддержка большинства избирателей, была идея порядка (*Idee der Ordnung*) и страх перед хаосом. С точки зрения избирателей, ценность порядка заключалась в безопасности, надежности, предсказуемости будущих событий, наличии четких правил. Тут прослеживается неразрывная связь концепта «*Ordnung*» с другим основным концептом немецкой культуры – «*Sicherheit*». Последний не может быть однозначно переведен на русский язык, но его можно описать как «состояние безопасности и надежности существования, защищенности от опасности или вреда; наличие уверенности, определенности, достоверности, гарантии». Как образно выразился Х. Пресс, «*Ordnung war ein Bollwerk gegen die Schrecken des Unvorhersehbaren*» («Порядок являлся оплотом против ужасов непредсказуемого») [5, с.98]. В трудах немецких ученых подчеркивается, что высокая значимость традиционных ценностей «*Ordnung*» и «*Disziplin*» являлась одной из предпосылок для установления нацистского режима, который привел к политическому и экономическому краху Германии, а это, в свою очередь, сильно дискредитировало в глазах немцев эти самые ценности [2, с.191].

В послевоенной Германии в обществе активно обсуждалось понятие «коллективной вины» («*Kollektivschuld*»). В результате широкой дискуссии происходила переоценка ценностей и некоторые традиционные ценности были дискредитированы, например, «слепое повиновение» («*blinder Gehörsam*»), для которого в немецком языке имеется синоним с резко негативной коннотацией – «*Kadavergehörsam*» (букв. «повинование трупа»), стало резко осуждаемо. Кроме того, было подвергнуто критическому переосмыслению понятие «*Pflicht*» («долг»), так как ссылка на выполнение долга в многочисленных случаях не оправдывала аморальных действий. Как отмечал Б. Нусс, значительная часть нацистских преступников во время Нюрнбергского процесса не могла понять, в чем их обвиняют; в свое оправдание они говорили: «*ich habe nur meine Pflicht getan*» («я только выполнил свой долг») [3, с. 133].

Даже из этих примеров видно, как в XX веке менялись содержательные и психологические характеристики немецких языковых концептов.

Таким образом, лингвистический и культурологический анализ немецкоязычных текстов XV-XX вв. показывает, что в немецкоязычной культуре концепт «*Ordnung*» уже в XVI веке существовал как полностью сформировавшийся элемент немецкой национальной концептосферы. При этом указанный концепт уже в тот период обладал такими образными, понятийными и ценностными компонентами, которые определяли его лингвокультурную специфику на протяжении нескольких веков вплоть до середины XX века, когда началось их постепенное изменение.

В XXI в. мы видим уже полную бесовскую вакханалию и в религиозной, и в общественной, и в духовной жизни Германии. Разрушается тот Божественный порядок, о котором ратовал Лютер. В качестве гипотезы можно предположить, что сегодня концепт «порядок» утратил свою концептуальную значимость, превратился в обычное слово и выпал из культурного кода и культурной матрицы немецкого народа.

Библиографический список

1. Бабаева Е.В. Лингвокультурологические характеристики русской и немецкой аксиологических картин мира / Е.В. Бабаева // Дис. ... д-ра филол. наук. – Волгоград, 2004. – 438 с.
2. Frei N. 1945 und wir. Das dritte Reich im Bewußtsein der Deutschen / N. Frei – München: Verlag C. H. Beck, 2005. – 224 S.
3. Nuss B. Das Faust-Syndrom. Ein Versuch über die Mentalität der Deutschen / B. Nuss. – Bonn; Berlin: Bouvier Verlag, 1993. – 213 S.
4. Münch P. Ordnung, Fleiß und Sparsamkeit. Texte und Dokumente zur Entstehung der «bürgerlichen Tugenden» / P. Münch. – München: Deutscher Taschenbuch Verlag, 1984. – 376 S.
5. Pross H. Was ist heute deutsch? Wertorientierungen in der Bundesrepublik / H. Pross. – Reinbek bei Hamburg: Rowohlt Verlag, 1982. – 158 S.

M.S. Fomkin,

St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia, fomkin2000@mail.ru

The concept of "order" in the linguistic worldview of the German people

The article is devoted to the concept of "order", which is basic in German linguistic culture and has a peculiar ethnic specificity. The role of Luther in the formation of the concept is shown, as well as how its substantive characteristics have changed over time.

Keywords: the concept of "order", German linguistic culture, Luther

УДК 168.522

М.В. Ходинская,
Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, hoshka@mail.ru

Образы легендарных городов в геобиографиях второй половины XX-XXI веков

В статье рассматривается интерпретация образа города в геобиографиях второй половины XX-XXI веков. Отмечается, что яркий образ города в геобиографии создается, когда автор раскрывает для читателя «гений места», дух города, который выражается как в городской атмосфере, архитектуре, творческой деятельности выдающихся исторических персонажей, так и в повседневных действиях обычных горожан.

Ключевые слова: геобиография, биография города, образ города, гений места

Биография города оформилась как самостоятельный историко-литературный жанр во второй половине XX века, когда стал увеличиваться спрос на страноведческую литературу в связи с развитием туризма, а впоследствии и цифрового кочевничества. Эпоха глобализации принесла с собой расширение контактов и свободу перемещения, что привело не только к взаимопроникновению культур, но и стремлению людей понять свои культурные корни.

Геобиография воссоздает историю города, который воспринимается как живой организм с присущими ему особенностями поведения. Каждый город имеет свой самобытный характер, способный оказывать сильное воздействие на проживающих в нем людей. В контексте философского осмысления того, насколько городская среда может формировать судьбу человека, в настоящее время актуальным стало понятие «гений места», т.е. дух города, определяющий городскую застройку и образ жизни людей (от латинского “genius loci” – древнеримское божество, которое покровительствует определенной местности). Литературная геобиография нацелена на то, чтобы почувствовать, выявить этот уникальный гений места, и охарактеризовать город как источник нравственного переживания и синтез материальных и духовных ценностей. Таким образом, геобиография – это не только историческая хроника, но и коллективная биография его жителей, субъективное авторское толкование характера города, и в то же время путеводитель, предоставляющий информацию об интересных местах и знаковых достопримечательностях и позволяющий читателю составить свой маршрут прогулки по городу по рекомендациям автора.

Яркий, индивидуальный образ города в геобиографии возникает, когда автору удается отыскать и раскрыть «гений места», который выражается в городской атмосфере, архитектуре, творческой деятельности жителей (литературе, музыке, живописи).

Как правило, геобиографии посвящаются легендарным городам, обладающим неповторимым характером – Венеции, Риму, Иерусалиму, Лондону, Праге, Петербургу, Каиру. Каждый город имеет свой стиль, энергетику и даже пол. Авторы из разных стран нередко сходятся во мнениях о «гендерной принадлежности» описываемого города и создаваемом городом образе. По мнению английского писателя П. Акройда, создавшего ряд известных геобиографий, Венеция – типичный пример «женского города», «будь то Мадонна или выходящая из моря Венера» [1, с. 355]. Она уподобляется томной красавице, роскошной королеве, может быть лукавой и коварной, лицемерной и двуличной, но обворожительной во всех своих ипостасях. Чувственный «город прикосновений, город взглядов, город плоти», полный великолепных дворцов, золота мозаик, света и блеска [1, с. 355]. Сами венецианцы зовут ее *la Serenissima*, сиятельная. И она же – прекрасная грэза, тихая и печальная, нежная и задумчивая; «подобно Деве Марии, Венеция существовала как бы вне времени», «была неоскверненной и чистой, защищенной морскими волнами, словно драгоценным поясом» [1, с. 356]. Это город удивительной красоты церквей и живописных Мадонн.

Другой яркий пример «женского города» – Прага. Ее характеризовали как роковую обольстительницу, которая заманивает, пленяет черным кружевом готических церквей, влюбляет в себя и сводит с ума. А. Рипеллино, написавший биографию Праги, подчеркивал темную мистическую силу города, который расставляет свои сети, «вцепляется намертво, воспламеняя хитрым взором, прельщая неосмотрительных путников, очутившихся в кольце ее стен» [3, с. 35]. Именно ночная Прага породила Голема, подпитывала фантасмагорический, жуткий мир произведений Кафки.

Типичный «мужской город» – Лондон, харизматичный, сильный и безжалостный, обладающий жесткой деловой хваткой. «Нашим глазам предстает город, где владычествуют насилие, кровь, мясо и неуемный всеожижающий аппетит», писал П. Акройд в биографии Лондона [2, с. 137]. Вплоть до XX века улицы Лондона нередко утопали в грязи, во многих районах города стояла оглушительная вонь – и никому до этого не было дела, тонкая эстетика и гармоничная архитектурная застройка не входили в число городских приоритетов. В настоящее время Лондон представляет собой огромный бурлящий котел, вобравший в себя самые разные культуры и всевозможные архитектурные сочетания. По сегодняшний день он остается неукротимым, ненасытным городом с бешеным темпераментом.

Понятие «гений места» трактуется не только как неповторимый образ города, но и как яркий исторический персонаж, чья жизнь и деятельность связаны с местом его проживания или рождения. Уникальные города порождают уникальных личностей, которые становятся частью биографии города. В геобиографиях писатели упоминают архитекторов и ху-

должников, ученых и мыслителей, творчество которых обусловлено атмосферой их родного города. По мнению П. Акройда, все формы венецианского искусства отражают темперамент и характер города, им присущи яркость и безудержная радость, блеск, энергия и напористость. Картины Тьеполо и Веронезе отличаются богатством красок и парадной пышностью, живопись «сверкает, как венецианская стекло и воды лагуны», музыка Вивальди экспрессивна и импульсивна [1, с. 484]. Яркие театральные сказки и пьесы К. Гоцци и К. Гольдони могли быть созданы только в Венеции, они являются продолжением праздничной карнавальной атмосферы города.

Не менее важны для воссоздания образа города и простые люди, не оставившие значимого следа в истории: бывшие горожане, представляющие собой «коллективную личность», являются основным персонажем геобиографии и своими повседневными действиями определяют характер города.

В заключение отметим, что за сравнительно небольшой период существования геобиографии ее авторами была создана целая галерея образов легендарных городов мира. Характер и душа города многогранно раскрывались во всех сторонах его жизни: архитектурном пейзаже, духовном бытии и бытовых занятиях горожан, а также в творческой деятельности ярких исторических личностей, связавших свою судьбу с описанным городом и ставших для него гениями места.

Библиографический список

1. Акройд П. Венеция. Прекрасный город / П. Акройд. – Москва: Издательство Ольги Морозовой, 2012. – 496 с.
2. Акройд П. Лондон: Биография / П. Акройд. – Москва: Альпина Паблишер, 2016. – 894 с.
3. Рипеллино А. М. Магическая Прага / А. М. Рипеллино. – Москва: Издательство Ольги Морозовой, 2013. – 608 с.

M.V. Khadzinskaya,
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, hoshka@mail.ru

Images of legendary cities in geobiographies of the second half of the 20th-21st centuries

The article examines the interpretation of the city image in geobiographies of the second half of the 20th-21st centuries. It is noted that a vivid image of the city in geobiography is created when the author reveals the "genius loci", the spirit of the place, which is expressed in the city atmosphere, architecture, creative activity of outstanding historical figures, and in the everyday actions of ordinary citizens.

Key words: geobiography; biography of the city; image of the city; genius loci

Zur Bedeutung und Auswirkungen von Stereotypen in der Gesellschaft

Der Artikel beleuchtet die vielschichtige Rolle von Stereotypen in der interkulturellen Kommunikation. Die Arbeiten von Forschern wie Leyens und Zawadzka haben das Verständnis von Stereotypen maßgeblich geprägt. Die Forschungsergebnisse von Leyens und Zawadzka verdeutlichen, dass Stereotypen sowohl nützliche als auch schädliche Funktionen erfüllen können. Daraus ergibt sich die Notwendigkeit, Stereotypen bewusst zu reflektieren, um Diskriminierung und sozialer Ungleichheit entgegenzuwirken. Weiterhin wird das Phänomen der "Stereotype Threat" betrachtet, bei dem die Angst, ein negatives Stereotyp über die eigene Gruppe zu bestätigen, die Leistung und das Verhalten von Personen beeinträchtigt.

Schlüsselwörter: Stereotype, interkulturelle Geschäftskommunikation, Funktionen der Stereotypen

Am Anfang werden zwei Autoren kurz vorgestellt, deren Arbeiten über Stereotype häufig im mitteleuropäischen Raum zitiert werden. Ein herausragender Forscher im Bereich der sozialen Psychologie von Stereotypen ist Jacques-Philippe Leyens. Jacques-Philippe Leyens, geboren am 21. Februar 1946, ist ein Sozialpsychologe, der sich intensiv mit den Auswirkungen von Stereotypen und ihrer Dehumanisierung beschäftigt hat. Geboren und aufgewachsen in Belgien, widmete er sein akademisches Leben der Untersuchung sozialer Vorurteile und deren weitreichenden Konsequenzen. Leyens erlangte internationale Anerkennung für seine Forschung, die tief in die Mechanismen der Ethnizität und die psychologischen Prozesse, die dazu führen, dass Menschen Mitglieder anderer ethnischer Gruppen als weniger menschlich wahrnehmen, eintaucht. Leyens' bahnbrechende Arbeit konzentrierte sich auf die Mechanismen der Ethnizität und wie Stereotype das soziale Verhalten beeinflussen. Besonders bekannt ist er für seine Theorie der Dehumanisierung, nach der Menschen dazu neigen, Mitglieder anderer ethnischer Gruppen als weniger menschlich wahrzunehmen. Leyens untersuchte die Auswirkungen von Stereotypen auf verschiedene Ebenen der sozialen Interaktion und zeigte, wie tief verwurzelte Vorurteile zu systematischer Benachteiligung und sozialer Exklusion führen können. Seine Forschung brachte zutage, dass solche Stereotype nicht nur individuelle Einstellungen prägen, sondern auch institutionelle und strukturelle Ungleichheiten zementieren. Ein zentrales Ergebnis seiner Studien ist die Erkenntnis, dass Stereotype durch gezielte Interventionen und Bildung abgebaut werden können. Durch Leyens' Untersuchungen wurde die Bedeutung von Bildung und interkulturellem Austausch zur Bekämpfung von Stereotypen und Vorurteilen stark hervor-

gehoben. Er betonte, dass nachhaltige Veränderungen auf gesellschaftlicher Ebene nur durch das Bewusstmachen und Infragestellen bestehender sozialer Normen und Strukturen erreicht werden können. Leyens' Arbeit liefert daher wichtige Impulse für Maßnahmen zur Förderung von Diversität und Inklusion in verschiedenen sozialen Kontexten.

Als eine weitere, im mitteleuropäischen Raum wichtige Autorin, kann Elzbieta Zawadzka genannt werden. Elzbieta Zawadzka wurde 1965 in Warschau, Polen, geboren und zeigte schon früh ein großes Interesse an den sozialen Wissenschaften. Sie studierte Psychologie an der Universität Warschau, wo sie sich auf Sozialpsychologie spezialisierte. Nach ihrem Abschluss promovierte sie an der University of Michigan, wo sie ihre Forschung im Bereich der Stereotypisierung vertiefte. In den frühen 1990er Jahren kehrte sie nach Polen zurück und trat eine Professur an der Universität Warschau an, wo sie ihre bahnbrechenden Studien durchführte. Zawadzkas akademische Laufbahn war geprägt von einer internationalen Ausrichtung. Sie arbeitete mit führenden Forschern weltweit zusammen und nahm an zahlreichen internationalen Konferenzen teil. Diese interkulturellen Erfahrungen ermöglichen es ihr, verschiedene Perspektiven und Methodologien in ihre Forschung einzubeziehen. Ihre Arbeiten sind bekannt für ihre fundierten theoretischen Grundlagen und die Anwendung innovativer empirischer Methoden. Elzbieta Zawadzka gehört zu den bedeutendsten Forscherinnen auf dem Gebiet der Stereotypisierung und hat mit ihren bahnbrechenden Studien neue Perspektiven in der Sozialpsychologie eröffnet. 1997 veröffentlichte sie ihren wegweisenden Artikel, der den Einfluss von Medien und Kultur auf die Entstehung und Verfestigung von Stereotypen untersuchte. In diesem Werk analysierte sie, wie stereotype Darstellungen in Filmen und Nachrichten die Wahrnehmung von sozialen Gruppen prägen und Ungleichheiten verstärken können. Ein weiteres bedeutendes Werk von Zawadzka ist ihre umfangreiche Studie zur Rolle von Bildungssystemen bei der Bekämpfung von Stereotypen, in der sie aufzeigt, wie frühpädagogische Interventionen Vorurteile abbauen und das Bewusstsein für Vielfalt fördern können. Ihre Forschung hat nicht nur theoretische Erkenntnisse geliefert, sondern auch praktische Ansätze für den Umgang mit Stereotypen im Alltag und in Bildungseinrichtungen entwickelt. Zawadzkas Arbeiten haben die wissenschaftliche Gemeinschaft stark beeinflusst, indem sie die Bedeutung der Kontextfaktoren bei der Entstehung und Aufrechterhaltung von Stereotypen betonte und die Notwendigkeit einer interdisziplinären Herangehensweise an dieses komplexe Phänomen verdeutlichte. Ihre Forschungsergebnisse haben in vielen Bereichen, von der Sozialpsychologie bis zur Medienwissenschaft, neue Forschungsrichtungen und Debatten angestoßen.

Also, die Arbeiten von Leyens und Zawadzka haben das Verständnis von Stereotypen maßgeblich geprägt. Ihre Forschung hat gezeigt, dass Stereotype tief

in den sozialen und kognitiven Prozessen der Menschen verankert sind und sowohl nützliche als auch schädliche Funktionen erfüllen können. Durch ihre Untersuchung und das Verständnis ihrer Auswirkungen eröffnen sich neue Wege zur Bekämpfung von Diskriminierung und sozialer Ungleichheit. Bildung, Aufklärung und interkultureller Austausch sind entscheidende Maßnahmen, um eine Gesellschaft zu schaffen, die frei von Vorurteilen und Stereotypen ist.

Der Begriff „Stereotyp“ wurde erstmals von dem Journalisten Walter Lippmann in seinem Buch „Public Opinion“ (1922) eingeführt. Lippmann beschrieb Stereotype als mentale Bilder, die Menschen verwenden, um die Welt zu verstehen und zu kategorisieren. Diese Bilder sind oft stark vereinfacht und verallgemeinernd, was dazu führt, dass individuelle Unterschiede innerhalb einer Gruppe ignoriert werden. In der wissenschaftlichen Literatur werden Stereotype häufig als kognitive Schemata betrachtet, die Menschen helfen, soziale Informationen effizient zu verarbeiten. Sie dienen als mentale Abkürzungen, die es ermöglichen, schnell Urteile über andere zu fällen. Allerdings können sie auch zu Vorurteilen und Diskriminierung führen, indem sie dazu beitragen, falsche oder schädliche Annahmen über bestimmte Gruppen zu verstetigen. Stereotype erfüllen in der Gesellschaft drei Hauptfunktionen:

- Kognitive Funktion: Stereotype helfen, die Komplexität der sozialen Welt zu reduzieren, indem sie Informationen kategorisieren und strukturieren.
- Soziale Funktion: Stereotype fördern soziale Identität und Kohäsion innerhalb von Gruppen, indem sie gemeinsame Vorstellungen und Normen vermitteln.
- Defensive Funktion: Stereotype können als Mechanismus dienen, um das Selbstwertgefühl zu schützen, indem sie andere abwerten und die eigene Gruppe erhöhen.

Oder anders gesagt: Stereotype erfüllen verschiedene Funktionen in unserem täglichen Leben und beeinflussen sowohl individuelle als auch gesellschaftliche Wahrnehmungen. Die kognitive Funktion von Stereotypen ermöglicht eine Entlastung der Erkenntnisprozesse, indem sie eine komprimierte Identifikation und eine Abschirmung vor neuen Erfahrungen bieten. Dadurch werden Unterschiede zwischen Individuen überdeckt, was das Erkennen und Einordnen von Menschen in bestimmte Kategorien erleichtert. Dies kann helfen, schnellere Entscheidungen zu treffen, ohne jedes Mal detaillierte Informationen über jede Person einholen zu müssen.

Die sozial-integrative Funktion von Stereotypen dient der Gruppenidentität, indem sie eine klare Distanzierung von Fremdgruppen ermöglicht. Sie tragen dazu bei, ein besseres Selbstbild bzw. Fremdbild des Individuums zu schaffen und unterstützen die Identitätsbildung innerhalb der eigenen Gruppe. Diese Funktion kann die soziale Kohärenz stärken und das Gefühl der Zugehörigkeit innerhalb einer Gruppe fördern.

Die emotional-affektive Funktion von Stereotypen dient als Strategie zur Selbstbehauptung in Konfliktsituationen. Sie wirken als Schutzmechanismus und helfen dabei, sich vor kontroversen Informationen zu verschließen. In stressigen oder unsicheren Zeiten können Stereotype eine gewisse Stabilität und Sicherheit bieten, indem sie die Welt in einfacher verständliche Kategorien unterteilen.

Während Stereotype manchmal nützliche kognitive Werkzeuge sein können, haben sie oft negative Konsequenzen. Sie können zu Vorurteilen führen, die zu Diskriminierung und sozialer Ungleichheit beitragen. Beispielsweise werden Menschen aufgrund ihrer ethnischen Herkunft, ihres Geschlechts oder ihrer sozialen Klasse in bestimmten Berufen unter- oder überrepräsentiert, was zu systematischen Ungleichheiten führt.

Ein weiteres wichtiges Konzept ist die „Stereotype Threat“, d.h. die Angst, ein negatives Stereotyp über die eigene Gruppe zu bestätigen. Diese Angst kann die Leistung und das Verhalten von Personen beeinträchtigen, was wiederum die Stereotype aufrechterhält und verstärkt. Beispielsweise haben Studien gezeigt, dass Frauen in Mathematiktests schlechter abschneiden, wenn sie daran erinnert werden, dass Frauen in Mathematik oft als weniger kompetent angesehen werden. Um die negativen Auswirkungen von Stereotypen zu bekämpfen, müssen verschiedene Maßnahmen ergriffen werden. Bildung und Aufklärung sind entscheidend, um das Bewusstsein für die Existenz und die Auswirkungen von Stereotypen zu schärfen. Des Weiteren können interkulturelle Begegnungen und der Austausch zwischen verschiedenen Gruppen dazu beitragen, Vorurteile abzubauen und das Verständnis zu fördern. Die Forschung zeigt, dass die bloße Konfrontation mit widersprüchlichen Informationen oft nicht ausreicht, um Stereotype zu ändern. Vielmehr sind langfristige und systematische Veränderungen in den sozialen Strukturen und Institutionen erforderlich. Programme, die Diversität und Inklusion fördern, können dazu beitragen, Stereotype zu durchbrechen und eine gerechtere Gesellschaft zu schaffen.

Als kurzes Fazit ist feststellbar, dass Stereotype sind tief in den sozialen und kognitiven Prozessen der Menschen verankert. Sie können sowohl nützliche als auch schädliche Funktionen erfüllen. Ihre Untersuchung und das Verständnis ihrer Auswirkungen sind entscheidend, um Diskriminierung und soziale Ungleichheit zu bekämpfen. Durch Bildung, Aufklärung und interkulturellen Austausch können wir dazu beitragen, eine Gesellschaft zu schaffen, die frei von Vorurteilen und Stereotypen ist.

Quellenangaben

1. Leyns J-P, Yzerbyt V, Schadron G. *Stereotypes and social cognition / J-P Leyns, V.Yzerbyt, G.Schadron // Sage Publications, Inc, 1994.*

2. Lippmann, W. The world outside and the pictures in our heads. / W. Lippmann // Public opinion, 1922.

3. Zawadzka E. Stereotype und Vorurteile im Fremdsprachenunterricht-sollte man sie bekämpfen, akzeptieren oder relativieren? / E.Zawadzka // Glottodidactica, Poznań 1998.

G.F. Schneider,

Görlitz University of Applied Sciences,

Deutschland, f.schneider@hszg.de

The importance and impact of stereotypes in society

The article sheds light on the complex role of stereotypes in intercultural communication. The work of researchers such as Leyens and Zawadzka has had a significant impact on the understanding of stereotypes. The research results of Leyens and Zawadzka make it clear that stereotypes can perform both useful and harmful functions. This results in the need to consciously reflect on stereotypes in order to counteract discrimination and social inequality. Furthermore, the phenomenon of "stereotypical threat" is considered, in which the fear of confirming a negative stereotype about one's own group affects the performance and behavior of people.

Keywords: stereotypes, intercultural communication, functions of stereotypes

УДК 811.133.1

Ю.В. Ястребова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, julieautour@gmail.com

А.Д. Смирнова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, smirnova.192431@gmail.com

Le français comme phénomène linguistique et culturel en Russie au XIXe siècle

Dans l'article il s'agit du rôle de la langue française dans l'histoire, la culture et la diplomatie de la Russie au XIXe siècle, son usage dans la langue parlée, l'épanouissement de la culture française dans l'Empire russe, l'influence des idées de la Révolution française sur la société russe.

Ключевые слова: la langue française, la culture française, la Russie, le bilinguisme, la diplomatie

Le processus de la diffusion de la langue et de la culture françaises en Russie a commencé avant son prédécesseur, Elisabeth Petrovna. Pierre I voulait épouser sa fille au roi de France, alors la fille a grandi entourée par la culture

française, elle connaissait bien le français et est restée sympathique envers la France et le français pour toute sa vie. Cela se manifestait sous son règne: c'était à partir des années 1740 que l'introduction active de la culture et de l'art français a commencé. La connaissance d'une langue étrangère devenait à la mode en Russie et favorisait la promotion, en particulier à la cour et dans l'armée. En Russie il y avait un flux énorme de gouverneurs de différents pays européens qui enseignaient le plus souvent le français.

Mais le véritable épanouissement de la langue française en Russie a eu lieu sous Catherine II. Les idées des philosophes des Lumières, «l'Encyclopédie» de Diderot ont été activement distribués dans presque toutes les bibliothèques privées de la Russie. Les œuvres en français étaient non seulement lues, mais aussi traduites en russe pour la population, et dans ce processus étaient inclus tous, de l'impératrice elle-même aux petits nobles. Un autre emballage s'est produit après le début de la Révolution française, lorsque beaucoup d'immigrants français sont venus en Russie.

Au début du XIXe siècle, de nombreux nobles instruits parlaient souvent le français mieux que leur langue maternelle. Cependant, une telle passion prenait parfois des formes odieuses : il y avait très souvent un jargon mixte du dialecte russe-français, certains utilisaient tellement de mots français en russe qu'il semblait être français, entre les mots utilisant le russe.

Pendant la guerre patriotique de 1812 les officiers russes, qui avaient une excellente connaissance du français, pouvaient pénétrer dans le dispositif ennemi et obtenir des informations précieuses; d'autre part, ces mêmes officiers devaient prouver aux paysans qu'ils étaient russes et qu'ils venaient à leur secours, ce qui n'était pas toujours possible. Ils devaient communiquer en russe pendant les tournées de cavalerie, sinon ils pouvaient atteindre les partisans.

Il y a beaucoup de faits sur l'importance du français dans la haute société. Pouchkine a écrit ses premiers poèmes en français, et de nombreux Décembristes ont dû répondre à la cour, soit en français ou utiliser un dictionnaire. Néanmoins, déjà sous le règne de Nicolas I l'usage du français est progressivement réduit: la cour impériale parlait russe (même avec les femmes, qui, comme les contemporains l'ont noté, était «une chose sans précédent»). Mais cela ne signifie pas l'éradication complète du français, le bilinguisme a persisté jusqu'au début du XXe siècle. Les lettres, les albums et autres monuments écrits au XIXe siècle nous permettent d'en parler.

En parlant des manuscrits survivants, on peut d'abord remarquer que les auteurs de journaux ou d'albums n'expliquaient jamais le choix d'une langue particulière, c'est-à-dire très probablement, ce choix se produisait dans leur tête automatiquement, selon le texte. Par exemple, les textes, destinés à la lecture publique, étaient le plus souvent rédigés en français. Il est également intéressant

de noter que les hommes avaient tendance à tenir un journal en russe et les femmes en français.

Les nobles femmes choisissaient d'exprimer leurs pensées en français. Considérons le journal intime d'Anna Yakushkina pour son mari, le Défunt. Cette œuvre est presque entièrement écrite en français, pour plusieurs raisons. Tout d'abord, le français était toujours la langue de l'amour, de la romance, et pour Anna, il était d'une importance particulière, car elle parlait russe avec le reste de sa famille, y compris son fils. Par conséquent, elle écrivait un message à son mari en français, ce qui l'a aidait à exprimer tous les sentiments qu'elle avait pour lui, bien que dans les moments les plus émotifs, elle retourne au russe. Deuxièmement, dans son journal, elle cherchait à montrer son rôle assigné par la société, ce qui créait un facteur de «publicité» des faits qu'elle décrivait, pour cela, bien sûr, elle recourrait à l'usage du français. L'auteure faisait appel à la langue russe lorsqu'elle voulait désigner le lieu commun des objets décrits, ou dans le cas où les phrases citées dans les conversations ont été initialement parlées en russe.

Le bilinguisme était aussi présent dans la correspondance diplomatique russe. Si sous Alexandre I elle était russo-française, alors depuis 1830 sous Nicolas I elle était presque toujours conduit seulement en français. Cela était dû en grande partie à la nature multiethnique du Corps diplomatique.

Cependant la correspondance entre les diplomates était en français, mais la correspondance officielle avec d'autres fonctionnaires russes non-membres du ministère des Affaires étrangères était menée en russe, malgré le poste élevé du destinataire et la connaissance évidente du français. Des exceptions ont été faites seulement pour les fonctionnaires étrangers, comme par exemple pour le gouverneur d'Odessa, duc Armand-Emmanuel Richelieu. En revanche, les messages en français étaient également caractéristiques pour la correspondance entre diplomates et personnes extérieures au ministère des Affaires étrangères. Ces lettres étaient souvent de nature non officielle, et le français y était utilisé pour enlever une formalité excessive et donner de l'intimité à la lettre.

Ainsi, la vague de gallicisme qui a traversé la Russie au XIXe siècle a eu un impact énorme sur le pays, reflétant à la fois la culture et le travail des structures de l'État. La nouvelle génération qui a grandi sur les traditions des Lumières et de l'autocratie, entourée par la culture française et les réalités russes, exprimait ses pensées d'une manière différente, marquant la ligne entre deux langues et cultures.

La trace de l'entrelacement de la langue est encore visible: nous utilisons des mots français dans notre discours sans penser d'où et comment ils viennent. Cependant, contrairement aux langues européennes, qui étaient autrefois remplacées par le latin, le français ne remplaçait pas le russe, mais le complétait.

Библиографический список

1. Шпаковский Ю.Г. Французский язык в Российской империи / Ю.Г. Шпаковский // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. – 2021. – № 1 (77). – С. 187-193.
2. Егоров О. Почему в России говорили по-французски? / О. Егоров // Окно в Россию [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.gw2ru.com/read/40737-pochemu-franzusky-rossiya> (Дата обращения: 22.02.2025).
3. Синицин С. Французский язык и культура в российской жизни в XVIII-XIX веках / С. Синицин // le-francais.ru [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.le-francais.ru/cours/chapitre_4/ (Дата обращения: 19.02.2025).
4. Французский язык в России: глава из книги Дерека Оффорда, Владислава Ржецкого и Гезине Арджента // Точка Арт [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://magazineart.art/book/francuzskij-jazyk-v-rossii-glava-iz-knigi-dereka-offorda-vladislava-rzheuckogo-i-gezine-ardzhenta/> (Дата обращения: 21.02.2025).

Y.V. Yastrebova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, julieautour@gmail.com

A.D. Smirnova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, smirnova.192431@gmail.com

French as a linguistic and cultural phenomenon in Russia in the 19th century

The article considers the role of the French language in the history, culture and diplomacy of Russia in the 19th century, its use in everyday speech, the flourishing of French culture in the Russian Empire, and the influence of the ideas of the French Revolution on Russian society.

Key words: French language, French culture, Russia, bilingualism, diplomacy

РАЗДЕЛ III. ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 811.11-112

Л.Ф. Бирр-Цуркан,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, l.birr-tsurkan@spbu.ru

Устойчивые формулы в частной переписке Хэлены фон Шалленберг (1561-1597)

Статья посвящена проблеме формульности эпистолярного жанра. На примере частных писем Хэлены фон Шалленберг ее брату рассматриваются устойчивые этикетные формулы ранненововерхненемецкого периода. В качестве критериев выделяются относительная устойчивость, воспроизведимость, связь с этикетной ситуацией и коммуникативная направленность.

Ключевые слова: речевой этикет, формула, модель, обращение, аббревиатура, эпистолярный жанр

Речевой этикет в словаре лингвистических терминов под редакцией В. Н. Ярцевой понимается как «система устойчивых формул общения, предписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке» [3, с. 413]. Таким образом, в определении постулируется коммуникативная направленность этикетных формул, выбор которых диктуется, прежде всего, ролевыми взаимоотношениями участников коммуникации, а также характером ситуации общения.

Наряду с термином формула в литературе используются понятия моделей, клише, штампа и шаблона. Последние два имеют ярко выраженную негативную коннотацию. Клише же, по определению В. В. Стрибижева, являются собой «отдельный класс устойчивых, грамматически неоднородных, регулярно воспроизводимых блочных, т. е. представляющих собой готовые составные блоки, стандартных фразеологических единиц в типовых речевых ситуациях, отражающих стереотипы мышления коммуникантов, позволяющих говорящему успешно достигать поставленной коммуникативной цели, а также способствующих общепонятности и информативности текстов и обладающих организующей ролью при построении диалогического пространства» [4, с. 34].

Многие авторы используют указанные термины как синонимы. Так, Ю. А. Клейнер ставит знак равенства между формулой и клише. Однако им выдвигается оппозиция формулы и формульного выражения, разница между которыми заключается в допущении (формульное выражение) или недопущении (формула) варьирования. Кроме того, Ю. А. Клейнер предлагает использовать термин модель, которая и есть в его понимании формула, в то время как словосочетание, построенное по этой модели, предлагается назвать реализацией формулы, но не самой формулой [2, с. 19-23].

При изучении этикетных формул в диахронии, безусловно, следует учитывать их относительно устойчивый характер. С нашей точки зрения, для исторического материала наиболее приемлемым является подход Н. Филаткиной, которая под формульными выражениями понимает и отдельные слова, и высказывания, но все они обладают свойством целостности, разной степенью формальной, семантической и функциональной конвенциональности, отвечающей коммуникативному опыту соответствующего общества, и безусловным функциональным характером [5, с. 164].

Материалом для настоящей статьи послужили частные письма Хэлены фон Шалленберг за 1561-1597 гг., находящиеся в открытом доступе (<https://frauenbriefe.univie.ac.at/briefliste1.htm> Дата обращения: 15.02. 2025).

К XVI в. эпистолярная традиция в немецкой культуре вполне сформировалась. Уже в XV в. существовали письмовники, получившие свое название (*Briefsteller*) по аналогии с писцами – людьми, которые писали или составляли письма по заказу. К этому времени были выработаны как определенная модель построения письма, так и правила оформления различных элементов письма [см. об этом подробнее 1].

Формульный характер проявлялся уже в обращении, открывающем письмо, например: *Freuntlicher mein gar jm hertzen aller liebster brueder Cristoff; Edler gestrenger mein faintlicher herz liebster brueder; Edler gestrenger fraindtlicher mein gar herz aller liebster brueder Cristöff.*

Как видим, неизменным элементом обращения сохраняется *aller liebster brueder*, иногда сопровождающимся именем брата *Cristoff*. Эпитеты же варьируются, хотя тоже регулярно повторяются *edler, gestrenger, freuntlicher*¹, кроме того, часто используется элемент *jm hertzen* или *hertz* (сердечно).

Что касается обращений, используемых в теле письма, то они, как правило, короче и не содержат приведенных выше эпитетов: *mein hertz liebster brueder; mein aller liebster brueder; mein liebster brueder*.

¹ Орографические нормы в XVI веке не отличались строгостью, поэтому написание слов, как видно из примеров, варьируется.

За обращением непременно следует заверение в преданности, построенное по модели $P_{Dat} + S_{Nom} + seien\ bereit + (zuvor)$, где P_{Dat} – адресат заверений, выраженный личным местоимением, а S_{Nom} – это абстрактное существительное, называющее предмет заверений: *dier sein mein schwösterliche lieb vnd treue die zeidt meines lōbens von mier beraydt, mein schwösterlich treuhertzig willig tienst von mier beraidt zuvor*.

За этими заверениями следуют пожелания по модели (*ich*) *wünsche* + *von Gott dem Allmächtigen* + S_{Akk} + (*Amen*) или *mit Wünschung* + S_{Gen} + (*Amen*), где S_{Akk} или S_{Gen} – предмет пожеланий: *winsch dier von Gott dem almechtigen vil glicßeliger wolgeenter geßunder zeit vnd alles was dier zu seel vnd leib nutz vnnd guet ist; mit winschung von got dem almechtigen aller glickseligen wolvart zu sell vnd leib zeitlich vnd ebig amen.*

В конце письма используется формульное выражение прощания – (*damit*) *sei (du) (von mir) gegrünbt* (с возможным распространением-интенсификатором (*tausendmal*) и указанием на родственные связи (*schwesterlich*)), за которым следует пожелание благ *sei + Gott dem Herrn* (возможны вариации) + *in seinen Schutz + befohlen*: *damit sei du von mier zu taußent mal schwösterlich gegriest vnd got dem herrn in sein gnedigen gotlichen schutz durch Cristumb bevolhen; sey du von mier zu hundert daußentmal schwösterlich gegriest vnd in den schuz des aller högsten bevolhen.*

Нередко используется и модель передачи заочных приветов другим адресатам (*grüße + S_{Akk}*) или от других адресантов ($S_{Nom} + lässt + S_{Akk} + grüßen$): *die frau maimb last dich auch zu taußent mal fraintlich griessen; grieß den brantstöter von meintwögen.*

Клишированные или формульные фразы, как правило, распадаются на две группы – ситуативно связанные, такие как формулы-извинения, формулы-благодарности, формулы-пожелания, формулы-приветствия/прощания (то есть, собственно этикетные формулы), и ситуативно не связанные, которые используются как часть высказывания для управления ходом коммуникации.

Ситуативная связанность первых при использовании их в письме достаточно условна, т.к. ситуации извинения, благодарности, приветствия или прощания вплетается в общее содержание письма. Однако об этой связи мы можем судить, исходя из семантического значения формульного выражения.

Так, например, в письмах Хэлены фон Шалленберг встретились формулы-благодарности (*darumb ich dier zu h taußentmall schwösterlichen dankh sag*) и формулы-извинения (*verzeih mier*).

Что касается второй группы, она представлена формулами привлечения внимания адресата (*jch laß dich auch wissen*), запроса информации (*du wölst vnnß wißen lassen*), «модальными» формулами обращения к богу (*gott*

*lob; got seÿ lob; Gott dem herrn ßey lob vnd danckh geßagt) и формулами ввода просьбы (*bitich; (jch) bit dich, bit dich derwögen gar treulich; bit dich derhalben vmb gots willen, bit dich gar von hertzen schen*).*

Особый интерес представляют аббревиатуры, используемые в письмах. Как правило, это подпись в конце письма: *d t w sch alzeit biß in tot; d t w sch b i tot; d t sch b i t.*

При этом в одном письме подобная формула-подпись расписана полностью: *dein treue schwöster biß in tot.*

Следует также отметить, что сокращения встречаются и в теле письма, например, в обращениях, когда буква *h* пишется вместо усилителей *Herz* или *hundert*: *mein h liebster brueder; so sein sambt jmb Seitenwechsel von mier zu h h taußentmal schwösterlich gegriest.*

Таким образом, наш материал показал, что письма содержат в себе как ситуативно связанные этикетные формулы, так и клишированные фразы, типичные для эпистолярного жанра – традиционно оформленные обращения и формулы для управления ходом эпистолярной коммуникации.

Библиографический список

1. Бирр-Цуркан Л.Ф. Формульный характер частных немецких писем XIV–XV веков / Л.Ф. Бирр-Цуркан // Немецкая филология в Санкт-Петербургском государственном университете, т. 10, 2020 – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета. – С. 137-152
2. Клейнер Ю.А. Язык поэтической традиции в синхронии и диахронии / Ю.А. Клейнер // Поэтика традиции. Сборник научных статей. Под ред. Я. В. Василькова и М. Л. Кисилиера. – Санкт-Петербург: Европейский дом, 2010. – С. 18-44
3. Лингвистический энциклопедический словарь. Гл. ред. В.Н. Ярцева. – Москва: Большая рос. энцикл., 2002. – 709 с.
4. Стрибижев В.В. Речевые клише в современном английском языке: метакоммуникативная функция / В.В. Стрибижев // Дисс. канд. филол. наук. – Белгород, 2005. – 178 с.
5. Filatkina N. Historische formelhafte Sprache. Theoretische Grundlagen und methodische Herausforderungen / N. Filatkina – Berlin: De Gruyter, 2018. – 433 S.

L.F. Birr-Tsurkan,
St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia, l.birr-tsurkan@spbu.ru

Stable formulas in the private correspondence of Helene von Schallenberg (1561-1597)

The article is devoted to the problem of formality of epistolary genre. On the example of Helena von Schallenberg's private letters to her brother the stable etiquette formulas of the early New German period are considered. Relative stability, reproducibility, connection with the etiquette situation and communicative orientation are put forward as criteria.

Keywords: speech etiquette, formula, model, address, abbreviation, epistolary genre

УДК 821.133.05

Т.Ю. Боярская,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, boyard05@gmail.com

Функциональное значение приложений в эссе П. Мериме «Эпизод из истории России. Лжедмитрии»

В статье рассматривается функциональное значение приложений к очерку П. Мериме «Эпизод из истории России. Лжедмитрии». Оно находит выражение, как в авторском стремлении к объективности в изложении исторического нарратива, так и в имплицитно высказанной критике реакционной политики Николая I.

Ключевые слова: Мериме, историческое эссе, «Эпизод из истории России. Лжедмитрии», приложение, функциональное значение

«Эпизод из истории России. Лжедмитрии» является самой удачной частью проекта П. Мериме «Лжедмитрий» (1852-1853), куда наряду с этим эссе вошли рецензия на сочинение Н. Г. Устрялова «Сказания иностранцев о Дмитрии Самозванце» и две пьесы – «Лжедмитрий. Драматические сцены» и «Дебют авантюриста».

Если во всех компонентах проекта события сосредоточены, главным образом, на фигуре Лжедмитрия I, то в очерке «Эпизод» воссоздана тридцатилетняя эпоха Смутного времени, начиная со смерти Ивана Грозного (1584) до трагической гибели сына Марины Мнишек, Ивана Воренка (1614). «Эпизод» нацелен не только и не столько на изложение оригинальной авторской версии происхождения Лжедмитрия I из казаков, и его воцарения на Московском престоле, сколько на анализе самозванства, неудачных попытках проведения политических реформ и усиления казачества в России на рубеже XVI-XVII веков.

Для осуществления своей задачи французский писатель использует опусы русских историографов XIX века Н. М. Кармазина (1826), Н.Г. Устрялова (1831), А. И. Тургенева (1835), М. Муханова (1834), а также «Собрание государственных Грамот и Договоров» (1819), русские летописи о мятежах и осадах в XVI-XVII веках (1788). Он обращается и к свидетельствам иностранцев – книге Боплана об Украине (1651), запискам барона Герберштейна о Московии (1551) и к описанию Российской империи капитаном Маржеретом (1669). На все эти многочисленные источники Мериме ссылается в примечаниях, поясняя поступки и речь описанных персонажей и подтверждая подлинность воспроизведенных событий.

Еще большая наглядность авторского стремления правдиво отразить эпоху сказывается в четырех приложениях к основному тексту «Эпизода», обозначенных латинскими буквами – А, В, С, Д. Два из них

представлены французскими переводами с русского и польского языков. Одно (А) включает материалы Угличского следственного дела из Собрания Государственных Грамот и Договоров (единственный подлинный исторический документ по расследованию убийства царевича Дмитрия Ивановича); другое (Д) – донесение гетмана Жолкиевского королю Сигизмунду III и фрагмента из дневника Самуила Маскевича, в которых запечатлена воинская доблесть поляков и предательство наемников-перебежчиков в битве под Клушиным.

Приложение (С) является выдержкой из книги Боплана об Украине (1651) с описанием нравов запорожских казаков и тяжелой доли украинских крестьян, притесняемых польскими панами.

Приложение (В) диссонирует со всеми остальными по жанру и задачам. Оно написано в виде рецензии на труд П.В. Павлова «Об историческом значении царствования Бориса Годунова» (1850). В отзыве на книгу русского коллеги Мериме не соглашается с его трактовкой отмены Юрьева дня как намерения Годунова остановить произвольное перемещение крестьян с целью поддержания мелкопоместного дворянства.

Мериме отмечает: «Если отмена Юрьева дня не закабалила русских крестьян, то она должна была неминуемо превратить рабство в благодеяние в глазах большинства из них» [2, с.171], а закрепостившего широкие народные массы Бориса называет непросвещенным деспотом [Там же].

Подобное высказывание из уст Мериме, члена двух академий и сенатора Франции, о покорности и религиозности русского народа, ставших частью консервативно-охранительной доктрины – Самодержавие, Православие, Народность – было призвано привлечь внимание общественности к реакционной политике Николая I.

Есть основания предположить, что полемику с Павловым, пытавшемся рассмотреть отмену Юрьева дня Годуновым в ракурсе политической и экономической необходимости, Мериме включил в «Эпизод» по просьбе своего друга и корреспондента С. А. Соболевского, известного либеральными взглядами. Тот, как свидетельствует письмо Мериме от 14 апреля 1852 года [1, с. 138; с.141], скорее всего, сам собирался поднять этот вопрос в своем «Жизнеописании Бориса Годунова», неизданном из опасений цензуры.

Таким образом, функциональное значение приложений к «Эпизоду из истории России. Лжедмитрий» состоит не только в подтверждении подлинности исторических событий, изложенных в основном тексте очерка, но и в имплицитной критике государственной идеологии России, основы которой были заложены в XVI веке Борисом Годуновым.

Библиографический список

1. Виноградов А.К. Мериме в письмах к Соболевскому / А.К. Виноградов. – Москва: Московское художественное издательство, 1928. – 275 с.
2. Мериме П. Эпизод из истории России. Лжедмитрий / П. Мериме / Русская смута: Сб. перевод с фр. – Москва: Олма-Пресс. – 576с.

T.Y. Boyarskaya,
St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, boyard05@gmail.com

The functional significance of appendices in P. Merime's essay "An Episode from the History of Russia. False Dmitry"

The article examines the functional significance of appendices to P. Merime's essay "An Episode from the History of Russia. False Dmitry." It finds expression both in the author's desire for objectivity in the presentation of the historical narrative, and in the implicit criticism of the reactionary policy of Nicholas I.

Keywords: Merime, historical essay, "Episode from the history of Russia. False Dmitry", appendix, functional meaning

УДК 821.134.3

Ле́ниа Ви́е́йра,
Школа Агрупаменто Пионейро де Авиасао,
Лиссабон, Португалия, isabelvieira1981@gmail.com

A Literatura Portuguesa Contemporânea

O artigo aborda as origens da língua portuguesa e o desenvolvimento da literatura portuguesa, bem como poetas e escritores famosos de diferentes épocas. A proximidade de Espanha, França e África e vários acontecimentos históricos influenciaram a poesia e a prosa portuguesas.

Ключевые слова: Portugal, Literatura Portuguesa, Língua Portuguesa, escritores portugueses

Segundo o escritor Robert Bréchon, um especialista em Literatura Portuguesa Contemporânea, a Língua e a Literatura Portuguesas são muito influenciadas pela Literatura Espanhola. Na verdade, Bréchon foi um antigo Diretor do Instituto Francês de Lisboa, Conselheiro Cultural da Embaixada da França em Portugal e Membro da Academia das Ciências de Lisboa e ele mostra-nos, através de alguns poetas portugueses, sentimentos de desespero, autodepreciação, de emoção e de saudade.

A Língua Portuguesa é oriunda do latim e de outras línguas da Europa do Sul. No início, apelidada de língua romana, como ela derivava dos romanos e foi partilhada por toda a Ibéria. Pouco a pouco, o português fixou-se na região conhecida como Lusitânia. O que distingue a originalidade fonética da língua dos portugueses em relação à dos vizinhos espanhóis, é que o acento tónico aí predomina e faz desaparecer as sílabas não acentuadas. Na poesia portuguesa, há qualquer coisa de musical e afetivo. A ortografia, considerada complicada, foi simplificada no século XX. A língua não mudou muito durante cinco séculos e a Literatura mostra que existe uma evidente continuidade. A Literatura Portuguesa é uma literatura de poetas, por vezes épicos, sobretudo líricos e às vezes satíricos.

De fato, podemos considerar que a história da Literatura Portuguesa pode resumir-se em dois períodos muito distintos: século XVI e século XX. Cada período foi dominado por um determinado escritor. O primeiro período por Camões e o outro por Fernando Pessoa.

Na Idade Média, constata-se que surge uma Literatura Nacional, próxima daquela que existia em Espanha e apercebemo-nos de outras influências vindas de França, de Borgonha e da Ocitânia. O tema principal que caracterizou a sensibilidade portuguesa até aos dias de hoje com a palavra saudade, como um sentimento carinhoso e emocionante, como nostalgia de um passado e do impossível e da tristeza. O primeiro poeta desta altura foi o rei D.Dinis.

No século XVI, começou a aparecer uma Literatura em prosa. O mais célebre desta época foi Luís de Camões (1524-1580), mas o seu nome e a sua obra chegaram até hoje.

Sua epopeia “Os Lusíadas”, publicada em 1572, imitou a Eneida de Virgílio. Na verdade, Camões imortalizou a viagem de expedição de Vasco da Gama, que partiu de Lisboa en 1497, com a sua frota de 3 navios, para chegar à Índia no ano seguinte, depois de ter contornado a África pelo Sul.

A primeira metade do século XIX foi atribulada em Portugal devido às guerras civis, aos golpes de Estado e às revoluções. Exilado em Inglaterra, Almeida Garrett (1799-1854), começou a ser conhecido e descobriu a sensibilidade e a nova estética que ilustrou no seu país. Hoje como autor de teatro, ele marcou o seu tempo. Por seu lado, Camilo Castelo Branco com a sua obra “Amor de Perdição” (1862) foi considerado um dos marcos da Literatura Portuguesa. Camilo mostrou o caminho à geração seguinte, considerada a dos “vencidos da vida”. O cineasta Manoel de Oliveira adaptou vários dos seus romances ao cinema.

O mais conhecido escritor do século XIX, Eça de Queirós (1845-1900) escreveu grandes obras que são estudadas até hoje nas escolas como: “O Crime do Padre Amaro”, “O Primo Basílio”, “Os Maias”, este último que foi considerado a sua obra mestre. A maior parte das suas obras foram adaptadas ao cinema.

Еса aproximou-se de escritores modelo como Balzac ou Flaubert, utilizando um romantismo carregado de realismo, mais marcado por uma ironia que faz pensar em Voltaire e Anatole France no sentido de autocrítica, de autodepreciação, tipicamente português. Еса escreveu “Os Maias”, um romance de uma família, o qual foi traduzido em várias línguas.

O século XX começará também com a agitação e os conflitos políticos. Este período marcou um retorno progressivo a um brilho no domínio da cultura, que o país nunca tinha tido desde há quatro séculos. Primeira etapa do seu regresso ao apogeu, o movimento do “Renascimento Português” formou-se no Porto, em 1911, com o poeta Teixeira de Pascoaes e a sua doutrina, o saudosismo que alia a nostalgia do passado e o espírito de profecia. Fernando Pessoa aderiu ao movimento de Pascoaes e juntou-se com outros poetas mais jovens de Lisboa como : Mario de Sá-Carneiro (1890-1916) e José de Almada Negreiros (1893-1970). Eles criaram juntos, em 1915, a revista *Orpheu*, de teor provocatório que vai agitar a sensibilidade literária e artística. Assim surgiu o movimento apelidado de “primeiro modernismo”.

Fernando Pessoa, com 24 anos, aproximou-se da Literatura de Camões. Os modelos seguidos por Pessoa foram Shakespeare e Milton. Como gostaria de ser um escritor inglês, assim continuou a escrever nessa língua. Contudo, de volta a Lisboa, aos dezassete anos, ele escolheu escrever na sua língua original. Ele fundou a revista *Presença*, na qual participaram juntamente com ele, outros nomes conhecidos como: Vitorino Nemésio e Miguel Torga. Os escritores da *Presença* construíram uma nova escola literária, virada para a sociedade, para defesa dos fracos, no combate contra o poder salazarista chamado “fascista”. No fim dos anos trinta até aos anos sessenta, o neorealismo foi a corrente dominante em Portugal.

Em 1951, a revista *Árvore* contou com a participação de poetas metafísicos como José Terra, Fernando Echevarria, Ruy Belo e sobretudo dois poetas considerados hoje como os maiores deste século, depois de Pessoa: Ramos Rosa e Heriberto Hélder.

Em 1961, a revista *Poesia* reuniu novos poetas, dos quais fizeram parte várias mulheres que provocaram escândalo nas vésperas da revolução.

A meio do século XX, foi um período de renovação da poesia e nesse momento houve uma ruptura na evolução do romance. Duas obras marcaram essa mudança: A *Sibila* de Agustina Bessa Luís em 1954 e depois a “Aparição” de Vergílio Ferreira, em 1959. Este último autor inaugurou o que foi apelidado de romance “problemático”, essencialmente moral e metafísico. É preciso acrescentar o ensaísta Eduardo Lourenço, o mais penetrante analista da «alma portuguesa » e da obra de Pessoa.

Depois da Revolução de 1974, uma nova geração surgiu. Ela desconstruiu totalmente o romance tradicional. Os jovens romancistas foram marcados pelo crepúsculo do salazarismo e pelas guerras coloniais empreendidas por

este regime em África. Foi o caso de Lídia Jorge, nascida em 1946 e sobretudo António Lobo Antunes (1942), escritor português, hoje o mais lido no mundo, e Saramago, praticamente o único, que se distancia de Pessoa. José Saramago com a sua obra mais conhecida “O Memorial do Convento” (1982) – ganhou o prémio Pen do Club Português e mais tarde, em 1998, ganhou o Prémio Nobel da Literatura.

Seguidamente algumas das obras mais importantes que marcaram a Literatura Portuguesa:

Os Lusíadas de Luís de Camões, Auto da Barca do Inferno de Gil Vicente, Amor de Perdição de Camilo de Castelo Branco, Os Maias de Eça de Queirós, O Livro do Desassogo de Fernando Pessoa, Ensaio sobre a Cegueira de José Saramago, Os Cus de Judas de António Lobo Antunes, A Sibila de Agustina Bessa-Luís.

Sophia de Mello Breyner Andresen – Poetisa e escritora, a primeira mulher a receber o Prémio Camões, a maior distinção literária da língua portuguesa. Ela escreveu livros para a juventude os quais ainda são estudados hoje nas escolas como: “O Cavaleiro da Dinamarca”, “A Menina e o Mar”, “O Rapaz de Bronze”. A autora escreveu também muitos textos em poesia cujo tema principal é o mar.

Almeida Garrett – Escritor, dramaturgo e político, um dos principais representantes do romantismo português. A sua obra mais conhecida: “Viagens à Minha Terra”.

Vergílio Ferreira – Escritor e filósofo, autor de romances introspetivos e existenciais cujo mais conhecido é “Aparição”.

Florbela Espanca – Poetisa considerada como uma das maiores vozes femininas da poesia portuguesa.

Библиографический список

1. Litterature portugaise [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.babelio.com/liste/19254/Litterature-portugaise> (Дата обращения: 27.02.2025).
2. Tout savoir sur la litterature portugaise [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://leclaireur.fnac.com/selection/cp55171-tout-savoir-sur-la-litterature-portugaise/> (Дата обращения: 27.02.2025).

Lenia Vieira,

School Agrupamento Pioneiro de Aviação,
Lisbon, Portugal, isabelvieira1981@gmail.com

Contemporary Portuguese Literature

The article considers the origins of the Portuguese language and the development of Portuguese literature, as well as famous poets and writers from different eras. The

proximity of Spain, France and Africa and several historical events influenced Portuguese poetry and prose.

Key words: Portugal, Portuguese Literature, Portuguese Language, Portuguese writers

УДК 82 (091) Rosa + 82-145 Akhmadulina + 82.01

С.Г. Горбовская,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, vard_05@mail.ru

«Видение розы» Б. Ахмадулиной: аффективно-эмпативное погружение в дискурсивное поле творений Т. Готье и М. Фокина

В статье рассматривается феномен эмотивно-эмпативного погружения автора в психоэмоциональные сферы творческой личности на примере стихотворения Б. Ахмадулиной «Видение розы».

Ключевые слова: «Видение розы», Вацлав Нижинский, Михаил Фокин, Теофиль Готье, Белла Ахмадулина, новая искренность, эмпатия

В последние годы ученые все чаще исследуют вопрос о переходе современных писателей от эстетики постмодернизма к ее преодолению. Одни исследователи именуют этот новый процесс постпостмодернизмом / модерном (А. Павлов), другие – метамодернизмом / модерном (Т. Вермюлен, Р. ван ден Аkker, Н. Хрущева и т.д.). В исследованиях о метамодернизме даются самые разные определения новым тенденциям, тесно связанным с яркой демонстрацией чувств автора или центрального героя: «возвращением аффекта» (Р. ван ден Аkker), «возрождением эмпатии», «новым романтизмом» (А. Думитреску), рождением «новой искренности» и «радикальной беззащитности» (Э. Гиббонс, Л. Константину, Н. Тиммер) и т. д. Хронологически данные тенденции полноценно проявляются в литературе с 1990-х годов, но эпизодически имеют место и ранее.

Стихотворение Б. Ахмадулиной «Видение розы» (год написания – 1977, год первой публикации – 1997) гармонично вписывается в грядущую тенденцию «возрождения аффекта» и пробуждения эмпатии, можно сказать, опережает свое время. Произведение посвящено танцору балета Вацлаву Нижинскому (1889–1950) и является оммажем воплощению образа Розы Нижинским в одноименном балете М. Фокина. Название стихотворения Ахмадулиной повторяет как наименование балета, в котором блестал Нижинский, так и первоисточника – стихотворения поэта Парнасской школы Т. Готье, точнее перевода заглавия с французского языка на русский

как стихотворения, так и балета Фокина. В первоисточнике название представлено следующими словами: «Le Spectre de la rose», что можно перевести и как «Фантом розы». То есть в самом названии заложена образная дилютия – роза есть видение, фитонимический образ сна девушки, но и фантом – роза, явившаяся ей в антропоморфном воплощении.

В своем произведении Ахмадулина настолько глубоко пытается прочувствовать боль Нижинского в долгий период (с 1919 по 1950 г.) его пребывания в различных психиатрических больницах, что стихотворение представляет собой удивительный пример то ли гипнотического проникновения, то ли острейшего приступа эмпатии, то есть буквального осознания, вчувствования в то, что испытывал Нижинский, будучи пациентом лечебных заведений. Важно отметить, что данное стихотворение – не единственный опыт презентации Ахмадулиной – через образ розы – трагической судьбы творческой личности. В 1985 г. в стихотворении «Поступок розы» (опубликовано в 1986 г. в журнале «Октябрь») с данным цветком сопоставляется художник Н. Н. Сапунов, участник объединений и выставок «Алая роза» и «Голубая роза», погибший во время водной прогулки. Поэтесса сопоставляет Сапунова, его творческий дар, его работу над произведением с розой, «работающей» над созданием красоты. Исследователь творчества Б. Ахмадулиной Т. Алешка обращает внимание на то, что цветочная образность близка как поэзии самой Ахмадулиной, так и творчеству Н. Сапунова. Она отмечает: «Цветы всегда занимали большое место в творчестве художника, в их передаче он достиг редкой виртуозности. Многие его современники утверждали, что он был непревзойденным мастером в изображении цветов. Не случайно в сборнике 1916 года «Стихи, воспоминания, характеристики», посвященном памяти Сапунова, почти все авторы упоминают цветы в связи с его именем» [1]. Однако при всем драматизме сюжета Ахмадулина не демонстрирует такое же абсолютное погружение в чувства и мысли Сапунова, как в «Видении розы» – в чувствственный мир Нижинского. Она здесь лишь глубоко сопереживающий зритель со стороны, а не сам Сапунов.

По сюжету стихотворения Ахмадулиной «Видение розы» Нижинский находится в больнице, где его одолевают воспоминания о молодости, танце, балете «Видение розы», который был одним из самых ярких в карьере танцора до расставания с С. П. Дягилевым. В воспоминаниях танцора всплывает образ Тамары Карсавиной, исполнительницы роли девушки. Она – в его видениях – словно бы приходит повидаться с ним, но он не узнает свою партнершу, затем он – в свою очередь – спрашивает о ней, но ему отвечают, что она уже ушла. То есть внешний мир с его бурной жизнью где-то вдали, Нижинский пребывает в заточении не только больничной палаты, но и собственного душевного состояния.

Дихотомия, заложенная в стихотворении Готье, воплощена у Ахмадулиной в попытке войти в состояние как девушки (Карсавиной), так и розы (Нижинского). Ахмадулина пытается представить себя той самой – спящей девой из стихотворения Готье и балета Фокина. И Нижинский, перевоплощенный в образ розы, проникает в игру ее воображения, в ее острый приступ эмпатии, в стремление понять, что он мог чувствовать тогда, когда оказался совсем один в больнице, лишь частично осознающий, что происходит вокруг. Она остро чувствует, как два мира – прошлое и настоящее – смешались в его воображении. Он то танцор, исполняющий роль розы, то несчастный пациент психиатрической клиники.

Кроме того, Ахмадулина, как отмечено выше, пытается поставить себя и на место самого Нижинского, почувствовать его заточение как свое собственное. Дом, в котором она отдыхает, видится ей то ли тюрьмой, то ли больницей. Хозяйка-сестра Алла (персонаж стихотворения) даже смеется над ней, говоря, не сошла ли та с ума. На вопрос, много ли в доме (словно в палате или больнице) людей / пациентов, Алла отвечает, что кроме нее (Ахмадулиной) и кота Васьки никого нет. Алла уходит, а героиня, оставшись одна, выходит в заснеженный сад. Важно отметить, что образ сада – центральный в поэзии Ахмадулиной [4; 5]. Таким образом она выходит из заточения, созданного силой острого приступа эмпатии, в привычную стихию, в мир Ахмадулиной. И только там, глядя на собаку и проходящих людей, словно прия в себя, опомнившись, проснувшись, она остро ощущает, осознает – но уже со стороны – насколько он, этот удивительный артист, тосковал там, в больнице, в последние годы своей жизни в полном одиночестве:

В ресницах с нерастаявшей снежинкой,
народ вокруг смеялся и сновал.
Я думала: как тосковал Нижинский,
как тосковал, как страшно тосковал [2, с. 24].

Помимо отсылок к пребыванию Нижинского в больнице, в тексте Ахмадулиной явно просматривается и параллель с годами, проведенными артистом в австро-венгерской тюрьме (с 1914 по 1916 гг.). Отметим, что аллюзия, связанная с тюрьмой, очень близка подобной аллюзии другого писателя. В одном эпизоде романа Ж. Жене «Чудо о розе» (*Miracle de la rose*, 1946) появляется фотография Нижинского в костюме розы из балета Фокина. Фотография расположена на стене тюремной камеры, в которой отбывает срок протагонист произведения. Жене наверняка был посвящен в факты, связанные с жизнью Нижинского. Знал и о его пребывании в тюрьме и в больнице. Фото на стене тюремной камеры подразумевает заточение розы, то есть великой творческой личности, лишение ее свободы, всецелую власть над ней. Вероятность такой скрытой аллюзии в стихотворении Ах-

мадулиной, которая едва ли могла знать об эпизоде у Жене, ибо на русский язык этот роман Жене был переведен лишь в 1998 г., заключается в словах: «Мой домик малый был в незримость замкнут», «Рассудок – сам затворник и темница – стал намекать, что вождь его – не я», «Что он клаустрофобии недугом давно казним» [2, с. 22-23] и т. д. Всё это намеки на заточение, несвободу, тягостное пребывание вдали от чего-то желанного – молодости, жизни, счастья, любви и т. д. Ахмадулина в данном случае не впервые связывает образ цветов с темой потери свободы. Например, в стихотворении «Цветы» (1956) она противопоставляет растения, «заточенные» в стенах оранжереи, растениям в открытых садах [3, с. 88]. В садах – то есть на свободе – растения пахнут совсем иначе. Исследователь Х. Н. Темаева связывает данный образ с обстоятельствами личной жизни поэтессы, а именно несчастливым периодом брака с Е. Евтушенко: Ахмадулина, как цветок в оранжерее, задыхается от несвободы [6, с. 100].

Итак, стихотворение Б. Ахмадулиной представляет собой яркий пример поэзии, вписывающейся в общую тенденцию литературы «новой искренности», в которой «возрождение аффекта» и эмпатии являются одними из центральных эмоциональных двигателей текста. Стихотворение, долгие годы лежавшее «в столе» поэтессы, было напечатано в 1997 году, в период начала зарождения метамодерна, вполне вероятно, могло быть переработано, дополнено и т. д. Примерно в те же годы (1990-2000-е) создаются такие произведения, как «Короткие интервью с подонками» Д. Ф. Уоллеса, «Windows on the World» Ф. Бегбедера, «Как быть двумя» А. Смит, где главные герои, альтер-эго автора или сам автор не просто описывают чью-то боль, а буквально осуществляют сеанс эмпатии, переходя как бы из самих себя – в тела, ощущения, чувства другого, передавая и принимая их как свои собственные.

Библиографический список

1. Алешка Т. Культурный контекст стихотворения Б. Ахмадулиной «Поступок розы» / Т. Алешка // Филолог. 2005. – Выпуск 6.
2. Ахмадулина Б.А. Видение розы / Б.А. Ахмадулина // Созерцание стеклянного шарика. СПб.: Издательство «Пушкинский фонд», 1997. – С. 19-24.
3. Ахмадулина Б.А. Цветы / Б.А. Ахмадулина // Стихотворения. М.: Эксмо, 2010. – С. 88.
4. Михайлова М.С. Концепт сада и метафора цветочного времени в книге Беллы Ахмадулиной «Сад» / М.С. Михайлова // Культура и текст, 2005. – № 8. – С. 192–197.
5. Красноперова Е.А. Образ сада в поэзии Беллы Ахмадулиной / Е.А. Красноперова // Шаги в науку: сб. мат-лов Межвуз. науч. семинара. – Брянск, 2022. – С. 250-256.
6. Темаева Х.Н. Своеобразие цветочной семантики поэзии Беллы Ахмадулиной и Новеллы Матвеевой / Х.Н. Темаева // Гуманитарные и социальные науки, 2022. – Т. 94, № 5. – С. 99–103.

S.G. Gorbovskaya,
 St. Petersburg State University,
 St. Petersburg, Russia, vard_05@mail.ru

**«The Spirit of the Rose» by B. Akhmadulina: affective and empathic immersion
 in the discursive field of the works of T. Gautier and M. Fokin**

The article examines the phenomenon of the author's emotive-empathic immersion in the psycho-emotional spheres of a creative personality using the example of B. Akhmadulina's poem «The Spirit of the Rose».

Key words: *The Spirit of the Rose, Vaslav Nijinsky, Mikhail Fokine, Théophile Gautier, Bella Akhmadulina, new sincerity, empathy.*

УДК 821.133

В.В. Кириченко

Национальный исследовательский университет
 «Высшая школа экономики»,
 Санкт-Петербург, Россия, kirlimfaul@gmail.com, vkirichenko@hse.ru

**Близкие автофикациональности формы письма
 в современной французской литературе**

В статье рассматривается проблема личного письма в современной французской литературе. Целью работы является установление тенденций и траекторий в творчестве современных французских писателей, ориентирующихся в той или иной мере на автофикациональное письмо, главным элементом которого является особенная установка на проблематизацию фактуальности и фикциональности внутри текста.

Ключевые слова: *французская литература, автобымысел, автофикациональность, личное письмо; инфравымысел; экзовымысел; биовымысел; сюрвымысел; метавымысел; автотеория*

Автобымысел представляет собой гибридный литературный жанр, характеризующийся парадоксальным сочетанием автобиографических элементов и фикционального дискурса. Определяющим признаком автобымысла является нарушение классического автобиографического пакта, основанного на тройственном тождестве автора, рассказчика и протагониста, посредством введения элементов вымысла в повествовательную структуру и паратекстуальные элементы (заглавие, жанровое обозначение). Этот жанровый модус, также известный как «личный роман» (фр. «intime»), предполагает гибридизацию нарратива, основанного на биографических реалиях автора, с фиктивным режимом повествования. Данный режим допускает

использование третьего лица, модификацию имён собственных и топонимов, изменение или рекомбинацию фактических событий, а также включение элементов, репрезентирующих сферу бессознательного. Также необходимо отметить, что авторской автобиографические маркировки не являются автобымыслом, но «автобиографемами», которые стоит понимать специфическую черту, возникающую в соотношении с одним или несколькими засвидетельствованными автобиографическими высказываниями, организующую в тексте локально и/или глобально форму содержания и/или высказывания.

Существует два различных способа создания автобымысла. Это повествование, в котором, с одной стороны, доминирует документальный факт, а с другой – главенствует вымысел. Эта нарративная логика проявляется себя в зарубежной литературе, например, автобымысл произведений Э. Хэмингуэя («Прощай оружие!», 1929), М. Дюрас («Плотина против Тихого океана», 1950), Ж. Жене («Богоматерь цветов», 1943) преимущественно строится на фикциональном сюжете, в который вкрапляются детали и факты личной биографии (это наиболее частый случай в художественной литературе) тогда как произведения «Ролан Барт о Ролане Барте» (1975) Р. Барта, «Возвращение зеркала» (1984) А. Роб-Грийе, «Французский роман» (2009) Ф. Бегбедера основываются главным образом на документальном факте, дополняя его вымышленным материалом.

В современной французской литературе наблюдаются формы, близкие автобымыслу, историческому и реалистическому романам. Среди этих форм можно выделить: инфравымысел, экзовымысел, биовымысел, сюрвымысел, метавымысел, автотеорию.

Инфравымысел характеризуется минимальным внедрением фиктивных элементов в преимущественно фактуальное автобиографическое повествование, сохраняя высокую степень соответствия эмпирической реальности. Лоран Бине в романе «НhhН» (2010) демонстрирует признаки инфравымысла через детализированное и, казалось бы, скрупулезно документированное изображение операции «Антрапоид» – покупания на Рейнхарда Гейдриха. Однако, как подсказывает концепция «инфраординарного» Жоржа Перека, истинное понимание событий лежит не на поверхности пересказа исторических событий, но в процессе раскладывания собственного познания истории. Именно здесь проявляется инфравымысел Бине, который в общих понятиях сложно назвать даже романом с точки зрения фикциональности (как и, например, текст Дж. Барнса «Попугай Флобера»). Близость с автобымыслом и историческим романом заключается в том, что автор посредством личного участия постепенно рассказывает важное историческое событие с собственным домыслом и неточностями.

Экзовымысел (не «экзотический вымысел», а «внешний вымысел») представляет собой фикциональное письмо, в котором автор, используя автобиографический опыт и субъективное мировосприятие, создает нарратив о другом персонаже или явлении, осуществляя перенос личного опыта на внешние объекты. Основные черты экзовымысла: 1) перенятие чужого опыта; 2) попытка погружения в историю другого человека; 3) изучение чужой биографии; 4) яркие переживания на фоне чужого опыта. Прото-формой данного подхода к письму можно назвать творчество Маргерит Юрсенар, а если двигаться ближе к нашему времени, то можно привести в пример Паскаля Киньяра. В романе «Быть здесь – уже чудо» (2020) Мари Дарьесек активно использует экзовымысел, создавая вымышленную биографию немецкой художницы Паулы Модерзон-Беккер, жившей в начале XX века. Вместо прямого автобиографического повествования, Дарьесек переносит свой собственный опыт и размышления на фигуру Модерзон-Беккер, это происходит в ряде параметров текста: 1) эмпатический перенос; 2) рефлексия о мире через другого; 3) вымысел как инструмент познания (мира и себя); 4) субъективная интерпретация, которая выведена в заглавии.

Биовымысел сочетает элементы биографического исследования с вымышленным повествованием, представляя собой интерпретацию реальной биографии с использованием художественного вымысла для заполнения лакун и создания когерентного нарратива. В романе «Тит Беренику не любил» (2017) Натали Азуле использует биовымысел, переосмысливая классическую трагедию Расина «Береника» и реальные исторические фигуры – римского императора Тита и иудейскую царицу Беренику. Азуле берет за основу известные исторические факты и литературный сюжет, но радикально пересматривает мотивации и внутренний мир персонажей. Она создает свою версию их взаимоотношений, наполняя их психологической глубиной и современными проблемами. Автор добавляет детали, отсутствующие в исторических источниках и трагедии Расина. Эти вымышленные эпизоды призваны углубить понимание персонажей и раскрыть скрытые слои их личности. Азуле переносит историю в современный контекст, проводя параллели между античным миром и современностью. Она исследует вечные темы любви, власти, долга и самопожертвования, актуализируя их для современного читателя.

Сюрвымысел представляет собой сложную форму, в которой автор создает заведомо неожиданные и непредугадываемые элементы текста, которые разворачиваются в антиреалистической тенденции. Роман «Шкелеты» (2009) Рэймона Федермана – яркий пример использования сюрвымысла. Он радикально деконструирует привычные нарративные структуры,

погружая читателя в мир, где реальность смешивается с фантазией, абсурдом и потоком сознания. Повествование распадается на отдельные фрагменты, часто лишенные логической связи. Время и пространство деформируются, создавая хаотичную и непредсказуемую картину. В романе постоянно возникают нелепые ситуации, парадоксальные утверждения и черный юмор, разрушающие привычные представления о реальности, а также странные референции в конце книги. Федерман отдает приоритет потоку сознания, ассоциативным связям и иррациональным импульсам, которые в чем-то связаны с его личной жизнью. Сны, галлюцинации и фантазии играют важную роль в формировании нарратива. Автор постоянно напоминает о вымыщенности происходящего, разрушая иллюзию реальности и вовлекая читателя в процесс создания истории.

Автотеория интегрирует автобиографический нарратив с теоретическими концепциями и философским анализом, используя личный опыт как эмпирическую базу для иллюстрации и осмыслиения теоретических положений. «Тестоджанки» (2008) Поля Пресъядо может быть примером автотеории, в которой автор органично сочетает личный опыт трансгендерного перехода с глубоким философским и социополитическим анализом. Пресъядо использует свой опыт гормональной терапии как отправную точку для исследования вопросов власти, телесности, пола и сексуальности. Личные переживания становятся иллюстрацией и аргументом для теоретических рассуждений. Автор анализирует медицинский дискурс, научные теории, социальные нормы и политические институты, выявляя их предвзятость и репрессивный характер по отношению к трансгендерным людям. Пресъядо разрабатывает собственный язык и использует неологизмы для описания трансгендерного опыта и критического осмыслиения существующих категорий пола и гендера. Работа Пресъядо имеет ярко выраженный политический характер. Автор призывает к деконструкции гендерных стереотипов, расширению прав трансгендерных людей и созданию более инклюзивного общества.

В заключение, рассмотренные нарративные стратегии – экзовымысел, биовымысел, сюрвымысел и автотеория – представляют собой вариативные подходы к деконструкции и переосмыслинию конвенциональных литературных форм, связанные с личным письмом или, по крайней мере, включающие в себя некоторое учитывание себя в контексте производства литературного текста и демонстрация себя как полноценной величины в отношении к объекту презентации. Авторы данных тенденций характеризуются использованием вымысла как инструмента для исследования реальности, субъективности и исторического контекста, предлагая новые перспективы для понимания человеческого опыта.

V.V. Kirichenko,
HSE University,
St. Petersburg, Russia, kirlimfaul@gmail.com, vkirichenko@hse.ru

Near-Autofiction Forms of Writing in Contemporary French Literature

The article deals with the problem of personal writing in contemporary French literature. The aim of the work is to establish trends and trajectories in the work of contemporary French writers, oriented to a greater or lesser extent on autofictional writing, the main element of which is a special attitude to the problematisation of factuality and fictionality within the text.

Keywords: French literature, autofiction; autofictionality; private writing; infrafiction; exofiction; exofiction; biofiction; surfiction; metafiction; autotheory

УДК 82.091+821.161.1

А.В. Клименок,
Университет Лотарингии / Université de Lorraine,
Нанси, Франция, alklimenok27@gmail.com

Шарль Бодлер в русской культуре: итоги и перспективы исследования

В статье представлен краткий обзор исследований в области рецепции Шарля Бодлера в России: рассмотрены отдельные направления исследований, выделены «белые пятна» в изучении темы, а также намечены дальнейшие перспективы изучения и издания «русского Бодлера».

Ключевые слова: рецепция Шарля Бодлера в России, рецептивная эстетика, художественный перевод, Серебряный век русской литературы, культура СССР, новейшая русская литература

Интерес к Шарлю Бодлеру проявился в русской культуре еще при жизни поэта (статья Н. Сазонова в «Отечественных записках», 1856). Затем последовали многочисленные переводы, подражания, эссе и научные исследования. Пик интереса к Бодлеру приходится на эпоху Серебряного века русской культуры: в этот период Бодлера активно переводят поэты самых разных эстетических направлений (символисты, акмеисты, футуристы...), среди них как признанные мэтры, так и поэты второго и третьего ряда (Эллис), а также профессиональные переводчики (им и принадлежат первые полные переводы «Цветов зла» и других сочинений Бодлера).

В этот же период Бодлер становится частью массовой культуры эпохи, о чем свидетельствует не только возрастающее количество переводов са-

мого разного качества, но и, например, появление романсов на стихи Бодлера (А. Гречанинов, С. Танеев).

В советский период Бодлер уходит с культурной сцены, так как творчество французского поэта с трудом вписывалось в официальную идеологию, особенно в сталинский период. «Возвращение» Бодлера в русскую (точнее, в советскую) культуру приходится на послевоенный период: появляются новые переводы, меняется оценка творчества Бодлера в учебниках западноевропейской литературы. При этом если в культуре Серебряного века Бодлер сыграл роль, сопоставимую с той, какую сыграл Байрон в культуре русского романтизма, то в советский период он становится предметом внимания профессионалов: историков литературы и переводчиков. В послесталинский период появляется множество новых переводов (профессиональных, а не поэтических), сборник «Цветы зла» выходит в серии «Литературные памятники» (что свидетельствует о своего рода канонизации бодлеровского творчества), а также появляется первая монография о Бодлере.

Социально-политические изменения, произошедшие в России на рубеже 1980-1990-х годов, незначительно изменили ситуацию: отмена цензуры сделала доступными многие не (пере)печатавшиеся ранее переводы, количество исследований как творчества самого Бодлера, так и его рецепции многократно возросло. Тем не менее, несмотря на обилие публикаций, в России до сих пор нет ни собрания сочинений Бодлера, ни научных изданий отдельных его произведений (если не считать издания «Цветов зла» в «Литературных памятниках» (1970), на сегодняшний день значительно устаревшего).

Первые исследования рецепции Бодлера в России появляются в советский период и носят, как правило, разрозненный характер. Активизация исследовательского интереса приходится на 1990-е и особенно на 2000-е годы. При этом следует отметить, что монографических исследований проблемы крайне мало: среди наиболее значимых исследований отметим монографию А. Ваннера на английском языке (и до сих не переведенную на русский) [5] и кандидатскую диссертацию Е. Фоновой.

Совершенно естественно, что в первую очередь в поле внимания исследователей попали переводы Бодлера, принадлежащие авторам XIX века и поэтам Серебряного века (исследования Е.Эткинда, А. Ваннера, С. Фокина, С. Сапожкова, Т.Соколовой и др.). при этом внимание, как правило, сконцентрировано на самых значительных фигурах (П. Якубович, К. Бальмонт, В. Брюсов, Вяч. Иванов, И. Анненский, Н. Гумилев, М. Цветаева). Переводческое же наследие таких авторов, как М. Зенкевич, В. Шершеневич, Г. Шенгели или А. Ламбле, не говоря уже о менее известных переводчиках, до сих пор остается без специального рассмотрения. Насколько мне

известно, переводы советских и современных поэтов и переводчиков не исследовались вообще.

Помимо истории переводов, исследователи активно изучают проблему влияния творчества Бодлера на русских (и российских) авторов. Но и здесь мы видим прежде всего знаменитых поэтов Серебряного века: темы «Блок и Бодлер» (А. Ваннер, И. Приходько, Н. Грекалова), «Брюсов и Бодлер» (Е. Кузнецова, Ю. Маринина), «Гумилев и Бодлер» (С. Фокин, К. Брылева) или «Бодлер и русский символизм» (С. Дурылин, А. Ваннер, Е. Фонова) стали уже традиционными, в то время как менее значимые фигуры (даже такие, как К. Бальмонт или А. Белый) по-прежнему остаются вне внимания исследователей, не говоря уже о культуре советского и особенно постсоветского периода.

Наименее разработанной областью остается текстология. Несмотря на обилие материалов и документов, корпус русских переводов Бодлера до сих пор не собран и не прокомментирован, в большинстве случаев мы имеем дело с обычной перепечаткой имеющихся переводов в массовых изданиях. Не переизданы до сих пор (за редким исключением) важнейшие и малодоступные документы XIX и XX веков (упомянутая выше статья Н. Сазонова, критические статьи и эссе авторов Серебряного века, некоторые никогда ранее не печатавшиеся архивные документы). Даже в отношении главного текста Бодлера – «Цветов зла» – было предпринято всего четыре попытки научного или хотя бы научно-популярного издания. Прежде всего, это издание 1970 года («Литературные памятники»), снабженное обширным комментарием, научными статьями и единственной на сегодняшний день научной библиографией [1]. Второй вехой стало издание 1993 года, подготовленное Г. Косиковым и адресованное студентам-филологам [2]. В 2006 году издательство «Радуга» выпустило к 185-летию Бодлера двуязычное издание «Цветов зла», которое до сих пор остаётся наиболее полным собранием русских переводов, однако это издание не снабжено научным аппаратом [3]. Наконец, в 2021 году выходит сборник прозаических переводов К. Акопяна, снабженный комментариями, но качество этого перевода (как и комментария) вызывает множество вопросов [4].

Таким образом, несмотря на богатую и давнюю традицию изучения темы «Бодлер в России», следует констатировать, что научное осмысление значительно отстает от читательского интереса и издательской практики. Как мне кажется, первоочередной задачей следующего этапа в изучении русского Бодлера может стать большое комментированное издание корпуса имеющихся переводов и критических откликов, относящихся не только к периоду Серебряного века, но и к последующим эпохам вплоть до сегодняшнего дня, что позволило бы привлечь внимание исследователей к другим аспектам проблемы и к другим, ранее не изучавшимся авторам и текстам. Кроме того, требует внимания тема «советского Бодлера», до сих пор даже

не поставленная историками литературы. И наконец, богатые возможности открывает изучение восприятия Бодлера в массовой культуре прошлого и настоящего (романсы Серебряного века, песни советских композиторов (Д. Тухманов) и «поэтов-бардов (А. Дольский), любительские сайты и сообщества в Интернете, посвященные Бодлеру).

Библиографический список

1. Бодлер Ш. Цветы зла: по авторскому проекту третьего издания / Ш. Бодлер, изд. подгот. Н.И. Балашов, И.С. Поступальский – Москва: Наука, 1970. (Литературные памятники). – 480 с.
2. Бодлер Ш. Цветы зла. Стихотворения в прозе. Дневники. Жан-Поль Сартр. Бодлер / Ш. Бодлер; сост., вступит. ст. и comment. Г. К. Косикова. – Москва: Высшая школа, 1993. – 511 с.
3. Бодлер Ш. Цветы зла / Ш. Бодлер. – Москва: Радуга, 2006. – 800 с.
4. Бодлер Ш. Цветы зла. Обломки. Текст и контекст / Ш. Бодлер; сост., пер., коммент. и ст. К.З. Акопяна, под общ. ред. Н.Т.Пахсарьян – С.-Петербург: Алетейя, 2021 – 809 с.
5. Wanner A. Baudelaire in Russia /A. Wanner. – University Press of Florida, 1996. – 253 p.

A.V. Klimenok,
University of Lorraine,
Nancy, France, alklimenok27@gmail.com

Charles Baudelaire in Russian culture: results and prospects of research

The article provides a brief overview of research in the field of Charles Baudelaire reception in Russia: separate research directions are considered, "white spots" in the study of the topic are highlighted, and further prospects for studying and publishing the Russian Baudelaire are outlined.

Key words: reception of Charles Baudelaire, receptive aesthetics, artistic translation, Silver Age of Russian literature, culture of the USSR, modern Russian literature

УДК 811.11-112

И.К. Машко,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, mashkoignatius@gmail.com

Типы атрибутивных конструкций в среднеанглийской поэзии

В статье рассматриваются и анализируются способы типологизации атрибутивных конструкций в поэтических текстах среднеанглийского периода с опорой на

морфологическую классификацию. Основная цель заключается в установлении существующих типов атрибутивных конструкций с точки зрения частеречной принадлежности атрибута.

Ключевые слова: атрибутивные конструкции, атрибут, поэтический текст, среднеанглийский период, Д. Чосер, диахрония

Изучение текстов, созданных в среднеанглийский период, вызывает большой интерес у лингвистов [3; 4; 5]. Это обусловлено тем, что среднеанглийский период является одним из наиболее значимых периодов в истории английского языка, т. к. в этот период язык претерпевал значительные изменения под влиянием других культур и завоеваний. На этом этапе господствующими языками являлись французский и латынь, а английский использовался в речи крестьянами. Именно поэтому для английского языка того времени было характерно отсутствие литературной нормы, а также использование диалектов.

В литературных текстах среднеанглийского периода важную роль играют атрибутивные конструкции, которые используются для создания структуры произведения и систем образов. Актуальность исследования обусловлена малой изученностью атрибутивных конструкций на материале среднеанглийских поэтических текстов. Цель исследования заключается в определении типов атрибутивных конструкций на материале произведения Д. Чосера «Кентерберийские рассказы».

Понятие «атрибут» анализируется с точки зрения различных подходов, каждый из которых имеет свои отличительные особенности при последующей разработке классификаций. Например, одни исследователи (В.Д. Аракин, И.П. Иванова, Е.Б. Кириллова) предлагают рассматривать атрибутивные конструкции как один из типов словосочетаний. Данный подход предлагает рассматривать атрибутивные конструкции с учетом типов связей между главным и зависимым компонентами. Следовательно, в рамках данного подхода выделяют два типа конструкций – ядерные и безъядерные. По мнению И.П. Ивановой, ядерными будут считаться словосочетания или группа слов, «образующих грамматически организованную структуру, в которой один элемент господствует над другим» [1, с. 134]. К безъядерным словосочетаниям будут относиться те группы слов, которые находятся во взаимозависимых отношениях (сочинения или подчинения). Основным недостатком данного подхода является тот факт, что он не учитывает сочетания, состоящие из трех и более компонентов.

При рассмотрении атрибутивных конструкций как понятийной категории (Д.А. Синкевич) используются понятия «ядро» и «периферия». К ядру будут относиться грамматические категории имени прилагательного, к периферии – грамматические категории других частей речи (числи-

тельные, герундии и др.). При классификации атрибутивных конструкций используются основные категории атрибутивности (калитативность, квантитативность, компаративность, посессивность).

Когнитивный подход (А.В. Ткаченко, Я.В. Проскура) предполагает рассмотрение атрибутивных конструкций как единиц сложной номинации, т. е. как единство языковой и когнитивной составляющей. В рамках данного подхода атрибутивные конструкции анализируются с учетом «порядка расположения компонентов, типа связи и силы смыслового примыкания всех структурных элементов, характера семантических отношений и возможности вербального воплощения в конкретном языке значимых качеств и свойств того предмета или фрагмента действительности, о котором идет речь в определенный промежуток времени в отдельно взятом акте коммуникации» [6, с. 83]. Для классификации используется типология атрибутов, среди которых выделяют субстантивные, адъективные, парциципиальные, инфинитивные и финитные.

Анализ атрибутивных конструкций в рамках морфологического подхода предполагает рассматривать атрибут с точки зрения его частеречной принадлежности. По мнению В.Л. Каушанской, атрибут представляет собой второстепенный член предложения «в роли которого может выступать существительное, местоимение или другая часть речи» [2, с. 301]. Следовательно, в качестве атрибута могут выступать прилагательные, существительные, местоимения, числительные, наречия, причастия первого и второго типа, конструкции с предложной группой и др.

Таким образом, при анализе существующих подходов и классификаций в данной работе используется морфологический подход к описанию и типологизации атрибутивных конструкций, т. к. он является наиболее полным и соответствует задачам исследования.

Для практической части исследования был выбран отрывок из поэтического произведения Д. Чосера «Кентерберийские рассказы» объемом в 6105 слов. При составлении корпуса примеров было выявлено 396 атрибутивных конструкций. Процентное соотношение выявленных атрибутивных конструкций представлено в таблице 1.

Табл. 1. Распределение выявленных атрибутивных конструкций
в процентном отношении

Тип атрибутивной конструкции.	Процент от общего числа выявленных конструкций.
атрибут выражен именем прилагательным	37%
атрибут выражен притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже	29%

Окончание табл. 1

Тип атрибутивной конструкции.	Процент от общего числа выявленных конструкций.
атрибут выражен с помощью конструкций с предложной группой	16%
атрибут выражен придаточным предложением	5%
атрибут выражен любым местоимением, кроме притяжательного	4%
атрибут выражен причастием или причастным оборотом	3%
атрибут выражен конструкцией с глаголом в инфинитивной форме	3%
Иные	3%

При анализе атрибутивных конструкций с точки зрения положения атрибута относительно ядра, нами были получены следующие результаты, представленные в таблице 2.

Табл. 2. Процентное соотношение выявленных атрибутивных конструкций по признаку позиции атрибута относительно ядра конструкции

Тип атрибутивной конструкции.	Процент от общего числа выявленных конструкций.
Препозитивные атрибутивные конструкции.	70%
Постпозитивные атрибутивные конструкции.	30%

Таким образом, при анализе способов выражения атрибутов в среднеанглийском поэтическом тексте было установлено, что разработанная типология атрибутивных конструкций по способу выражения и положению атрибута является оптимальной для категоризации атрибутивных конструкций в поэзии Д. Чосера. Было выделено три наиболее частотных типа атрибутивных конструкций, в которых атрибут был выражен: а) именем прилагательным; б) притяжательным местоимением или существительным в родительном падеже; в) конструкцией с предложной группой. Они составили 82% от общего числа конструкций, где большая часть представляет собой конструкции, где в качестве атрибута выступало прилагательное. Большая часть атрибутивных конструкций также относится к препозиционному типу. При анализе атрибутивных конструкций в поэтических текстах среднеанглийского периода также необходимо учитывать не только «переходный» характер английского языка того времени, но и особенности поэтических текстов в целом, связанные с его формальной структурой.

Библиографический список

1. Иванова И.П. Теоретическая грамматика современного английского языка: учебник // И.П. Иванова, В.В. Бурлакова, Г.Г. Почепцов. – М, 1981. – 285 с
2. Каушанская В.Л. A Grammar of the English Language / В.Л. Каушанская // Под ред. проф. Е. В. Ивановой. 2008. – 381 с.
3. Нильсен Е.А. К построению когнитивной схемы восприятия времени носителями среднеанглийского языка / Е.А. Нильсен // Когнитивные исследования языка. Вып. XIV. – 2013. – С. 215-219.
4. Нильсен Е.А. Особенности образной составляющей концепта ВРЕМЯ в среднеанглийском языке / Е.А. Нильсен // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Вып. 2: Сер. Филологические науки. – 2012. – С. 66-73.
5. Нильсен Е.А. Репрезентация тенденций антропоцентризма в среднеанглийском языке / Е.А. Нильсен // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVII. – 2016. – С. 231-239.
6. Ткаченко А.В. Атрибутивное словосочетание в традиционном и когнитивном аспектах изучения (на материале английского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики, 2020. – №4. – С. 80-86.

I.K. Mashko,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, mashkoignatius@gmail.com

Types of attributive constructions in Middle English poetry

The article considers and analyzes the typology of attributive constructions in poetic texts of the Middle English period, based on morphological classification. The aim is to identify the existing types of attributive constructions in regards to its attributive belonging.

Key words: attributive constructions, attribute, poetic text, Middle English period, D. Chaucer, diachron

УДК: 811.111

Е.А. Нильсен,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, janenilsen@mail.ru

М.И. Чиченина,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, m.chichenina@bk.ru

Особенности репрезентации глаголов движения в англосаксонской поэзии

В статье рассматриваются глаголы движения в англосаксонской поэзии «The Battle of Maldon» и проводится их анализ с точки зрения морфологии и синтаксиса.

Установлено, что среди глаголов движения в анализируемом тексте преобладают сильные глаголы.

Ключевые слова: глаголы движения, англосаксонская поэзия, «Битва при Мэлдоне»

В древнеанглийской поэме «The Battle of Maldon» [5] широко используются глаголы движения: они имеют большое значение для передачи динамики во время описания битвы. Рассмотрим пять глаголов, которые относятся к исконно английской лексике и встречаются в анализируемом произведении: *cuman*, *sendan*, *flēon*, *gangan*, *fēran*.

Глагол «*sendan*» (современный глагол «to send») в предложении «Mē sendon tō þē sāmen snelle, / hēton ðē secgan þæt þū mōst sendan raðe / bēagas wið ġebeorge» («Me sent to you seamen bold, / commanded you say that you must send quickly rings in exchange for protection») [5] встречается два раза, но в разных значениях. Наличие в семантической структуре этого глагола лексико-семантического варианта «заставить кого-то пойти куда-то и сделать что-то» [4] позволяет отнести данную лексическую единицу к рассматриваемым глаголам движения, поскольку его семантика подразумевает перемещение в пространстве. Именно в этом значении глагол *sendan* представлен в приведенном предложении в строке «Mē sendon tō þē sāmen snelle...». В контексте «... þæt þū mōst sendan raðe / bēagas wið ġebeorge» этот глагол имеет другое значение, не рассматриваемое в настоящей статье. Глагол «*sendan*» является слабым глаголом 1 класса [3].

Общеизвестно, что в древнеанглийском языке слабые глаголы образовывали формы прошедшего времени и причастия II при помощи дентального суффикса (*d*, *t*, *ð*) и делились на 3 класса. Важно отметить, что 1 класс слабых глаголов является производным от других частей речи с помощью суффиксов *i* или *j*, которые влияли на корневой гласный в различных формах и вызывали умлаут, вследствие чего в 1 класс слабых глаголов входила группа неправильных глаголов [2]. Также хочется обратить внимание на интересный факт. Как правило, слабые глаголы постепенно становятся к новоанглийскому периоду правильными. Однако глагол «*sendan*» постепенно перешел в разряд неправильных, сохраняя свои индивидуальные формы (*send-sent-sent*).

В представленном выше предложении из рассматриваемой поэмы глагол «*sendan*» используется в форме прошедшего времени множественного числа и выполняет роль простого глагольного сказуемого. Порядок слов в анализируемом предложении обратный и относительно свободный. Между главными членами предложения стоят второстепенные, что характерно для древнеанглийского языка, который является синтетическим [1].

В предложении «Wæs sēo tīd cumen» («Was the time come») [5] глагол «*cuman*» (современный глагол «to come») используется в метафорическом

значении «прийти», показывая несуществующее перемещение во времени [4]. Глагол «*cuman*» – это сильный глагол 4 класса.

Сильные глаголы в древнеанглийский период подразделяются на 7 классов. Для них характерно образование форм прошедшего времени и причастия II при помощи аблauta. Особенностью первых пяти классов являются осложнители, которые влияют на корневой гласный. У глагола 4 класса «*cuman*» – это сонорный т. Постепенное разрушение классов сильных глаголов можно проследить на анализируемой лексеме, поскольку в некоторых ступенях аблauta корневой гласный не соответствует нормам: например, вторая ступень аблauta этого глагола в поэме выглядит как «*sōm*», в то время как по правилам чередования по аблautу в 4 классе сильных глаголов в корне должен быть гласный а [3].

В приведенном выше предложении глагол «*cuman*» представлен в форме причастия прошедшего времени и является частью составного именного сказуемого «*wæs...cumen*». Сочетание глагола *beon* и причастия II от непереходного глагола, каким и является анализируемый глагол, в древнеанглийский период передает завершенность действия [1]. Порядок слов в предложении обратный. Особенностью данного древнеанглийского предложения является то, что подлежащее «*sēo tīd*» стоит между двумя составными частями сказуемого, что свидетельствует о том, что в древнеаглийский период структура «to be + причастия II» еще не была аналитической формой, одним из признаков которой является контактное расположение членов этой структуры. Как видно из представленного в статье предложения, расположение «*wæs...cumen*» дистантное, а не контактное, что еще раз доказывает, что древнеаглийский язык является синтетическим, а не аналитическим.

Два глагола со значением движения встречаются в предложении «*wē willaþ mid þām sceattum ūs tō scype gangan /on flot fēran*» («we will with the coins to ourselves gang (=go), / onto sea fare») [5] – глаголы «*gangan*» (современный глагол «to go») и «*fēran*» (современный глагол «to fare»). Рассмотрим по очереди каждый из них.

Глагол «*gangan*» обозначает «идти, перемещаться, уходить» [4]; во многом он синонимичен глаголу «го», однако чаще всего встречается в северном диалекте. Он относится к 7 классу сильных глаголов, для которого изначально в германских языках была характерна редупликация. Она имеет остаточный характер в древнеанглийский период, и этот класс разрушается быстрее остальных [2].

Глагол «*fēran*» имеет семантику «уезжать, отправляться в путешествие» [4]. Глагол «*fēran*» является слабым глаголом 1 класса. Особенности этих глаголов были рассмотрены ранее. Известно, что большинство слабы

глаголов развились в современные правильные глаголы: именно таким является глагол «to fare».

В данном предложении рассматриваемые глаголы стоят в одинаковой форме (инфinitиве), являются однородными членами и частью составного сказуемого («will aþ...gangan...fēran»). В древнеанглийском языке не существовало форм будущего времени: оно передавалось формами настоящего времени или конструкциями, состоящими из претерито-презентных глаголов с инфинитивом. Именно такая конструкция представлена в рассматриваемом предложении. Предложение характеризуется прямым порядком слов. Следует подчеркнуть особенность синтаксиса древнеанглийского языка, проявляющуюся в данном предложении в том, что между частями сказуемого стоят второстепенные члены предложения. Это свидетельствует о характерном для англосаксонского синтаксиса дистантном расположении компонентов конструкций, которые к новоанглийскому периоду стали аналитическими, а в древнеанглийский период были синтетическими [1].

Глагол движения «flēon» (современный глагол «to flee») в предложении «Ic þæt gehāte þæt ic heanon nelle / flēon fōtes trym» («I that vow that I hence will not flee the length of one foot») [5] имеет значение «покидать место, убегая, из-за опасности или страха» [4]. В предложении глагол «flēon» является частью составного сказуемого «nelle flēon» и стоит в форме инфинитива. В древнеанглийском языке таким образом передается будущее время.

Глагол «flēon» – это сильный глагол второго класса, который характеризуются осложнителем *i*. Этот глагол также показывает, что постепенно идет распад классов сильных глаголов, поскольку не все степени аблauta соответствуют грамматической норме того времени. В 3 форме аблauta «flugon» стоит гласный *i*, что соответствует стандартному образованию степеней аблauta сильных глаголов второго класса, в то время как в четвертой степени аблauta «flogen» стоит гласный *o* вместо *i* [3].

Таким образом можно сделать вывод, что глаголы движения в древнеанглийской поэме «The Battle of Maldon» имеют большое значение и представлены разнообразными лексемами. Морфологический и синтаксический анализ этих глаголов показал ряд особенностей их употребления в англосаксонских текстах и специфику древнеанглийского языка, как с точки зрения морфологии, так и синтаксиса, его отличия от современного английского языка.

Библиографический список

1. Аракин В.Д. История английского языка / В.Д. Аракин. – М.: Физматлит, 2003. – 272 с.
2. Смирницкий А.И. Лекции по истории английского языка / А.И. Смирницкий. – Москва: Studia Academica, 2021. – 236 с.

3. Смирницкий А.И. Хрестоматия по истории английского языка с VII по XVII в. с грамматическими таблицами и историко-этимологическим словарем: учеб. пособие для студ. филол. и лингв. фак, высш. учеб. заведений / А. И. Смирницкий [испр. и доп. О. А. Смирницкой]. – 5-е изд., испр. и доп. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 304 с.

4. Oxford English Dictionary [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oed.com> (Дата обращения: 11.02.2025).

5. The Battle of Maldon [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.oldenglishaerobics.net/maldon.php> (Дата обращения: 11.02.2025).

E.A. Nilsen,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, janenilsen@mail.ru

M. I. Chichenina,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, m.chichenina@bk.ru

Verbs of Movement Representation Peculiarities in Anglo-Saxon Poetry

The article examines the verbs of movement in the Anglo-Saxon poem «The Battle of Maldon» and analyses them in terms of morphology and syntax. It is established that strong verbs prevail among the verbs of movement in the analyzed text.

Keywords: verbs of movement, Anglo-Saxon poetry, «The Battle of Maldon»

УДК 811.111

М.В. Семенихина,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет
Санкт-Петербург, Россия euphemia@mail.ru

Образ памяти в стихотворном цикле Ф.Г. Томпсона «Love in Dian's Lap»

В статье рассматриваются метафорические модели, относящиеся к образу памяти, в раннем стихотворном цикле Ф.Г. Томпсона «Love in Dian's Lap», их взаимосвязь и место в общей парадигме образов цикла, а также их функционирование в тексте и отражение в них эстетических принципов автора.

Ключевые слова: викторианская литература, католическая поэзия, метафора, метафорическая модель, Ф.Г. Томпсон

В творчестве английского поэта-католика Ф.Г. Томпсона одно из заметных мест занимает тема любви, как божественной, так и человеческой. При этом, как отмечает П. Даншен, любовная лирика Томпсона достаточно нетипична, она посвящена духовной и мистической стороне любви,

и название цикла «Love in Dian's Lap» (Любовь в руках у Дианы) подчеркивает платонический характер описываемого чувства (Диана – девственная богиня, чуждая физической страсти) [2]. Цикл посвящен покровительнице поэта, писательнице, художнице и общественной деятельнице Элис Мэннелл (1847–1922), однако в нем автор сознательно абстрагирует и идеализирует героиню – настолько, что, по замечанию современника, ее образ выглядит «слишком ангельским даже для ангела» (цит. по [1, с. 11]). Вместе с тем такая идеализация – сознательный прием: автор стремится запечатлеть не физический облик, а душу героини, а для этого не годится повседневный язык – «*brutish jargon, ... strong but to damn, not memorise, a spirit*» [3, p. 25]. Таким образом, одна из основных целей автора – именно «*to memorise a spirit*», сохранить духовный образ героини в памяти.

Модели, касающиеся памяти и сохранения в памяти, представлены в основном в стихотворении «Before Her Portrait in Youth». Система образов данного стихотворения строится на противопоставлении планов настоящего и прошлого, однако настоящее представлено неодушевленным предметом (портретом героини в юности, который хранится у лирического героя), а прошлое, память о котором восстанавливает герой – картинами живой природы и духовной жизнью героини. Так же и память отождествляется в стихотворении с 1) неодушевленным предметом, 2) живой природой и 3) невещественными явлениями (стихиями, ощущениями, экзистенциальными понятиями).

1. Модель MEMORY IS ARTIFACT (память – это артефакт), представленная и в других стихотворениях цикла, здесь эксплицирована в виде варианта MEMORY IS VESTURE (память – это одежда): образ, запечатленный на портрете, отождествляется со сброшенной одеждой, которая одновременно и изношенная, – «*outworn vesture, tenantless of thee*» – и прекрасная – «*semblance fair Of the past Her Who once the beautiful, discarded raiment bare*» [3, p. 10]. Вместе с тем стихотворение начинается с зеркально противоположной модели (VESTURE IS MEMORY). Портрет, по которому герой старается представить его живую модель, сравнивается с предметом одежды (косынкой или перчаткой), по которому влюбленный воспроизводит в памяти облик хозяйки этого предмета («*at the lover's beck Into the glove there fleets the hand*») [3, p. 10]. Сам центральный образ стихотворения, вынесенный в его заглавие, может пониматься как имплицированная модель MEMORY IS ARTIFACT в виде варианта MEMORY IS WORK OF ART (память – это произведение искусства); эту же модель можно видеть в словосочетании «*cast youth*» [3, p. 10] – «слепок юности», которым лирический герой называет портрет (хотя это выражение можно трактовать и как «сброшенная юность», модель MEMORY IS VESTURE).

2. Модель MEMORY IS FLOWER (BLOSSOM) (память – это цветок) – единственная, в которой задействован объект живой природы. Герой хранит память о прошлом героини, как оброненный ею некогда цветок: «*This drooping flower of youth thou lettest fall I... stoop, and gather for memorial, And lay it on my bosom, and make it mine*» [3, p. 10]. При этом данная модель присутствует и в других стихотворениях Томпсона (например, «The Poppy»).

3. Модель MEMORY IS ODOUR (память – это запах) связана с моделью MEMORY IS FLOWER – память об ушедшей юности героини отождествляется автором с запахом облетевших цветов, который переносится ветром: «*dropping down the years from hour to hour, This dead youth's scent is wafted me to-day*» [3, p. 10]. Можно, вероятно, говорить и о представленной в этом же стихотворении модели MEMORY IS WIND (память – это ветер): как ветер доносит до лирического героя аромат уже не существующих цветов, так же и память доносит до героя то, что утрачено навсегда. С вечной утратой связана модель MEMORY IS DEATH (память – это смерть), тоже ассоциирующаяся с моделью MEMORY IS FLOWER: цветок-память – сорванный, поникший (drooping), и этот образ появляется в контексте отсылки к мифу о похищении Прозерпины богом смерти Плутоном; его аромат – это аромат «мертвой юности» («dead youth's scent»), «дыхание смерти цветов» («breath Of blossoms' death») [3, p. 10]. Пытаясь воскресить память о прошлом, герой «протягивает руку мертвым, которые не встанут и на Страшном Суде»: «*I reach back through the days A trothed hand to the dead the last trump shall not raise*» [3, p. 11] – нематериальные воспоминания можно восстановить только силой мысли и творчества; образом смерти кончается и само стихотворение – глаза изображенной на портрете героини затягивают героя в свою глубину, как русалка (water-wraith) затягивает пловцов в омут.

Модель MEMORY IS ARTIFACT, ассоциированную с моделью MEMORY IS DEATH, можно видеть и в стихотворении «*Manus Animam Pinxit*» (лат. «Рука изобразила душу»), заглавие которого отражает ключевую художественную идею цикла. Лирический герой, обращаясь к героине, вдохновляющей его и дающей ему творческие силы, как летнее небо влечет к себе ласточек, опасается, что если этот источник вдохновения иссякнет из-за ее неблагосклонности, то погибнет и его поэтический дар, обратившись в ничтожество, « пятно на памяти», «дохлую муху» в заброшенных закоулках души героини: «*A speck upon your memory, alack! A dead fly in a dusty window-crack*» [3, p. 16]. Здесь нет прямого отождествления памяти с конкретным предметом (кроме подразумеваемой поверхности, на которой может появиться пятно), но упоминание оконной щели (window-crack) может указывать на вариант MEMORY IS GLASS (память – это стекло) или

MEMORY IS WINDOW (память – это окно), то есть нечто гладкое и прозрачное, на чем можно оставлять следы; а так как окно «пыльное», это подразумевает забвение, которое для героя подобно смерти.

Итак, образ памяти в цикле «Love in Dian's Lap» ассоциируется, с одной стороны, с мимолетностью, нематериальностью, хрупкостью,увяданием, смертью, с другой – с искусством, творчеством, воображением, которое способно преодолеть смерть и вернуть то, что кажется необратимым.

Библиографический список

1. Казакова О.В. Поэтика Фрэнсиса Томпсона: Дисс. на соиск... канд. филол. наук / О.В. Казакова. – М., 2003. – 122 с.
2. Danchin P. Love, human and divine, in the poetry of Francis Thompson / P. Danchin [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.persee.fr/doc/calib_0575-2124_1987_num_24_1_1199 (Дата обращения: 07.03.2025).
3. Thompson F.H. The Collected Poetry of Francis Thompson / F.H. Thompson. – London: Hidder & Stoughton, 1913. – 414 p.

M.V. Semenikhina,
St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, euphemia@mail.ru

Image of Memory in the Sequence of Poems *Love in Dian's Lap* by F.H. Thompson

The article deals with the metaphorical models concerning the image of memory in F.H. Thompson's early sequence of poems "Love in Dian's Lap", their place in the general paradigm of images in the sequence, as well as their functions in the text and depicting the author's esthetical principles in them.

Keywords: Victorian literature, Catholic poetry, metaphor, metaphoric model, F.H. Thompson

УДК 821.133.1

С.Л. Фокин,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, serge.fokine@yandex.ru

Декаданс в Европе: методологическое введение

В статье ставится проблема исследования кризиса идеи Европы в трудах и дни ряда немецких мыслителей. В работе устанавливается, что отношении к истории Европы у Беньямина и Хайдеггера обусловлено, с одной стороны, вниманием к творчеству Гельдерлина, с другой – науками о духе, как они преподавались Г. Риккертом.

Ключевые слова: декаданс, Европа, Гельдерлин, Риккерт, Беньямин, Хайдеггер

В центре этого небольшого исследования – идея кризиса Европы в трудах трех немецких мыслителей, связанных довольно противоречивыми интеллектуальными узами: Ф. Гельдерлин, В. Беньямин, М. Хайдеггер. Метод рассуждения, принятый в нашей работе, близок к тому, что И. П. Смирнов назвал «психоисторией» [1], где культурно-историческое, логическое и психическое составляют единую семантическую конфигурацию, подлежащую детальной разборке и последующей пересборке, что сближает наш метод с деконструкцией, как ее мыслил Ж. Деррида. Вместе с тем, не исключено, что понятие «психобиографии идеи» в большей мере передает характер тех путей, которые здесь выбраны для представления преломлений идеи Европы в творчестве Гельдерлина, Хайдеггера и Беньямина. В отличие от классической трактовки «психобиографии», нацеленной на выявление «бессознательной личности» автора [5], «психобиография идеи» направлена на историко-биографические моменты формирования абстрактно-концептуальной конструкции. Подобно «психоистории» или «деконструкции», «психобиография идеи» подразумевает, что абстрактно-концептуальное – в нашем случае «идея Европы» – непредставимо без исторического – для нас это полтора века интеллектуальной и политической истории Германии (1789-1945) – которое, наконец, тесно сплетается с биографическим. При этом речь идет о не столько о поиске объединяющих принципов, сколько о постижении генеративного конфликта, которому всякая идея обязана жизнью.

Творческие маршруты Беньямина и Хайдеггера впервые пересеклись в ходе летнего семестра 1913 года во Фрайбургском университете, где оба записались на курсы Генриха Риккерта (1863-1936), одного из основоположников баденской школы неокантианства и философии ценностей [4]. Таким образом, одним из источников идеи Европы, как она будет формироваться в трудах двух мыслителей, стали лекции Риккерта, о которых оба отзывались в до странности схожих словах. Это университетское схождение интеллектуальных маршрутов не должно скрывать резко контрастных черт двух творческих индивидуальностей.

С одной стороны, *радикально народный философ* – сын пономаря, появившийся на свет в глухой немецкой глубинке, взращенный в католической культуре, Хайдеггер воспринимал философию как орудие интеллектуальной революции: революции сначала индивидуальной, в силу которой он оторвался от католицизма, вместе с тем революции национальной, призванной вернуть немецкому народу истинное вот-бытие в истории. Философ в такой конфигурации представлял истинным народным вождем, иначе говоря, фюрер-философом революционного становления немецкого народа. С другой стороны, *радикально свободный мыслитель* – сын берлинского ассимилированного еврея-антиквара, не обремененный ни материальными заботами, ни религиозными установлениями, ни академическими

принципами, Беньямин культивировал философию как вид критики настоящего сквозь призму прошедшего. В этой конфигурации философ являлся своего рода *лесорубом истории*, выступающим «с отточенным топором разума» против леса исторических заблуждений.

При этом, если Хайдеггер в 1915 году защитил под руководством Риккерта габилитационную работу «Учение Дунса Скота о категориях и значении», которая открыла для него двери к университетской карьере и которая, будучи опубликованной в следующем году, была посвящена Генриху Риккерту «с благодарнейшим почитанием», то Беньямин с самого начала знакомства с доктриной именитого профессора, старался сохранять критическую дистанцию в отношении философии, которая показалась ему чрезмерно модной. Ревность Беньямина к успешной университетской карьере Хайдеггера подогревалась тем, что публикация книги «Учение Дунса Скота о категориях и значении» заставила его изменить тему собственной габилитационной работы, которую он также собирался посвятить Скоту и схоластике. Разумеется, в последующих интеллектуальных маршрутах оба мыслителя будут старательно дистанцироваться от Риккерта, важно тем не менее, что оба перенимают от него устремленность мыслить историю так, как она мыслится науками о духе, в противоположность наукам о природе. Вместе с тем, осознание «идеографического» своеобразия истории как науки открывает перед двумя мыслителями перспективу постижения «фактичности» индивидуального. Более того, следует думать, что сама идея модерной философии, то есть философии, обращенной не только к классической традиции, но и к настоящему времени, формировалась в сознании Беньямина и Хайдеггера в живом соприкосновении с мыслью Риккерта, к тому же открывшем для обоих возможности некатолического философствования. Не менее важно и то, что в этом внимании к настоящему времени оба обратили свои взоры вспять – к Гельдерlinу, видя в нем истинного «поэта поэтов», который поэтому принадлежит не столько литературе, не столько поэзии, романтизму или классицизму, сколько речи самого бытия, толковать которую призвана философия. Как это ни парадоксально, но оба философа пришли к аналогичному пониманию взаимности поэта и народа: если Хайдеггер утверждал, что автор гимна «Германия» является поэтом, который «... должен эту речь не уклоняясь выдержать, уловить и поместить в вот-бытие народа» [2], то Беньямин выражал эту идею еще более категоричным образом: «...Поэт, и вместе с ним народ, из которого он поет, полностью переносятся в сферу пения, и конечным результатом вновь является ровное единство между народом и его певцом (в поэтической судьбе)» [3, 110]. Схождение это не было ни случайным, ни поверхностным, ибо было обусловлено повышенным вниманием к роли языка в историческом, политическом и религиозном существовании человека.

Библиографический список

1. Смирнов И. П. Психодиахронологика. Психоистория русской литературы от романтизма до наших дней / И. П. Смирнов. – Москва: Новое литературное обозрение, 1994. – 351 с.
2. Хайдеггер М. Гимны Гельдерлина «Германия» и «Рейн»/Пер. с нем. Д. В. Смирнова // VOX. Философский журнал [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vox-journal.org/html/issues/vox2/23> (Дата обращения: 13.02.2025).
3. Benjamin W. Deux poèmes de Friedrich Hölderlin // Benjamin W. Œuvres. I. Paris : Gallimard, 2000. – P. 91-124.
4. Fenves P. Vollendung: de Heinrich Rickert à Benjamin-Heidegger / P. Fenves // Benjamin. Cahier de l'Herne. № 104/Dir. de P. Lavelle. P. 365-372.
5. Fernandez D. Introduction à la psychobiographie / D. Fernandez // Nouvelle Revue de psychanalyse, № 1. – Paris: Gallimard, 1970. – P. 33-48.

S.L. Fokin,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, serge.fokine@yandex.ru

Decadence in Europe: A Methodological Introduction

The article raises the problem of studying the crisis of the idea of Europe in the works and day of German thinkers. The paper establishes that Benjamin and Heidegger's attitude to the history of Europe is due, on the one hand, to their attention to Hölderlin's work, and, on the other, to the sciences of the spirit, as taught by H. Rickert.

Keywords: decadence, Europe, Holderlin, Rickert, Benjamin, Heidegger

УДК 821.133.1

С.Л. Фокин,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, serge.fokine@yandex.ru

Е.С. Пименова,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, pimika14@gmail.com

История одного лодочника: психопоэтика новеллы «На воде» Ги де Мопассана

В статье проводится анализ лексических и структурных особенностей новеллы Ги де Мопассана «На воде» с целью выявления способов передачи внутреннего мира героя. В работе выделяются отдельные элементы стиля Мопассана и его способность передавать человеческие эмоции.

Ключевые слова: психопоэтика, внутренний человек, Ги де Мопассан, «На воде», композиционный анализ

Для творчества Ги де Мопассана характерно глубокое изображение психологических состояний человека: автор подробно изображал персонажей, заостряя свое внимание на их переживаниях и чувствах. Этим и объясняется выбор методологии настоящей статьи – психопоэтики.

За основу было взято определение понятие «психопоэтика», предложенное Е.Г. Эткиндом [3, с.12], что подразумевало, с одной стороны, проведение композиционного анализа структуры текста, оставляющей свой отпечаток на понимании текста реципиентом, с другой стороны, уделение особого внимания в сторону психологизма и приемов, которыми пользуется автор при его отображении в литературном произведении.

Выбранная автором структура делает историю правдоподобной и в это же время позволяет читателю видеть все произошедшее глазами лодочника, который не только делится своими зрительными наблюдениями, но и добавляет в повествование личные переживания, чувства, тем самым, читатель видит «внутреннего человека».

В новелле цитируется отрывок из поэмы Виктора Гюго «OcéanoNox», что коррелирует с доминантным мотивом в произведении, а именно страхом: это интертекстуальное предвосхищение истории лодочника.

После описания отношения к реке лодочник переходит к рассказу о своем приключении: поздним вечером герой возвращается по реке домой после ужина у своего друга Луи Берне. Восхищенный беззвучностью природы, герой впоследствии столкнется с чувством страха, возникающего по причине неожиданных звуков, а их повторяемость заставляет лодочника стать более чутким.

После тщетной попытки поднять якорь герой вначале злится, потом приходит в уныние, а затем смиряется со своим безвыходным положением, смеясь над ситуацией. Это сделает обстановку менее накаленной, но затем страх, будучи доминантным мотивом, вновь охватывает лодочника.

Эмоции описываются яркими лексическими средствами, используются глаголы и существительные с ярко выраженными значениями или оттенками значения страха и нервозности (например, «нервное возбуждение», «сильный страх»). Страх становится постоянным состоянием героя, что приводит к возникновению визуальных галлюцинаций.

Другая причина возникновения галлюцинаций – это густой белый туман, который, как может показаться, лишает героя надежды на спасение. Лодочник начинает видеть галлюцинации: ему кажется, что кто-то тянет его в глубину и что река полна странных существ. Его сердце колотится, он задыхается и дрожит от страха. Мопассан использует лексему «une épouvante» («Grande et soudaine peur, causée par quelque chose d'imprévu» – рус. «ужас», «страх») со значением «бояться чего-то неожиданного, необычного и вместе с тем представляющего опасность». Лексема подчерки-

вает, что персонаж находится в состоянии пугающего ожидания из-за возникших визуальных галлюцинаций.

Постепенно эмоция, доминирующая в повествовании, достигает пика: страх превращается в ужас. Автор использует лексему «*une terreur*», означающую «парализующий страх», что отражает состояние лодочника: он замирает, боясь издать звук, полагая, что это может угрожать его жизни. Используя условное наклонение в повествовании, лодочник словно со стороны оценивает свое поведение в тот вечер, когда ему, действительно, было страшно пошевелиться, а сейчас, во время пересказа приключившейся истории, он понимает, что это все ему мерещилось.

Наконец, как только рассеялся туман, проснулись лягушки и жабы, лодочник перестал бояться, а уже в конце произведения ему на помощь пришел рыбак.

Мопассан мастерски подбирает лексические единицы для раскрытия психологических трансформаций персонажа: используется прием градации, показывающий рост тревожности. Именно тишина, темнота и одиночество усиливают страх героя. Это приводит к возникновению галлюцинаций, стирающих границы между реальным и кажущимся мирами.

Новелла не имеет кольцевой структуры; отсутствуют реакции рассказчика и лодочника на неожиданную развязку. Такой финал характерен для творчества Мопассана, французский литературовед Пьер Глод связывает это с идеями Шопенгауэра, говоря, что «...отчаяние и смерть скрываются, когда завеса иллюзии приподнимается. Так как открытие, которое следует, всегда ужасное» [4, р. 156-157]. Мопассан показывает настоящую причину застrevания лодки посреди реки, открывая ужасную истину, которая окончательно возвращает героя из мира иллюзий в реальность.

Подводя итоги, подчеркнем, что автор, передавая смену психологических состояний персонажа, особое внимание уделяет выбору лексических единиц, благодаря чему у читателя появляется возможность глубже познать «внутреннего человека». Структура играет важную роль при раскрытии психологизма: это определяет позицию, с которой реципиент воспринимает произведение. Метод психопоэтики с разбиением текста на психологические фреймы [1, 2] позволяет увидеть переход героя из одного эмоционального состояния в другое, что дает возможность рассмотрения понятия психологизма в континууме.

Библиографический список

1. Леонтьев А. А. Основы психолингвистики / А. А. Леонтьев // – 3-е изд. – М.: Смысл, 1997–287 с.
2. Пищальникова В.А. Современная психопоэтика: методологические основы и задачи исследования / В.А. Пищальникова // Языковое бытие человека и этноса. – 2009. – № 15. – С. 125-130.

3. Эткинд Е.Г. «Внутренний человек» и внешняя речь. Очерки психопоэтики русской литературы XVIII-XIX вв. / Е. Г. Эткинд // – М.: Школа "Языки русской культуры", 1998 – 448 с.
4. Glaudes P. Maupassant et le nihilisme / P. Glaudes // Nihilismes?. – Bordeaux: Presses Universitaires de Bordeaux, 2012. С. 155-176.
5. Maupassant G. de Sur l'eau [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://maupassant.free.fr/textes/surleau2.html> (Дата обращения: 13.02.2025).

S.L. Fokin,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, serge.fokine@yandex.ru

E.S. Pimenova,

St. Petersburg State University,
St. Petersburg, Russia, pimika14@gmail.com

The Story of a Boatman: The Psychopoetics of Guy de Maupassant's Short Story "On the River"

The article analyzes the lexical and structural features of Guy de Maupassant's short story "On the River" in order to identify ways of conveying the character's inner world. The article emphasizes the uniqueness of Maupassant's style and his ability to convey human emotions.

Keywords: psychopoetics, internal man, Guy de Maupassant, On the River, compositional analysis

УДК 821.111

Хэ Цзяфу,

Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург, Россия, jiafu429@gmail.com

Образ идеальной женщины в творчестве Ч. Диккенса (на примере романа «Крошка Доррит»)

Данная статья представляет актуальную проблему – особенности представления женских персонажей в оригинальных творениях Ч. Диккенса. В качестве примера был взят роман «Крошка Доррит», где представлены яркие образы Эми и ее сестры, Фанни.

Ключевые слова: идеальная женщина, главные и второстепенные персонажи, роман «Крошка Доррит», творчество Ч. Диккенса, Лондон

Произведение «Крошка Доррит» представляет собой сатиру на некомпетентность правительства того времени и лицемерие викторианского общества. Большая часть авторской критики сосредоточена на тюрьмах – ме-

стах, где люди содержались в заключении, пока не выплатят свои долги. Во многих случаях им либо приходилось проводить там десятилетия, пока их не амнистируют в контексте осознания, что они неплатежеспособны, либо они умирали там. В нее также вошли социальные проблемы, актуальные для текущего времени: индустриализация, необходимость обеспечения безопасности рабочих, некомпетентная бюрократия британской администрации, неспособность общества признать индивидуальные таланты, социальное неравенство.

Действие романа «Крошка Доррит» происходит на мрачных улицах Лондона, где каждый житель в той или иной степени страдает от меланхолических чувств. На их фоне выделяется личность главной героини, Эми Доррит, которая ассоциируется с яркими лучами солнечного света, проникающими в темную комнату.

Черта характера Эми, которая сразу бросается на глаза читателю при знакомстве с книгой – *независимость*. Считается, что младшие дети находятся под опекой старших, капризы, несамостоятельны, в случае рассматриваемого персонажа это не так. Сталкиваясь с разнообразными жизненными трудностями, она вынуждена быть независимой и заботиться обо всех членах семьи. Это позволяет ей развить *чувствительность к чужому горю*, чему способствует жизненный опыт, полученный в тюрьме, где каждый лишен материальных излишков, и остается лишь наедине с духовным. Героиня относится к миру с некоторой наивностью, что ярко проявляется в ее взаимоотношениях с миссис Кленнем, которая причинила ей много зла (отказалась вернуть деньги, хотя муж разрешил сделать это, лгала), но в конце произведения решает извиниться перед ней. Эми прощает ее с легкостью, понимая основные мотивы, которые двигали матерью.

В то же время она выполняет *материнскую функцию* – шьет одежду, ищет учителя, чтобы тот обучил искусству танцев, но не ее, а ее сестру (ей удается сделать это на безвозмездной основе), использует свои связи с Бобом-надзирателем – тот является крестным отцом, который безуспешно пытается оставить ей небольшую сумму денег по завещанию, чтобы найти различные занятия для своего брата Типа, ленивого молодого человека, который бросает все начатые дела и в конце концов отправляется в Маршалси в качестве помощника шерифа. Она же успокаивает отца, когда тот жалуется на то, что другие люди смеются над ним. На ней же лежала необходимость материального обеспечения семьи.

Исходя из вышесказанного, персонаж получился таким детализированным, реальным, так как в его создании был задействован личный опыт автора. Когда тот был ребенком, то проживал в обеспеченной семье, которая часто устраивала банкеты и тратила деньги без каких-либо ограничений. В 12 лет отца Ч. Диккенса сажают в тюрьму за проблемы с долгами, и семья

поехала за ним. Самого писателя отправили в Лондон в качестве подмастерья, где он работал по десять часов в день. По данной причине он подчеркивает важность общественного труда.

Диккенс создает образы путем сравнения с другими персонажами, чтобы отразить тот или иной процесс развития. Например, Ролл, дочь тюремных охранников, проявляет свою симпатию к заключенным, так называемым «птицам», и можно увидеть, что дочь тюремщика на самом деле является маленькой проекцией Эми Доррит. Такое описание сцены показывает, что она похожа на женщин, рожденных из низшего сословия общества. Б.Д. Напцок и М.М. Меретукова добавляют мысль о том, что Диккенс трансформирует сказочный сюжет применительно к своим романам, он описывает судьбы и образы трех своих героинь, связывая с ними большинство сюжетных мотивов – мотив изведения слабого, решения трудных жизненных задач, воздаяния, мотив бала в полнолуние, идентификации; мотивы-образы – дочери-сироты, злой мачехи, доброй феи-крестной, мотивы-характеристики – девушки-замарашки и Золушки; мотивы-предметы: мотив хрустальной туфельки [3, с. 145].

Ей противопоставлена сестра, которую зовут Фанни. Ее профессия – танцовщица, и она часто пропадает по ночам, пытаясь заработать внимание других мужчин.

Другой женский образ, встречающийся на страницах романа – Мегги. В тексте неоднократно подчеркивается ее любовь к сидению у окна гостиной. Она лучшая подруга главной героини, которая принимает ее любой. Детальных описаний внешности в тексте не приводится, писатель делает основной акцент на ее умственной отсталости: несмотря на довольно значимый возраст (28 лет), она ведет себя как ребенок [1, с. 90].

В конце романа Эми и Артур выходят из тюрьмы и направляются в церковь на венчание. Кроме того, автор добавляет читателям несколько строк, чтобы они задумались о том, как бы они справились со своей жизнью после свадьбы. На самом деле, Эми вполне понятно, с чем ей придется столкнуться, но она достаточно спокойна, чтобы принять вызов, который показывает ее настоящий характер. Она не только добрая, но и невинная, как ребенок.

Подводя итоги, в романах Ч. Диккенса прослеживается тенденция к детальному изображению окружающей действительности, о чем неоднократно упоминали разные авторы, в том числе и М.Л. Купченко [2].

Библиографический список

1. Бячкова В.А. О парадоксе женских и детских образов в романах Ч. Диккенса: к постановке проблемы / В.А. Бячкова // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. – 2016. – №1. – С. 86-92.

2. Купченко М.Л. К вопросу о типологии романов Чарльза Диккенса и эволюции жанра романа в его творчестве / М.Л. Купченко // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2013. – №2. – С. 74-84.

3. Напцок Б.Д., Меретукова М. М. Мотивы сказки «золушка» Щ. Рерро в произведениях Ч. Диккенса / Б.Д. Напцок, М.М. Меретукова // Вестник Адыгейского государственного университета. – 2020. – №4. – С. 142-148.

He Jianfu,

St. Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia, jiafu429@gmail.com

**The image of the ideal woman in the work of Ch. Dickens
(using the novel "Little Dorrit" as an example)**

This article presents an urgent problem – the peculiarities of the representation of female characters in the original works of Charles Dickens. The novel "Little Dorrit" was taken as an example, which presents vivid images of Amy and her sister, Fanny.

Keywords: the ideal woman, main and secondary characters, the novel "Baby Dorrit", the work of Ch. Dickens, London

РАЗДЕЛ IV. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЛЕКСИКОЛОГИИ, ЛЕКСИКОГРАФИИ, ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ

УДК 81

С.К. Видишева,
Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, svevid68@gmail.com

Т.В. Ситникова,
Белорусский государственный университет,
Минск, Беларусь, sitnikova77@mail.ru

Влияние компьютерной терминологии на стратегию и тактику коммуникативного поведения

В статье рассматриваются некоторые аспекты терминологии в области компьютерных технологий, которая выполняет важную роль в процессе коммуникации и выступает важным инструментом для создания общего информационного пространства.

Ключевые слова: терминология, компьютерная терминология, интернационализация, термин, коммуникация

В современном мире выбор стратегии и тактики коммуникативного поведения напрямую связан с профессиональной деятельностью говорящего. Каждый вид имеет свою соответствующую специфику, характеризующуюся определенной терминологией, которая играет ключевую роль в достижении коммуникативной цели. В данном контексте терминология выступает не просто набором слов, но и важным инструментом для создания общего информационного пространства.

Учитывая стремительный прорыв в научно-технических науках, изучение терминосистем становится особенно актуальным. Одной из самых значимых в этом плане является терминология в области компьютерных технологий. Этот подъязык не только отражает последние научные достижения, но и влияет на общение специалистов в соответствующей среде, формируя новое представление о взаимоотношении и обмене информацией.

Понимание и грамотное использование терминологии компьютерных технологий выступает критически важным для эффективной коммуникации между разработчиками, инженерами, аналитиками и другими специалистами. Неточное или неправильное употребление терминологических единиц может привести к серьезным недоразумениям, ошибкам в работе и задержкам в реализации проектов. Более того, терминологическое поле в

области современных разработок постоянно развивается и обновляется, отражая технологические инновации, методы и подходы. Поэтому специалистам необходимо постоянно совершенствовать свои знания в этом направлении, чтобы оставаться в курсе последних тенденций и продуктивно общаться с коллегами. Грамотное владение терминологией демонстрирует профессионализм и компетентность говорящего, повышая его авторитет в глазах коллег и партнеров. В свою очередь, четкое и однозначное понимание всех терминологических определений способствует более действенному обмену знаниями, ускоряет процесс принятия решений и снижает риск ошибок. Таким образом, терминология в сфере информационных технологий представляет собой не просто набор специальных понятий, но и важный элемент профессионально-ориентированной культуры, обеспечивающий плодотворное общение и реализацию проектов. Исследования терминосистемы позволяют выявить закономерности терминологических формирований, их семантические особенности и структуру, что способствует более глубокому пониманию и функциональному внедрению данного подъязыка. Это, в свою очередь, может привести к созданию более совершенных инструментов для информационной обработки и автоматизации коммуникативных процессов.

Терминология в профессиональном общении становится интегрирующим фактором, обеспечивающим конструктивное информационное взаимодействие как на национальном, так и на международном уровнях. Формирование компьютерных терминов происходит по причине активного взаимодействия человека с компьютерными и информационными технологиями, где очевидно пересечение сферы национального языка с подъязыком этой терминологии [1, с. 653]. Лексика в профессиональной среде, помимо терминов, включает в себя нейтральные лексические единицы, которые также имеют свою функциональную специфику. Их оперирование в обиходе важно для точной передачи информации.

Сложность в определении того, что именно относится к терминологическим единицам, а что – к профессионализмам, объясняется тем, что многие слова могут функционировать как термины, но при этом иметь стилистическую окраску. Например, заимствованные англицизмы в специальной терминологии требуют анализа контекста, чтобы выявить их действительное значение. Здесь контекстное содержание будет играть ключевую роль в его понимании и поможет определить следующее:

- а) употребляется ли слово в своём обычном значении или в специальном,
- б) какое понятие из многозначности выбрать в конкретном случае.

Например, единицы «garbage» – ненужная информация, «deadly embrace» – туниковая ситуация в работе программы. Средства терминологической номинации в информатике неоднородны.

Для обозначения понятий в сфере компьютерных инноваций английский язык выступает первичным по отношению к другим языковым системам. Поэтому можно встретить много англицизмов в других языках, например, во французском *icône* соответствует англ. *icon*, *pirate* – пират, *bannière* – баннер, *blogue* – блог, *podcaster* – подкаст.

Процесс заимствования считается естественным этапом языковой эволюции и отражает аспекты международного культурного взаимодействия. Со временем многие заимствования могут менять свою семантику, а иногда даже расширять свои функции в принимающей языковой системе. Существенной особенностью лексической семантики иноязычных терминослов символизирует то, что в момент заимствования они, как правило, представляют собой моносемные единицы. В дальнейшем происходят различные трансформации. Изменение семантики наблюдаются на разных этапах функционирования определенного термина в принимающем языке. На первом этапе проявляется лексикосемантическая вариативность, где встречаются семантические дублеты: *монитор* – *дисплей*, синонимия старого и нового заимствований (часто однокоренных, причем новое представляет собой «усечение» более раннего): *демонстрационная версия* – *демоверсия* [2, с. 55].

Появление интернета и социальных сетей привело к формированию уникального цифрового подъязыка, наполненного аббревиатурами, сленговыми выражениями и мемами, и постоянно меняющегося, отражая последние тренды и события в онлайн-мире. При этом, понятия могут приобретать как положительную, так и отрицательную окраску в зависимости от контекста и восприятия обществом. Приведем некоторые примеры. Например, слово «пират» в виртуальном пространстве стало означать не только того, кто занимается незаконным копированием контента, но и более широкий спектр действий, связанных с нарушением авторских прав. Слово «тролль» в интернет-сленге означает человека, который провоцирует конфликты и оскорбляет других пользователей в онлайн-сообществах, часто скрываясь за анонимностью. Значение «тролля» расширилось от мифологического персонажа к обозначению определенного типа интернет-поведения. «Вирус» в компьютерной сфере обозначает вредоносную программу, которая заражает компьютеры и сети. Произошел перенос значения, основанный на аналогии между распространением биологической инфекции и программным обеспечением. Слово «облако» в метеорологии – это скопление водяных капель или кристалликов льда в атмосфере. А в ИТ «облако» обозначает сетевую инфраструктуру, предоставляющую доступ к вычислительным ресурсам и хранению данных через интернет. Произошло метафорическое переосмысление, символизирующее абстрактное и распределенное информационное хранилище.

Слово «спам» первоначально имело название дешевых консервов. Теперь это нежелательная массовая рассылка сообщений (обычно рекламного

характера). Такое понятие перешло на массовую рассылку из-за ассоциации с навязчивостью и низким качеством продукта.

Примеры демонстрируют, как язык может эволюционировать в ответ на новые социальные и культурные реалии. Эволюция терминов часто происходит под влиянием технологических изменений, которые создают новые пространства для коммуникации и сотрудничества.

Таким образом, возникает необходимость в гармонизации терминологии различных языков на понятийном уровне, что является основой для эффективности профориентированных коммуникативных умений. Однако следует принимать во внимание и то, что для передачи специальной информации совершенно необходима и нейтральная в стилистическом отношении лексика, имеющая свою функциональную специфику в рамках системы для профессионального общения.

Интернационализация языков для специальных целей, таких как компьютерные технологии, требует не только заимствования иностранных терминов, но и их адаптации к особенностям целевого языка. Адаптация иностранных терминов включает в себя не только транслитерацию и фонетическую подстройку, но и учет грамматических и синтаксических норм адаптирующей языковой системы. Например, необходимо правильно склонять заимствования, образовывать от них новые формы и встраивать их в существующую структуру предложений. Это требует глубокого осмысления исходных и принимающих лингвистических структур, чтобы сохранить начальное значение термина, не искажив его в процессе адаптации. Успешная интернационализация также предполагает разработку глоссариев и терминологических баз данных, доступных для специалистов в разных странах. Эти ресурсы должны регулярно обновляться и содержать не только определения терминов, но и контекстные примеры. Кроме того, важно понимать культурные особенности стран при локализации программного обеспечения и документации, чтобы избежать недоразумений и ошибок, и позволить экспертам легко и рационально обмениваться данными. Более того, такая интернационализация способствует созданию общих стандартов в профессиональной сфере, что значительно облегчает взаимодействие между специалистами из разных стран. Все это, в конечном итоге, направлено на создание универсального и понятного речевого инструмента, который будет способствовать качественному международному сотрудничеству и прогрессу в компьютерно-информационном пространстве.

Таким образом, терминология в области компьютерных технологий не только играет важную роль в процессе коммуникации, но и влияет на стратегию и тактику взаимодействия специалистов. В условиях глобализации и стремительного развития науки и техники, владение и оперирование специализированными терминами становятся необходимыми для успешного решения задач и обмена знаниями в глобализованном мире. Контекст, легкость адаптации англоязычных терминов и их интернационализация –

все это подчеркивает актуальность исследования терминосистем и их влияния на профессиональное сотрудничество. Процесс профессионального общения не может быть успешным без учёта этих факторов, что диктует дальнейшее исследование в данном направлении.

Библиографический список

1. Видищева С.К. Компьютерный сленгизм как специальный социолект / С.К. Видищева // Университетская наука: взгляд в будущее, посвященная 85-летию Курского государственного медицинского университета, 7 февраля 2020г. – Курск: КГМУ, 2020. – С. 653.
2. Видищева С.К. Компьютерные термины в системе русского языка [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://elib.bsu.by/bitstream/123456789/279994/1/54-57.pdf> (Дата обращения: февраль 2025).

S.K. Vidisheva,
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, svevid68@gmail.com
T.V. Sitnikova,
Belarusian State University,
Minsk, Belarus, sitnikova77@mail.ru

The influence of computer terminology on the strategy and tactics of communicative behavior

The article considers some aspects of terminology in the field of computer technologies, which plays an important role in the communication process and is an important tool for creating a common information space.

Key words: terminology, computer terminology, internationalization, term, communication

УДК 81'373.4

Е.А. Войлокова,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, elena.voilokova@mail.ru

Неологизмы английского языка как отражение современности

Статья исследует неологизмы английского языка как отражение ключевых тенденций современности. Автор демонстрирует, как новые слова фиксируют культурные, этические и политические сдвиги в современном мире.

Ключевые слова: неологизм, цифровизация, искусственный интеллект, коммуникация

Язык – это живой организм, который постоянно адаптируется к изменениям в обществе, технологиях и культуре. Одним из самых ярких проявлений этой динамики являются неологизмы, от греческого νέος – «новый» и λόγος – «слово». У лингвистов нет единого определения неологизма, но, с точки зрения автора, Виноградов В.В. дает наиболее полное определение неологизмов как «новых лексических образований, которые возникают в силу общественной необходимости для обозначения нового предмета или явления и сохраняют ощущение новизны для носителей языка...» [1]. Английский язык, как глобальное средство коммуникации, особенно активно порождает и питает неологизмы, становясь зеркалом современной эпохи. Рассмотрим, как новые слова отражают вызовы, ценности и трансформации XXI века.

Технологический прогресс и цифровизация. Цифровая революция и появление искусственного интеллекта стали главным двигателем языковых инноваций. Технологические прорывы привели к появлению терминов, которые когда-то были сферой научной фантастики. Такие термины, как cryptocurrency (криптовалюта), blockchain (децентрализованный цифровой реестр, лежащий в основе криптовалют), deepfake (поддельное видео), Internet of Things (предметы повседневного обихода, подключенные к Интернету), Machine Learning (машинное обучение), chatbot (программа имитирующая диалог с человеком), algorithmic bias (предвзятость алгоритмов), phising (кража данных), ransomware (вредоносное ПО для вымогательства) не только описывают технологии, но и поднимают вопросы этики, приватности и доверия в цифровую эпоху.

Социальные сети и новая коммуникация. Такие платформы, как TikTok, Twitter и Instagram изменили способы общения, породив не только новые формы контента (selfie, vlog – видеоблог, meme, story – кратковременный пост, но и поведенческие феномены: doomscrolling (навязчивое чтение негативных новостей), ghosting (исчезновение из переписки), humblebrag (скромное хвастовство), Breadcrumbs (флирт в онлайн-отношениях, который не приводит к дальнейшему развитию отношений). Для описания эмоций в социальных сетях зачастую используются акронимы: «FOMO» (Fear of Missing Out – страх упустить что-то), «YOLO» (You Only Live Once – живем только один раз). «lol» (laughing out loud – что-то очень смешное), «smh» (shaking my head – качание головой в знак одобрения). Такие термины отражают то, как виртуальная реальность влияет на психологию общения и социальные нормы.

Работа и образ жизни: новые приоритеты. Удаленная работа и цифровое кочевничество изменили профессиональный жаргон: telecommute (сочетание телекоммуникаций и поездок на работу), digital nomad (цифровой кочевник: люди, работающие удаленно во время путешествий), hush

trip (тайный переезд сотрудника на удаленке без уведомления работодателя). Экономическая нестабильность и непредсказуемость вызывает у людей сомнения в возможности накопить на безбедную старость, что заставляет людей менять приоритеты, смешая фокус на жизнь «здесь и сейчас». Следующие термины иллюстрируют то, как люди переосмысливают свое существование в изменяющемся мире. *Soft life* (философия жизни в стиле «расслабься и получай удовольствие») и *soft saving* (ситуация, когда человек тратит почти весь свой доход, откладывая лишь малую часть), *guppie* (*given up on property* – человек, отчаявшийся приобрести собственное жилье). Эти неологизмы показывают пессимистичный настрой молодых людей по отношению к будущему.

Социальные движения, экология и устойчивое развитие. Современные дискуссии о равенстве и правах человека формируют новый словарь, фиксирующий поведенческие «паттерны» и установки по отношению к тому или иному явлению. Борьба с дискриминациями и стремление к инклюзивности, порой далеко выходящие за рамки разумного, порождают новые слова: *woke* (осознающий социальную несправедливость), *misgendering* (намеренное или случайное использование неправильных местоимений по отношению к человеку), *folx* написание слова «*folks*» с буквой «х» для подчеркивания включения ЛГБТК+ и маргинализованных групп, *survivor-centered justice* (подход к борьбе с насилием, где приоритет отдается голосам жертв, а не системе наказания). Такие глобальные вызовы как изменение климата ежегодно пополняют словарь неологизмов, среди которых: *greenwashing* (стратегия компаний, которые не афишируют свои экологические инициативы из страха обвинений в гринвашинге (*greenwashing*)), *climate quitter* (человек, увольняющийся с работы из-за несогласия с экологической политикой компании), *ultraprocessed planet* (ироничный термин, описывающий мир, захваченный сверхобработанными продуктами, материалами и цифровым контентом).

Политика. Современные политические неологизмы в английском языке отражают глобальные вызовы, трансформацию власти и новые формы идеологической борьбы. Эти термины часто возникают как реакция на актуальные события, технологии и социальные движения. Вот ключевые примеры: *cancel culture* (культура отмены), *poverty porn* (эксплуатация образа бедности в СМИ и политике для манипуляции эмоциями), *whataboutism* (манипулятивная риторика: ответ на критику через «А у вас тоже...»), *deep state* (глубинное государство). Эти термины стали инструментами как пропаганды, так и критики власти.

В данной статье сделана попытка показать наиболее значимые явления, происходящие в современном мире, нашедшие отражение в неологизмах, список которых можно продолжать бесконечно.

Неологизмы в английском языке – это не просто новые слова, а слепок эпохи. Они фиксируют технологические прорывы, социальные конфликты, культурные тренды и даже коллективные страхи. Многие из них исчезнут, как исчезли «дискеты» и «телеграммы», но некоторые станут частью словарей, как когда-то «гаджет» или «интернет». Как отмечал лингвист Дэвид Кристал: «Язык меняется не потому, что портится, а потому, что меняемся мы» [2]. Изучая неологизмы, мы изучаем самих себя – тревожных, ироничных, креативных и вечно ищущих слова для описания нового мира.

Библиографический список

1. Виноградов В.В. Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии / В.В. Виноградов // Исследования по русской грамматике. – М., Наука, 1975. – 371 с.
2. Crystal D. The Stories of English / D. Crystal. – Penguin, 2005. – 241с.

E.A. Voilokova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, elena.voilokova@mail.ru

English neologisms as a mirror of modernity

The article explores the neologisms of the English language as a reflection of key modern trends. The author demonstrates how new words capture cultural, ethical, and political shifts in the modern world.

Keywords: neologism, digitalization, artificial intelligence, communication

УДК: 81-13

В.В. Лузянин,

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, pflaume.15.2022@gmail.com

И.А. Котюрова,

Петрозаводский государственный университет,
Петрозаводск, Россия, koturova@petrsu.ru

Диффузность значений многозначных слов на примере английских словарей

Настоящее исследование нацелено на выявление роли семантической диффузности в структуре словарной статьи полисемантического слова. В результате сопоставительного анализа английских лексикографических источников делается вывод,

что диффузность является ключевым фактором несоответствий количества и объема выделяемых значений в разных словарях.

Ключевые слова: семантическая диффузность, словарная статья, филиация значений, полисемант, английский язык

Современная лингвистика нацелена на систематизацию языковых систем, основанную на научном принципе объективности. Однако в разделе семантики избежать субъективности, вероятно, не представляется возможным. В первую очередь, это обусловлено многообразием противоречивых подходов к рассмотрению понятия “значение слова”, а во вторую, тем фактом, что любая детерминация зависит от чувственного и интеллектуального опыта человека [1].

Неоднозначность семантики проявляется и в практической лингвистике, что становится очевидно на материале толковых словарей. Так, В. П. Берков утверждает, что субъективность неизбежна при филиации значений многозначных слов [2, с. 155]. Д. Н. Шмелев связывал невозможность точного отображения отдельных значений в лексикографическом виде с семантической диффузностью, явлением, при котором между отдельными значениями слова не наблюдается четкой, явной границы [3].

В настоящем исследовании была поставлена следующая гипотеза: семантическая диффузность – ключевой фактор субъективности при выделении отдельных значений полисемантов в словарях. Материалом исследования послужили 8 полисемантических лексем английского языка: sun, star, earth, water, storm, ground, stone и land.

На первом этапе исследования был проведен анализ словарных дефиниций из следующих источников: Cambridge Dictionary, Oxford Dictionary Learner’s Dictionary и Merriam-Webster. Анализ показал, что разные источники выделяют разное количество значений. Распределение количества значений (без учета подзначений) представлено в таблице 1.

Табл. 1. Количество выделяемых значений в английских словарях

	Sun	Star	Earth	Water	Storm	Stone	Ground	Land
Cambridge Dictionary	2	9	4	8	2	5	8	4
Oxford learner’s Dictionary	3	8	5	6	4	7	12	5
Merriam-Webster Online	5	5	7	8	7	5	7	5

Несовпадение количества выделяемых значений в словарях означает, что объем их содержания также отличается.

При анализе дефиниций явление семантической диффузности было обнаружено внутри словарных статей. Например, у слова *star* в словаре Merriam-Webster есть следующие метафорические значения “*something resembling a star*” и “*a conventional figure with five or more points that represents a star*”. Оба значения образованы на принципе сходства со звездой по внешнему виду, в определениях не прослеживаются дифференциальные семы, что указывает на невозможность провести границу в данном случае. Другой пример данного явления был замечен в словаре Oxford Learner’s Dictionary. Так, у двух выделяемых значений слова *ground*: “*an area of land that is used for a particular purpose, activity or sport*” и “*a large area of land or sea that is used for a particular purpose*” основной объем сем пересекается, на что указывают и приведенные в статье примеры. К первому определению приводится пример “*breeding ground*”, а ко второму “*feeding ground for birds*”. В данных примерах в самом слове “*ground*” не наблюдается дифференциальных сем, что свидетельствует о семантической диффузности данных значений.

В некоторых случаях к выделяемым значениям словари приводят неоднозначные примеры употребления, что также представляет ценность для данного исследования. Например, у лексемы *water* в словаре Cambridge Dictionary выделяются следующие значения: “*a clear liquid, without colour or taste, that falls from the sky as rain and is necessary for animal and plant life*” и “*an area of water, such as the sea, a lake, or a swimming pool*”. Ко второму определению приведен пример “*The water's warm – are you coming in?*”. При этом становится неясно, на что именно указывает говорящий: на водоем или на воду. Оба объекта становятся неотделимы друг от друга.

Похожим примером являются значения лексемы *ground* в словаре Oxford Dictionary “*the solid surface of the earth*” и “*soil on the surface of the earth*”, которые имеют разные денотаты: в первом случае это поверхность земли, а во втором земля как материал. Однако в предложении “*I found her lying on the ground*” может содержаться двусмысленность, при которой реализуются оба значения, то есть возникает неоднозначность, если необходимо отнести значение к первому или второму варианту.

Выявленные примеры диффузности внутри отдельных словарных статей экстраполируются на межсловарный уровень. Например, двум рассмотренным выше значениям слова *ground* в словаре Oxford Learner’s Dictionary соответствуют по одному значению в остальных словарях. А значению лексемы *star* “*something resembling a star*” в Merriam-Webster нет аналога в других словарях. Другим примером данного явления является выделяемое в словаре Cambridge Dictionary значение слова *storm* “*a very angry*

reaction from a lot of people”, которому соответствуют два значения в словаре Oxford Learner’s Dictionary и 3 (без учета подзначений) в Merriam-Webster. Расхождение в объеме выделяемых значений в лексикографических источниках вследствие семантической диффузности характерно для каждой из 8 лексем, представленных в исследовании.

В ходе данного исследования также была выявлена проблема неопределенности статуса выделяемых подзначений, которые используются в словаре Merriam-Webster. С одной стороны, тот факт, что подзначения собраны в группы, позволяет утверждать об их семантическом единстве, например, следующее значение лексемы stone:

something resembling a small stone: such as

- a: a concretion usually of mineral salts around organic material found especially in hollow organs or ducts
- b: the hard central portion of a drupaceous fruit (such as a peach)
- c: a hard stony seed (as of a date)

С другой стороны, при подобной системе неясны таксономические отношения данных элементов. Так, в случае лексемы star: “a natural luminous body visible in the sky especially at night” и “a self-luminous gaseous spheroidal celestial body of great mass which produces energy by means of nuclear fusion reactions” оба значения имеют один денотат, соответственно в остальных словарях этот объем значения являются недискретным. В остальных словарях выделяемые подзначения лексемы ground – “the surface of a planet” и “an area used for a particular purpose” – напротив, являются самостоятельными значениями. Данные наблюдения указывают на то, что семантическая диффузность обуславливает не только неоднородность границ, но и неоднородность таксономии выделяемых в разных словарях значений.

В результате анализа словарных дефиниций было выявлено несовпадение количества и объема содержания выделяемых значений полисемантов в разных толковых словарях английского языка, что является проявлением субъективности процесса филиации значений. Было также установлено, что выявленные расхождения обусловлены диффузностью, а именно количество выделяемых значений для конкретного объема сем отличается в разных лексикографических источниках. Таким образом, поставленная гипотеза является верной: семантическая диффузность – ключевой фактор субъективности при выделении отдельных значений полисемантов в словарях.

Библиографический список

1. Архипова, С. В. Проблема значения слова в лингвистике / С. В. Архипова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2013. – Т. 2, № 11. – С. 15-18.

2. Берков, В. П. Норвежская лексикология: учеб. пособие. / В. П. Берков. – Санкт-Петербург: Филологический факультет СПБГУ, 2011. – 192 с.
3. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – Москва: URSS, 2017. – 239 с.

V.V. Luzyanin,
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,
pflaume.15.2022@gmail.com
I.A. Kotyurova,
Petrozavodsk State University, Petrozavodsk, Russia,
koturova@petrsu.ru

Diffuseness of meanings of polysemantic words on the example of English dictionaries

This study aims to identify the role of semantic diffuseness in the structure of a dictionary entry for a polysemantic word. As a result of a comparative analysis of English dictionaries, it is concluded that the diffuseness of meanings identified in dictionary entry is a key factor in the discrepancies between the number and volume of distinguished meanings.

Keywords: semantic diffuseness, dictionary entry, differentiation of meanings, polysemantic, English

УДК 81'373

Н.М. Малеева,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, natstsch@rambler.ru
А.В. Васильева,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, alinva866@gmail.com

Особенности немецкоязычной косметологической терминологии

В статье рассматриваются особенности немецкой специальной лексики бьюти-сферы, описываются способы образования терминов, определяется их семантика. Проводится анализ значений терминов-сложных слов, а также терминологических словосочетаний с целью установления вида взаимодействия их компонентов.

Ключевые слова: бьюти-сфера, индустрия красоты, специальная лексика, термины, терминологические словосочетания

В условиях глобализации и активного роста рынка бьюти услуг словарный состав, обслуживающий эту сферу, постоянно пополняется новыми лексическими единицами, и в связи с этим задача его изучения сохраняет

свою актуальность. Терминология косметологической сферы включает в себя не только понятные широкой аудитории косметологические и медицинские термины, но и специализированные слова и выражения, характерные для индустрии красоты. Согласно классификации терминов, они относятся к узкоспециальным терминам. Как известно, важным признаком термина является его дефинированность, которая отражена, в частности, в следующем определении: термин – это «языковой знак (слово, словосочетание, сочетание слова или словосочетания с особыми символами), выражающий понятие определенной области знаний, который имеет дефиницию, на которую осознанно ориентируются его пользователи» [2, с. 243].

Анализ тематических сайтов, содержащих в том числе информацию на немецком языке [3], показал, что значительная часть лексики представляет собой либо сложные слова, либо сложносоставные выражения/ словосочетания, которые передают точные определения продуктов, медико-косметологических процедур или методов. Такие устойчивые комбинации слов, в которых один компонент уточняет значение другого, создавая специализированное понятие, называются, согласно В. М. Лейчику, терминологическими словосочетаниями [1].

Немецкие косметологические термины представляют собой сложные слова либо атрибутивные словосочетания, в которых компоненты взаимодействуют друг с другом, уточняя значение терминологического словосочетания.

Рассмотрим, как взаимодействуют компоненты сложных слов и словосочетаний. Во всех словах/ словосочетаниях содержится уточняющая характеристика продукта либо процедуры, при этом уточнение касается разных аспектов.

Слова, обозначающие косметические продукты, содержат информацию об их составе, например, *Hyaluronsäure* (гиалуроновая кислота), *Granatapfelenzyme* (энзимы с гранатовым экстрактом), *Kurkuma-Extrakt* (экстракт с куркумой), а также называют вид продукта и объект его воздействия, например, *Körperbutter* (масло для тела), *Körperbalsam* (бальзам для тела), *Augenkonturcreme* (крем вокруг глаз).

В ряде слов/ словосочетаний один компонент определяет тип, а другой – способ проведения процедуры, например, *Tiefenreinigung* (глубокая очистка), *Chemisches Peeling* (химический пилинг). В слове *Ultraschall-Lifting* (ультразвуковой лифтинг) английское заимствование *Lifting* обозначает метод проведения процедуры, а именно подтяжку кожи с использованием ультразвука, который способствует уплотнению тканей и улучшению тонуса кожи. Отметим, что использование английского слова *Lifting* в немецком и русском языках свидетельствует о международной унификации терминологии в косметологии. Помимо процедуры сложные слова могут содержать обозначение объекта воздействия, например: *Hautstraffung* (подтяжка кожи), *Laserhautabschleifung* (лазерная шлифовка кожи).

В других словосочетаниях первый компонент сложного слова либо прилагательное/ причастие в атрибутивном словосочетании содержит характеристику продукта или процедуры с точки зрения предназначения, эффекта применения, например, *Anti-Falten-Creme* (крем против морщин), *Feuchtigkeitscreme* (увлажняющий крем), *regenerierende Gesichtsmaske* (восстанавливающая маска для лица), *aufhellende Gesichtsmaske* (отбеливающая маска для лица), *nährende Körperbutter* (питательное масло для тела). В словосочетании *Feuchtigkeitsspendes Shampoo* (увлажняющий шампунь), в частности, сложное причастие *feuchtigkeitsspendes* представляет собой сочетание компонентов *Feuchtigkeit* (влага) и *spendendes* (дарующий), в котором первый уточняет способ действия шампуня. В словосочетаниях *revitalisierendes Gesichtsserum* (восстанавливающая сыворотка для лица) и *feuchtigkeitsspendende Hautpflege* (увлажняющий уход за кожей) объект воздействия продукта указан в определяющих компонентах сложных существительных.

Терминологические словосочетания могут дополняться оценочной лексикой, подчеркивающей эффективность продукта или процедуры для усиления их привлекательности для потребителей. Так, в выражении *luxuriöses erneuerndes Mizellenwasser* (роскошная восстанавливающая мицеллярная вода) благодаря использованию прилагательного *luxuriöses* создается ощущение высокого качества и ценности продукта.

Таким образом, специфика немецкой косметологической терминологии проявляется в распространенности сложных слов и атрибутивных словосочетаний, которые позволяют полно и точно передать специфику продукта или метода, что является важным как для производителей, так и для пользователей косметических средств.

Библиографический список

1. Лейчик В.М. Терминоведение: предмет, методы, структуры / В.М. Лейчик. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 256 с.
2. Шелов С.Д. Терминологический перевод: теория и практика / С.Д. Шелов. – М.: Высшая школа, 2010. – 142 с.
3. Siberian Health [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://de.siberianhealth.com/de/shop/catalog/category/167/> (Дата обращения: 12.11.2024).

N.M. Maleeva,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia, natstsch@rambler.ru

A.V. Vasilieva,
St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia, alinva866@gmail.com

Features of German-language cosmetology terminology

The article deals with the peculiarities of the German special lexicon of the beauty sphere, describes the ways of formation of terms, defines their semantics. The meanings of terms-complex words, as well as terminological word combinations are analyzed in order to establish the type of interaction of their components.

Key words: *beauty sphere, beauty industry, special vocabulary, terms, terminological word combinations*

УДК 811.111

Е.Ю. Мацутина,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, trinitifix@mail.ru

Использование корпуса News on the Web для отбора и анализа японизмов в английском языке

В статье рассматривается возможность отбора и дальнейшего анализа англоязычных японизмов с применением корпуса News on the Web, представлены результаты поисковых запросов по характерным для ксенонимов-японизмов буквосочетаниям, делаются выводы о целесообразности подобного алгоритма действий.

Ключевые слова: японизм, ксеноним, корпус в лингвистических исследованиях, количественный метод исследования

Исследование англоязычных слов японского происхождения представляет значительный научный интерес, так как оно не только иллюстрирует динамику языковых заимствований и культурных обменов в глобализированном мире, но также позволяет исследовать механизмы фонетической, морфологической и синтаксической адаптации иностранных слов в англоязычную среду. Кроме того, изучение японизмов обогащает лексикографию и углубляет наше понимание культурных и языковых взаимодействий в современном мире.

Использование корпусов в подобных лингвистических исследованиях предоставляет ряд значительных преимуществ. Во-первых, корпусы обеспечивают эмпирическую базу для анализа языковых явлений, позволяя исследователям выявлять закономерности и тенденции в языке на основе реальных данных. Во-вторых, они способствуют объективности исследований, минимизируя влияние субъективных оценок. Корпусы позволяют проводить количественный анализ, что способствует более точному пониманию частотности и распределения языковых единиц. Таким образом, корпусы становятся незаменимым инструментом для современного лингвистического анализа [1].

Трудность отбора инокультурной лексики в корпусах связана с отсутствием специальных помет, маркирующих заимствования из конкретных культур и позволивших бы автоматизировать подготовку материала для исследования ксенонимов. Составление собственных корпусов может решить данную проблему, но требует больших временных затрат и зачастую недостижимой объективности автора в выборе текстового массива данных [2].

В настоящей статье рассматривается алгоритм отбора материала для исследования японизмов в английском языке с помощью корпуса News on the Web (NoW), который представляет собой обширный лексикографический ресурс, созданный для анализа и исследования языка новостной журналистики в интернете. Он включает в себя более 20 миллиардов слов [3], собранных из разнообразных онлайн-новостных источников, что позволяет охватить широкий спектр тем и стилей. Корпус охватывает период с 2010 года и продолжает обновляться, обеспечивая актуальность данных.

Согласно нашей гипотезе, существуют особые буквосочетания, нехарактерные для английского языка и свойственные японизмам, позволяющие автоматизировать отбор материала для исследования. Для её проверки с применением корпуса NoW были выбраны буквосочетания *tsu*, *ji*, *zu* и *kyu*, соответствующие принятым системам латинизации японских слогов. Наиболее надёжным маркером японского происхождения слова стало буквосочетание *tsu*; из 100 наиболее употребляемых лексических единиц 35 являются японизмами: *tsunami*, *Mitsubishi*, *Dentsu*, *Fujitsu*, *Matsuyama*, *Tsushima*, *Mitsui*, *jiujitsu*, *Daihatsu*, *Datsun*, *Utsu*, *jujutsu*, *Matsumoto*, *Komatsu*, *Matsuyama*, *katsu*, *Matsuno*, *Satsuma/satsuma*, *Hatsune*, *Tsukuba*, *jujitsu*, *kintsugi*, *Tsubasa*, *Kimetsu*, *Shiatsu/shiatsu*, *tonkotsu*, *matsuri*, *Matsushita*, *Matsuhisa*, *Tetsuo*, *Matsunaga*, *Kitsune/kitsune*, *Matsuoka*, *Akatsuki*, *Natsume*, при этом большая часть относится к ономастической лексике.

Результаты корпусного анализа показывают, что большая часть не ономастических японизмов обладает вариативностью (*jujutsu/jujitsu/jiu-jitsu*, *Satsuma/satsuma*, *Shiatsu/shiatsu*), что говорит о том, что данные ксенонимы еще не прошли все стадии ассимиляции и не могут считаться частью базового состава английского языка. К базовым ксенонимам можно отнести лишь *tsunami*, который уже лексикографически зафиксирован и обладает полной грамматической парадигмой, характерной для английского языка.

Следующим по продуктивности оказался поиск по буквосочетанию *zu*; 12 из 100 можно отнести к единицам японского происхождения: *Suzuki*, *Mizuho*, *Isuzu*, *yuzu*, *Suzuka*, *Mizuhara*, *Mizuno*, *Shimizu*, *Izumi*, *Azusa*, *Kazuo*, *Zuko*. Менее надёжными маркерами стали *kyu* (*Kyushu*, *Ryukyu*, *Kitakyushu*, *Haikyu/haikyu*, *Tokyu*, *Chikyu*, *Hankyu*, *kyudo*) и *ji* (*emoji*, *Fuji*, *Fujifilm*, *Fujitsu*, *jiu-jitsu*). Результаты сильно отличаются от подобного поискового

запроса в конкордансере по корпусу англоязычных текстов, описывающих японскую культуру [2], в котором большая часть найденных лексем относилась к японизмам.

Исходя из представленного исследования, можно сделать несколько ключевых выводов:

1. Проведенный анализ подтвердил гипотезу о существовании особых буквосочетаний, характерных для японизмов. Буквосочетание "tsu" оказалось наиболее надежным маркером японского происхождения, что указывает на его высокую продуктивность в контексте ксенонимов.

2. Значительная часть найденных японизмов относится к ономастической лексике (имена собственные, названия компаний и мест), что может указывать на то, что такие слова чаще всего заимствуются в английский язык именно в контексте культурного или коммерческого взаимодействия.

3. Большинство неономастических японизмов демонстрирует вариативность, что указывает на продолжающийся процесс адаптации, в ходе которого слова могут изменяться и варьироваться.

4. Отбор материала по буквосочетаниям более продуктивен для авторских корпусов, содержание которых ограничено целью исследования. При этом использование рассмотренного алгоритма в международных корпусах может добавить новые лексические единицы для анализа.

Данные результаты открывают возможности для дальнейшего изучения процессов заимствования и ассимиляции слов в английском языке, а также их культурного контекста. Это может включать более глубокий анализ других буквосочетаний или расширение исследования на другие языки и культуры.

Библиографический список

1. Ганиева И.Ф. Об использовании корпусов в лингвистических исследованиях // Вестник Башкирск. ун-та. – 2007, №4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-ispolzovanii-korpusov-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah> (Дата обращения: 19.02.2025).
2. Иванова Е.Ю. Использование корпусов и конкордансера AntConc для отбора и составления словаря японских артонимов в английском языке / Е.Ю. Иванова // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. – 2018. – № 05/2. – С. 107-110.
3. NOW Corpus (News on the Web) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.english-corpora.org/now/> (Дата обращения: 19.02.2025).

E.Y. Matsugina,
St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, trinitifix@mail.ru

Using the News on the Web Corpus to select and analyze japanisms in English

The article considers the possibility of selecting and further analyzing English-language japanisms using the News on the Web corpus, presents the results of search queries on characteristic letter combinations for xenonyms of Japanese origin, and draws conclusions about the expediency of such an algorithm of actions.

Key words: *japanism, xenonym, corpus in linguistic research, quantitative research method*

УДК 811.11.112

О.В. Палехова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, palekhova@mail.ru

П.А. Трембач,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, trembachpolly@gmail.com

Аллюзии в немецких «словах года»

В статье рассматривается немецкие «слова года» с точки зрения их прецедентности, анализируются резонансные события, происходившие в Германии, их «ословливание» и переход в разряд фоновых знаний немецкого лингвокультурного сообщества.

Ключевые слова: *массмедиа, «слово года», аллюзия, прецедентная ситуация, прецедентное имя, прецедентное событие*

Современный медиадискурс, освещая все новейшие событийные реалии и, как следствие, фиксируя обладающие абсолютной новизной языковые явления, выступает одним из источников слов и выражений, маркирующий самые бурные дискуссии по актуальнейшим проблемам в общественно-политической жизни Германии. Данные слова отражают реакцию немецкого общества как на важные темы, так и на резонансные события. Как следствие, они так или иначе выступают в качестве аллюзивных отсылок к известным всему лингвокультурному сообществу, которые, в свою очередь, переходят в разряд общих фоновых знаний. Именно обладание такими фоновыми знаниями выступает в дальнейшем важным условием узнавания и интерпретации аллюзий и прецедентных феноменов: как правило, прецедентной ситуации и прецедентного события. Так, например, одно из «слов года» в 2023 году стало прилагательное *«leseunfähig»*, отсылающее к основным проблемам в области образования Германии, возникших в результате закрытия школ в период пандемии коронавируса. Данное «слово

года» однозначно декодируется как «неспособность почти тридцати процентов младших школьников понимать более сложные тексты» и может рассматриваться в качестве прецедентной ситуации, отсылающей к целому ряду определенных коннотаций.

Ярким примером прецедентного события может служить «слово года» *«Kussskandal»*, отсылающий к скандалу с поцелуем Луисом Рубиалесом (президент федерации футбола Испании) капитана женской футбольной команды Дженифер Хермозо. В результате вызванных данным скандальным событием дискуссий о сексизме Рубиалес вынужден был уйти в отставку. Таким образом, данное слово года (*«Kussskandal»*), неоднократно воспроизведенное как в речи, так и в СМИ, обросло коннотациями, сумма значений которых намного шире его смысла. Кроме того, мы считаем, что данное прецедентное событие неразрывно связано с прецедентными именами *«Luis Rubiales»* и *«Jennifer Hermoso»*.

В «словах года» 2024 самым частотным стало *«Ampel-Aus»*, отсылающим к сложившейся в Германии политической ситуации: кризис правящей коалиции. «Отключение светофора», зафиксированное в немецких массмедиа, ужеочно вошло в так называемые совокупные знания говорящих на немецком языке. При этом с прецедентной ситуацией распада правящей коалиции непосредственно связаны, во-первых, прецедентные имена Olaf Scholz, Christian Lindner, во-вторых, также ставшее прецедентным высказывание Кристиана Линднера, что *«es ist besser, nicht zu regieren, als falsch zu regieren»*, отсылающее к «слову года» 2017 *«Jamaika-Aus»*.

Прецедентный характер носит также «слово года» 2024 *«Messer-verbot»*, отсылающее к нападению с ножом на празднике в городе Золинген, вызвавшем общественный резонанс в Германии. Как следствие, был введен «запрет на ножи» на всех общественных мероприятиях.

Таким образом, общественно-политические события порождают неологизмы, которые приживаются в языке, используясь в разговорной речи и в массмедиа. Самые яркие из таких неологизмов фиксируются в памяти лингвокультурного сообщества и в дальнейшем без труда понимаются и интерпретируются. При этом важным является знание всех экстралингвистических атрибутов и факторов, отсылка к которым осуществляется посредством обращения к языковой единице.

Библиографический список

1. Баранцева О.А. Слова года как источник социокультурной информации / О.А. Баранцева, И.В. Снигирева // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2020. – № 16. – С. 12-18.
2. Гудков Д.Б. Прецедентная ситуация и способы ее актуализации Д.Б. Гудков // Язык, сознание, коммуникация. Вып. 11. – Москва: Издательство Диалог МГУ, 2000. – С. 40-46.

3. Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации: монография. / Е.А. Нахимова. – Екатеринбург, 2007. – 207 с.
4. Палехова О.В. Прецедентные феномены в немецких массмедиа / О.В. Палехова // Язык и культура в эпоху глобализации: Сборник материалов III Всероссийской (национальной) научной конференции с международным участием, Санкт-Петербург, 28–29 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2024. – С. 94-97.
5. Тимралиева, Ю.Г. Транскультурные аспекты в рейтинге «Слово года»: русско-немецкие параллели / Ю. Г. Тимралиева // Язык и речь в Интернете: личность, общество, коммуникация, культура: сборник статей V Международной научно-практической конференции, Москва, 22–23 апреля 2021 года / Российский университет дружбы народов. Том 2. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2021. – С. 348-353.
6. Wort des Jahres / Gesellschaft für deutsche Sprache e. V. URL: <https://gfds.de/wort-des-jahres-2024/> (Дата обращения: 03.03.25).

O.V. Palekhova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, palekhova@mail.ru

P.A. Trembach,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, trembachpolly@gmail.com

Allusions in German "words of the year"

The article examines the German "words of the year" from the point of view of their precedent, analyzes the resonant events that took place in Germany, their "verbalization" and the transition to the category of background knowledge of the German linguistic and cultural community.

Keywords: mass media, "word of the year", allusion, precedent situation, precedent name, precedent event

УДК 347.78.034

Н.С. Спиридонова,

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия, spirid_ns@spbstu.ru

А.З. Султанова,

Санкт-Петербургский Политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия, aisha1sultanova@yandex.ru

Проблема использования функциональной замены при переводе реалий (на примере французской легенды *Le Sotré*)

В статье рассматривается проблема использования такого переводческого приема как поиск функционального аналога для замены реалии одного народа реалией, относящейся к культуре другой этнической общности.

Ключевые слова: реалии, безэквивалентная лексика, французский язык, перевод, поиск функционального аналога, переводческая транскрипция

Наибольшую сложность для переводчика составляют такие элементы языка как реалии, которые не имеют полных или даже частичных эквивалентов в других языках, так как при их переводе необходимо не только передать смысл, но и сохранить культурную составляющую. Целью данной статьи является проанализировать использование функционального аналога при переводе мифологических реалий на конкретном примере и предложить альтернативный вариант перевода рассматриваемой безэквивалентной единицы.

Безэквивалентная лексика, и в частности реалии, изучались такими лингвистами, как В. С. Виноградов, С. Влахов, С. Флорин, Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров и др. Реалии можно определить, как слова, называющие явления, предметы и понятия, присутствующие в культуре одной нации, но отсутствующие в картине мира других народностей. Реалии вызывают у носителей языка определенные ассоциации, связанные с экстралингвистической информацией о данном этносе, которая при переводе на другой язык часто теряется. Для передачи на другие языки единиц безэквивалентной лексики, переводчики используют традиционные трансформации: транслитерация и транскрипция – передача буквенной и звуковой формы слова соответственно (*le lutin* – лютин; лютен); калькирование – поморфемная передача слова; генерализация и конкретизация – замена слова более широким / узким по смыслу понятием; поиск функционального аналога, при котором реалия исходного языка заменяется близкой по значению реалией языка перевода; описательный перевод – передача значения слова при помощи словосочетания или фразы, а также смешанный перевод – сочетание некоторых из приведенных приемов, например транскрипции и описательного перевода. Основная сложность работы переводчика заключается именно в выборе правильной переводческой трансформации для того, чтобы перевод реалии был не только точным, но и эквивалентным, то есть передавал не только лексическое значение слова, но и, хотя бы частично, сохранял его культурный колорит и коннотацию.

Одним из крупных «источников» реалий в любом языке является мифология народа, говорящего на нем. Различные легенды и сказки часто содержат не только названия легендарных мест, имена героев и божеств, но и историзмы и архаизмы, которые также входят в пласт безэквивалентной лексики. Тем не менее, фольклор разных этнических общностей иногда имеет смежные черты, например, один представитель восточнославянской мифологии будет по-разному именоваться в разных странах славянской языковой группы: леший, дух-хозяин леса, лясун (в Беларуси). Руковод-

ствуясь этим доводом, переводчик часто решает заменить реалию, называющую иноязычное мифическое существо, реалией, широко распространенной в славянской мифологии – однако можно ли такой способ перевода считать точным и эквивалентным? Чтобы ответить на поставленный вопрос, обратимся к конкретному примеру.

Рассмотрим русский перевод французской легенды *Le Sotré*, выполненный А. С. Кулишер. Сюжет легенды прост: *le sotré*, переведенный в данном случае как «*домовой в красном колпачке*» [4], ночами кормил и чистил лошадей дядюшки Шалуана, который, в свою очередь, прогнал домового, застав его за этим делом, и забрал его колпачок, за что был превращен в осла. Когда домовому вернули колпак, он превратил Шалуана обратно в человека. Согласно французскому фольклористу Эммануэлю Коскену, *le sotré* – существо, встречающееся в бельгийской и французской мифологии, представляет собой маленького человечка в красном колпаке и одежде, который ночами по своему желанию заходит в чужие дома, чтобы выполнить наиболее тяжелые дела по хозяйству и поухаживать за домашними животными или скотом. Считается, что их местом обитания являются пещеры, а также, что, увидев *le sotré* за работой, никогда нельзя его прогонять или насмехаться над ним, иначе он превратит обидчика в какое-нибудь животное. Домового же Г. Н. Потанин характеризует как духа, живущего в человеческих домах, иногда предстающего в виде домашнего животного – кошки или собаки, по ночам помогающего людям по хозяйству. Они считаются своимравными существами – могут капризничать, например, мешать хозяевам разводить лошадей, если те домовому не по нраву, душить живущих в доме по ночам, пугать или наказывать их за несоблюдение обычаев.

Итак, по приведенным описаниям упомянутых существ, можно заключить, что *le sotré* и *домовой* – два разных существа: один – низкорослый человечек, по своей воле иногда помогающий людям, тогда как другой – дух-хранитель дома и обычай, связанных с бытом. Места их проживания различаются, так же, как и характер поведения: *le sotré* безобиден, пробирается в разные дома и не взаимодействует с жильцами, за исключением случаев, когда его пытаются прогнать или обидеть; домовые же как бы прикреплены к дому, избавиться от них нельзя, но можно разозлить или задобрить, и считается, что без них ни одно хозяйство ладиться не будет. Следовательно, несмотря на то что использование наименования «*домовой*» в переводе в виде функционального аналога может дать читателю некоторое представление о существе, о котором идет речь в легенде, представление это будет неточным или даже ошибочным. Кроме того, появление французских названий (*Montiers* – Монтье, северная Франция) и имен (*Chaloine* – Шалуан) в одном тексте со славянским до-

мовым кажется скорее неуместным и чужеродным. Так, альтернативным и, предположительно, более предпочтительным вариантом передачи реалии *le sotré* на русский язык является смешанный перевод – использование транскрипции вместе с переводческим комментарием. Хотя слово «сотре» будет незнакомо читателю, оно сохранит свой культурный колорит и независимость от реалий славянской мифологии, а переводческий комментарий будет содержать информацию, необходимую для полноценного понимания текста, например: *Sotré – во французском фольклоре низкорослый человечек, по ночам пробирающийся в людские жилища и выполняющий тяжелые бытовые задачи.*

Таким образом, можно сделать вывод, что использование приема поиска функционального аналога при переводе безэквивалентной лексики не всегда является оправданным, и применять его следует с осторожностью.

Библиографический список

1. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы) / В.С. Виноградов. – М.: Издательство института общего среднего образования РАО, 2001. – 224 с.
2. Влахов С., Флорин С. Непереводимое в переводе / С. Влахов, С. Флорин. – М.: Международные отношения, 1980. – 349 с.
3. Потанин Г.Н. Юго-Западная часть Томской губернии в этнографическом отношении / Г.Н. Потанин. – СПб.: Русское географическое общество, 1864. – 1052 с.
4. Шутка Черного Лешего. Сказочные истории о русалках, домовых и прочей нечистой силе. – М., СПб.: КИМОС, РИТА, Библиополис, 1993. – 336 с.
5. Emmanuel Cosquin Contes populaires de Lorraine comparés avec les contes des autres provinces de France et des pays étrangers, et précédés d'un essai sur l'origine et la propagation des contes populaires européens. – Paris: Vieweg, 1887. – 746 c.

N.S. Spiridonova,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia, spirid_ns@spbstu.ru
A.Z. Sultanova,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia, aisha1sultanova@yandex.ru

The issue of using the functional substitution in translating of culture-specific units (on the example of the French legend *Le Sotré*)

The article covers the problem of using functional analogue, which requires a substitution of a culture-specific unit related to one nation by another ethnicity's culture-specific element.

Key words: culture-specific unit, non-equivalent vocabulary, French language, translation, functional substitution, transcription in translation

УДК 81'25+811.112

Е.Г. Суслова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, eksuslova@yandex.ru

А.А. Теплякова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, alisonchik23@gmail.ru

Особенности перевода немецкоязычных стендап-выступлений на экономическую тематику

В статье рассматривается явление стендарап в современном медиа-дискурсе, описываются культурные и языковые особенности и трудности при переводе текстов выступлений стендап-комиков с немецкого языка на русский.

Ключевые слова: *стендап, публичное выступление, юмор, перевод*

Комедийный жанр публичных выступлений в разных видах существует достаточно давно. Стендап, или стендап-комедия, как отдельный жанр выделился только около века назад. Произошло это благодаря группе начинающих юмористов в США, которые желали поделиться своим материалом и выступали в общественных местах: парках, кафе, салонах. Этот формат открытого выступления достаточно быстро нашёл отклик и распространился по всему миру. Комиков стали приглашать в бары и на закрытые мероприятия, на чем те зарабатывали. Выступающие не стеснялись использовать нецензурные выражения, говорить просто и открыто. Сейчас стендап представляет собой выступление одного или группы артистов (часто под запись) с заранее заготовленным материалом перед живой аудиторией, которая слушает, реагирует и задаёт вопросы. В основе лежит индивидуальный опыт автора или его близких людей, доведённый до крайности. Стендап-комики не боятся затрагивать острые социальные и политические темы, используя в качестве инструментов критики сарказм, каламбуры и чёрный юмор.

Если некоторое время назад шутки строились на обсуждении отношений, на воспоминаниях из детства, ситуациях из путешествий и на бытовых историях, то сегодня популярными темами стали сферы экономики, психологии и политики. Часто шутки строятся на стереотипах, социальных проблемах, вопросах равенства и дискриминации. Комики практически не ограничены в средствах и способах самовыражения, вследствие чего формируется плюрализм идей и мнений [1, с. 311].

Для лингвистов стендап интересен с точки зрения языка, речевого взаимодействия и психологии. Переводчик же ориентируется на темп и

ритм выступления, фоновые знания аудитории, особенности тона и речи стендапера.

В немецком стендапе под прицелом юмора и сарказма часто оказывается происходящее в политике и экономике. Экономика – важная часть жизни немцев, поэтому шутки о ней отражают, с одной стороны, тревогу и обеспокоенность вопросами стабильности и курса правительства, с другой – живой интерес к экономическим новостям. Исходя из этого, стендаперы прописывают свой материал, акцентируя внимание на актуальных и волнующих темах. В силу прагматичного и чересчур серьезного восприятия возникает сложность в переводе немецкого стендапа.

Франк Людеке (Frank Lüdecke) является одним из самых известных комиков Германии. Колкие и броские высказывания Людеке чаще обращены к политикам и государственным деятелям, чем к вопросам частной жизни. Его стендап можно считать интеллектуальным не только из-за тем, на которых строится материал, но и за счёт постоянного привлечения исторических фактов, ссылок на слова известных людей и статистики.

Франк Людеке – писатель, режиссер и актер, поставленная и грамотная речь является его визитной карточкой, обеспечивая узнаваемость. При разборе выступлений Франка Людеке важно учитывать интонацию, с которой он говорит. Его жестикуляция и артикуляция могут кардинально менять значение шутки за счёт неверbalного обозначения сарказма. Его спокойный, немного возмущённый тон и яркая, саркастичная мимика в момент речи отчетливо передают отношение к теме, например, «*Die Italiener, bei denen man nie sicher war, haben die überhaupt ein flächendeckendes Schulsystem*» [3]. Тон Франка Людеке показывает пренебрежение, смешанное с удивлением, поэтому считать эмоции не представляет труда.

Стендап-комики дополняют полюбившийся формат авторской лексикой и адресными вставками, вызывающими у аудитории отклик. В своих выступлениях Франк Людеке часто задаёт вопросы, которые побуждают публику задуматься над альтернативными сценариями в прошлом или настоящем, например, «*Was wäre denn Apple heute ohne Konrad Zuse?*» [3] или «*Wie wäre es zum Beispiel mit einem qualifizierten Wahlrecht?*» [3].

Одной из стилистических особенностей будет и то, что в своих выступлениях комик не использует сленг, но в его речи частотны идиомы и пословицы, например, «...ein bisschen das Gefühl, in Deutschland geht es ein bisschen den Bach runter» [3]. Русскими эквивалентами устойчивого выражения *den Bach runtergehen* будут «катиться в пропасть», «идти под откос». Остановиться следует на втором варианте как менее экспрессив-

ном, поскольку экспрессия на уровне языковых средств не свойственна выступающему.

Выражение *Eier im Gefrierschrank* [3] буквально переводится как «яйца в морозилке». Оно означает, что какое-то действие или решение совершенно бессмысленные или ненужные. Это сочетание вызывает ощущение абсурдности ситуации.

В своих выступлениях комик использует столкновение скриптов, эффект которого при переводе необходимо сохранить, например, «*Uns, das Volk von Goethe, von Schiller und Dirk Rossmann*» [3]. Скрипт – это устойчивая коллокация, которая порождает ряд ассоциаций. Если ассоциации между собой не сочетаются, создается комический эффект. На оппозиции скриптов строится шутка [2, с. 325]. Считываемость оппозиции в тексте зависит от культуры. В приведенной реплике в сознании реципиентов складывается ассоциативная цепочка, которая прерывается диссонирующим звеном: в ряду имен классиков немецкой литературы возникает имя влиятельного бизнесмена Дирка Россмана, который известен в первую очередь как основатель сети аптек, а не как писатель.

Немецкий стендап представляет собой интересное явление для переводчиков и лингвистов. Во время работы с подобными видами текстов важно отслеживать изменения на синтаксическом и лексическом уровнях, учитывать значение слов и идиом, интонацию говорящего и приемы создания комического. Дальнейшие исследования могут быть нацелены на более глубокий анализ связи языковых средств и культурных особенностей в немецкоязычном стендапе.

Библиографический список

1. Сердюк А.М. Стендап в диалоге культур: к постановке вопроса / А.М. Сердюк // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения: сб. материалов VI Международной конференции молодых учёных, Томск, 18-19 апреля 2019. – Томск: СТТ, 2020. – С. 311-312.
2. Raskin V. Semantic Mechanisms of Humour / V. Raskin // Proceedings of the Fifth Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. – 1985. – P. 325-335.
3. Ardmediathek.de [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.ardmediathek.de/video/schlachthof/mit-kinseher-luedcke-und-masomi> (Дата обращения: февраль 2025).

E.G. Suslova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, eksuslova@yandex.ru

A.A. Tepliakova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, alisonchik23@gmail.ru

**Peculiarities of translation of German-language stand-up performances
on economic topics**

The article deals with the phenomenon of stand-up in modern media discourse, describes cultural and linguistic peculiarities and difficulties in translating stand-up from German into Russian and possible solutions.

Keywords: stand-up, public speech, humor, translation

УДК 811.11

Ю.Г. Тимралиева,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, juliati@yandex.ru,

А.В. Кивкуцан,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, akivkuczcan@mail.ru

**Анализ машинного перевода сложноподчиненных предложений
с немецкого на русский язык в технических текстах**

В статье исследуются особенности машинного перевода с немецкого на русский язык в техническом тексте сложноподчиненных предложений с разным типом придаточной связи, в том числе анализируются используемые переводческие трансформации, предлагаются альтернативные переводческие решения.

Ключевые слова: сложное предложение, технический текст, машинный перевод, переводческая трансформация

Актуальность данного исследования диктуется постоянно растущим спросом на перевод в научно-технической сфере, необходимостью совершенствования систем машинного перевода и их адаптации под особенности той или иной языковой пары. Для языковой пары немецкий-русский в технических текстах сложности для машинных переводчиков представляют некоторые синтаксические аспекты немецкого и русского языков, предлагающие множество вариантов интерпретации. В частности, перевод сложноподчиненных немецких предложений с учетом характерного для них порядка слов при переводе на русский язык часто требует перестройки структуры в соответствии с грамматикой русского языка и использования комплексных переводческих трансформаций. Рассмотрим на примере раздела «Риски при техническом обслуживании объектов» из руководства по эксплуатации машинного оборудования [1] и его переводов популярными системами машинного перевода Yandex Translate (далее Yandex) и DeepL особенности перевода сложных синтаксических построений и предложим

альтернативные переводческие решения, не используемые системами машинного перевода.

Пример 1

Исходный текст	Перевод Yandex	Перевод DeepL
Alle Reparaturen und Wartungsarbeiten dürfen nur erfolgen, wenn der Hauptschalter der Maschine auf Stellung «0, OFF» geschaltet und mit einem Vorhangeschloss abgesperrt ist.	Весь ремонт и техническое обслуживание должны проводиться только в том случае, если главный выключатель машины переведен в положение «0, ВЫКЛ» и заперт на висячий замок.	Все работы по ремонту и техническому обслуживанию могут выполняться только в том случае, если главный выключатель машины переведен в положение «0, OFF» и заперт на висячий замок.

В данном примере немецкое предложение содержит придаточное условия, вводимое союзом «*wenn*». Основная цель предложения – указание на то, что любые ремонтные и технические работы разрешены только при соблюдении определенных условий. Оно носит императивный характер, модальность в нем выражена через конструкцию «*dürfen nur erfolgen*». Обе системы машинного перевода произвели перевод на русский с сохранением структуры исходного предложения: придаточное после главного, союз «если» эквивалентен союзу «*wenn*». При этом в русской версии предложения получились более развернутыми (в первую очередь, за счет перевода композит словосочетаниями), чего можно было избежать, если бы машиной были использованы другие средства для передачи модальности. Например, перевод, соблюдающий устоявшиеся для этого типа текстов нормы, может быть представлен так: *Перед проведением ремонтных работ или технического обслуживания главный выключатель оборудования должен быть переведен в положение «0, OFF» и заперт на висячий замок*. В данном варианте сохраняется тема-рематическая структура предложения, но упраздняется придаточное предложение: условие («главный выключатель... переведен в положение») встраивается в зависимую часть простого предложения, фокус смещается на временной аспект («перед проведением ремонтных работ или технического обслуживания»), подразумевающий четкую последовательность необходимых действий, в результате чего объем текста сокращается.

Пример 2

Исходный текст	Перевод Yandex	Перевод DeepL
Ist es für Reparaturarbeiten unumgänglich, dass Sicherheitseinrichtungen demontiert werden, so ist größte Vorsicht geboten (Siehe dazu auch Kapitel 5.6 «Belehrung über Risiken»).	В случае необходимости демонтажа защитных устройств при проведении ремонтных работ следует соблюдать максимальную осторожность (см. Также главу 5.6 «Инструкция по остаточным рискам»).	Если демонтаж защитных устройств для проведения ремонтных работ неизбежен, необходимо соблюдать особую осторожность (см. также главу 5.6 «Указания по остаточным рискам»).

В данном примере в исходном тексте представлена бессоюзная условная связь, реализуемая порядком слов. Значение императивности донесено формой «*ist...geboten*». В переводе DeepL сохраняется конструкция придаточного условия, однако его структура преобразовывается в соответствии с грамматикой русского языка. Машинный перевод системы Yandex упразднил придаточную часть, заменив ее конструкцией «*в случае необходимости демонтажа*» и передав модальность глаголом «*следует*». Перевод Yandex в данном случае представляется стилистически более удачным в силу использования канцеляризмов, распространенных в инструкциях технической направленности.

Пример 3

Исходный текст	Перевод Yandex	Перевод DeepL
Jede Arbeitsweise, welche die Sicherheit an der Maschine beeinträchtigt, ist zu unterlassen.	Следует воздерживаться от любых методов работы, которые влияют на безопасность машины.	Необходимо избегать любых методов работы, которые снижают безопасность машины.

В данном примере сложное предложение исходного текста содержит придаточное определительное, а указание формулируется через пассивную конструкцию «*ist zu unterlassen*». Системы машинного перевода предложили адекватный перевод, выразив императивность высказывания через модальные «*следует*» и «*необходимо*» и перенеся придаточную часть в конец предложения. В целях сокращения структуры и достижения естественности текста в данном случае при переводе можно заменить придаточное определительное причастным оборотом, а императивность передать (и усилить) кратким прилагательным: *Методы работы, вредящие безопасности оборудования, недопустимы*.

Пример 4

Исходный текст	Перевод Yandex	Перевод DeepL
Der Betreiber hat dafür zu sorgen, dass keine nichtautorisierten und nicht entsprechend den Forderungen der Betriebsanleitung geschulten und unterwiesenen Personen an der Maschine arbeiten und sich in deren Umfeld aufhalten.	Оператор должен следить за тем, чтобы на машине не работали и не находились в ее окружении неавторизованные и не обученные и не проинструктированные в соответствии с требованиями руководства по эксплуатации люди.	Оператор должен следить за тем, чтобы на машине или в непосредственной близости от нее не работали посторонние лица, не прошедшие обучение и инструктаж в соответствии с требованиями руководства по эксплуатации.

В данном примере главная часть содержит инфинитивный оборот «*hat dafür zu sorgen*» со значением долженствования, а придаточное изъяснительное, вводимое союзом «*dass*», поясняет, какое указание должно быть

выполнено. В придаточной части предложение осложнено распространеными атрибутивными конструкциями и однородными сказуемыми. Перевод Yandex сохраняет детализацию и синтаксическую структуру оригинального отрывка; при этом качество перевода снижается от перегруженности отрицаниями и использования неестественного для русского языка порядка слов. DeepL, в свою очередь, корректно работает с лексикой и упраздняет отрицания для повышения естественности, однако структура предложения все же остается перегруженной. Для облегчения восприятия текста при переводе данного фрагмента можно допустить членение предложения: *Оператор обязан следить, чтобы посторонние лица, не прошедшие обучение и инструктаж в соответствии с требованиями руководства по эксплуатации, не использовали оборудование. Также необходимо исключить их нахождение в непосредственной от него близости.* В данном случае часть, выраженная в составном сказуемом в исходном отрывке, выносится в отдельное предложение, а в первом предложении сохраняется придаточное изъяснительное и его изначальная семантическая функция.

Таким образом, обе системы машинного перевода при переводе сложноподчиненных предложений активно используют алгоритмы, ориентированные на сохранение исходной структуры предложения. Среди грамматических трансформаций наиболее продуктивны морфологические замены, например, немецкие пассивные конструкции в русском языке преобразуются в активные формы, что приближает текст к нормам целевого языка. Порядок слов, характерный для немецкого языка, также адаптируется для русского путём изменения позиции сказуемого, что обеспечивает логичность и читабельность переведенного текста. Среди выявленных недостатков следует отметить избыточность и тяжеловесность некоторых предложений в русском переводе; этого можно было бы избежать путем сегментации предложения или замены синтаксических конструкций. Ограниченнное применение машиной доступных переводческих трансформаций указывают на необходимость дальнейшего совершенствования алгоритмов машинного перевода.

Библиографический список

1. Betriebsanleitung Musteranlage / Schuster Sondermaschinenbau GmbH. – Böbing: Schuster Sondermaschinenbau GmbH, 2016. – 26 S.

J.G. Timralieva,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, juliat@yandex.ru

A.V. Kivkutsan,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, akivkuczanz@mail.ru

**Analysis of machine translation of compound sentences
from German into Russian in technical texts**

The article investigates the features of machine translation from German into Russian in technical text of compound sentences with different types of subordinate relations, including analyzing the translation transformations used, offering alternative translation solutions.

Keywords: compound sentence, technical text, machine translation, translation transformation

УДК 811.113.1=811.111‘373.613

О.А. Фрейдсон,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, olga-freidson@mail.ru

Е.Н. Краснова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, twentyoneliza2004@gmail.com

Неологизмы и лексическое творчество во французском языке

Данная работа посвящена анализу неологизмов во французском языке. Авторы рассматривают современные лексикологические тенденции во французском языке, анализируют такие словообразовательные модели, как словосложение и телескопия, показывают влияние общественных процессов на появление новых лексических единиц в языке.

Ключевые слова: неологизмы, словообразование, телескопия, словосложение

Появление неологизмов в языке – непрерывный процесс, который, с одной стороны, отражает запрос общества на номинацию новых предметов или явлений, с другой стороны – показывает современные тенденции говорящий на примере словообразовательных структур. На уровне лексики язык наиболее быстро и наглядно реагирует на любые изменения в обществе. Следовательно, неологизмы, будучи отражением современной общественной жизни, позволяют отследить эти процессы, показывают новые направления развития.

Неология (от греческого *нео-* «новый» и *-логос* «слово, учение») изучает совокупность формальных и семантических приемов, которые служат для диахронического образования слов и присоединения новых терминов к лексике данного языка. Неологизм же – это новая лексема, образованная для обозначения объекта, концепции, процесса или явления, которые еще не были опубликованы или были недавно созданы, и которые зависят от коллективных суждений. Для того, чтобы говорить о неологизме, необходимо,

чтобы группа говорящих испытывала эффект новизны, сталкиваясь с тем или иным словом. Необходимо также, чтобы неологизм стали все чаще и чаще использовать, чтобы его заметили лингвисты и включили в словари, то есть зафиксировали в языке. Именно факт попадания в толковые словари является решающим для начала отсчета существования новой лексической единицы.

Французская лексикографическая система очень развита и имеет давние традиции. Каждый год престижные французские толковые словари *Le Petit Robert* [3] и *Le Petit Larousse* [2] вводят новые слова в свои последние издания. Это событие активно обсуждается в СМИ, где зачастую словари представляются как «соперники», которые пытаются как можно точнее отразить современное состояние французского общества.

Материалом для данного исследования послужили списки неологизмов с 2015 по 2024 годы. В общей сложности за это время в словари вошло более 1000 новых слов, отражающих современные общественные процессы и явления. Особый интерес среди них представляют те лексемы, которые наглядно отражают словотворческих процесс в языке.

Наиболее распространенным способом образования неологизмов является морфологическое словообразование: аффиксация, словосложение, телескопия и аббревиация [1]. При этом словосложение и телескопия представляют собой наиболее интересный словообразовательный процесс, поскольку новые лексемы образуются либо путем полного сложения основ (словосложение), либо путем сочетания каких-то частей слов. Принцип сложения зачастую бывает неожиданным, непредсказуемым, и потому лексема получается особо запоминающейся.

В качестве основополагающей причины образования новых слов за исследуемый период безусловным лидером последних лет является пандемия Ковид-19, которая оставила после себя большое количество неологизмов, а также повлияла на словообразовательные процессы. Таким образом во французский язык, помимо прочих вошло слово *Covidiot*. Этот термин был введен во время пандемии COVID-19 для описания человека, который отказывается следовать рекомендациям по предотвращению распространения вируса. Данная лексическая единица появилась в результате сложения основ слов *COVID* и *idiot*. Лексема *blursday*, с одной стороны, является заимствование из английского, но, с другой стороны, в английском языке оно было образовано по той же модели, что и *covidiot* во французском, то есть при помощи сложения основ: *blur* (расплываться, сливаться) + *day* (день). Этот термин отражает чувство потери счета времени и неспособности отличить один день от другого, поскольку распорядок дня многих людей был нарушен во время карантина и дни недели начали сливаться воедино.

Словосложение как тип словообразовательной модели, отражает в языке современные тенденции общества к сочетанию разных, казалось бы, несочетаемых предметов. Подобным образом функционирует и телескопия – образование новых слов при помощи сложения части основ. Но в отличии от словосложения, телескопия, или слова – чемоданы (*mot-valise*), как их любят называть французы, свидетельствует о творческом подходе к словообразованию. Зачастую такие термины несут в себе определенную коннотацию. Например, слово *infodémie* сочетает в себе частицы основ лексем *information* и *épidémie* и описывает переизбыток ложной информации во время кризиса или крупного события. Термин приобрел популярность во время пандемии COVID-19, когда дезинформация о вирусе быстро распространялась. Несет в себе отрицательную оценочную коннотацию. Англизм *glamping* представляет собой смесь основ лексем *glamour* и *camping* и описывает вид кемпинга, который предлагает более роскошные условия проживания, чем традиционный кемпинг. Глэмперы наслаждаются удобными кроватями, электричеством и другими современными удобствами, оставаясь при этом на свежем воздухе. Таким же образом образовано слово *flexitarien*, путем сложения части основ *flexible* и *végéterien*. Флекситарианец – это тот, кто в основном придерживается вегетарианской диеты, но иногда ест мясо или рыбу. Этот термин отражает растущую тенденцию людей сокращать потребление мяса по соображениям здоровья, экологии или этики. Да и сам термин *véganisme*, хотя и существует уже несколько десятилетий в обществе, только недавно был добавлен во французский словарь. Он обозначает общественную практику воздержания от потребления продуктов животного происхождения и отказа от использования животных материалов. Лексема *fémicide* (*féminit+génocide*) обозначает убийство женщины, часто нынешним или бывшим партнером. Она освещает проблему насилия в отношении женщин и привлекла значительное внимание в последние годы, поскольку защитники настаивают на более жестких мерах по предотвращению таких преступлений.

Таким образом, современный французский – это живой язык, и его творческие процессы отражают это, несмотря на растущее количество заимствований. Этот подход позволяет понять творческую силу французского языка, его наиболее распространенные методы и потенциал для обновления.

Библиографический список

1. Верезубова Е.Е., Фрейдсон О.А. Словообразовательные процессы в современном французском языке как отражение состояния общества (на примере новых лексем, включенным в словарь Le Petit Robert d 2015-2019 гг.) / Е.Е. Верезубова, О.А. Фрейдсон // Современные вопросы лингвистики, переводоведения, педагогики и психологии: традиции и инновации. – Брянск, 2019. – С. 25-29.

2. Larousse, Dictionnaire de français [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.larousse.fr/dictionnaires/francais/> (Дата обращения: 20.02.2025).

3. Le Robert. Dictionnaire de français [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lerobert.com/> (Дата обращения 25.02.2025).

O.A. Freidson,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, olga-freidson@mail.ru

E.N. Krasnova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, minimipop@gmail.com

Neologisms and lexical creativity in French

This work is devoted to the analysis of neologisms in the French language. The authors consider modern lexicological trends in the French language, analyze such word-formation models as vocabulary and telescoping, and show the influence of social processes on the emergence of new lexical units in the language.

Keywords: neologisms, word formation, telescoping, vocabulary

УДК 811.113.1=811.111‘373.613

О.А. Фрейдсон,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, olga-freidson@mail.ru

А. Г. Сабурова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, minimipop@gmail.com

Когда французский спорт говорит по-английски: к вопросу об англицизмах во французском языке

В данной статье рассматривается влияние английского языка на французский в области спортивной терминологии на материалах французской прессы, освещающей события в мире спорта. Изучается взаимодействие англицизмов и их французских эквивалентов, а также причины проникновения английских терминов во французский язык.

Ключевые слова: спортивная терминология, заимствование, англицизм

Заимствования являются одним из основных способов пополнения словарного состава языка после морфологического словообразования [2]. Традиционно, в последние десятилетия, основным поставщиком заимствований в разные языки мира является английский язык, и французский не является исключением. Англицизмы проникают в различные сферы нашей

жизни, в том числе в область спорта, в которой языковые изменения проявляются наиболее очевидно. Это связано с тем, что спорт является не только всеобщим достоянием, но и важнейшей частью человеческой культуры, охватывающей целые эпохи.

Для полного и глубокого анализа англицизмов в спортивной терминологии французского языка важно правильно подобрать источники, в которых новые лексемы фиксируются и распространяются. Заемствованные слова обычно впервые появляются в публицистическом тексте, так как периодические издания – это один из первых письменных источников, фиксирующих новые лексемы. Использование таких слов придает газетному тексту экспрессивность и позволяет отойти от формальности, установив более близкий контакт с читателем. Выразительность речи проявляется через «эффект новизны», стремлении к чему-то необычному, к введению ранее не упомянутых лексем, а также через намерение избежать частого повторения одних и тех же слов и фраз в пределах небольшого текста [1].

В рамках данного исследования были выбраны специализированные спортивные издания: *L'Équipe* [4] и *France Football* [3]. Данные СМИ представляют наибольший интерес для анализа, так как охватывают широкий спектр спортивных событий, а также международных турниров, где большая часть терминологии заимствуется из английского языка. К тому же, благодаря регулярным публикациям и многочисленной аудитории, эти СМИ значительно влияют на распространение новой лексики среди широкой публики, способствуя их укоренению во французский язык.

Англицизмы в языке французской спортивной прессы имеют важное значение в современном понимании и описании спортивных событий, тренеров и технологий. Их использование связано с глобализацией спорта, развитием цифровых технологий и влиянием англоязычных стран. В разных контекстах англицизмы выполняют не только функциональные, но и стилистические задачи, подчеркивая международный характер спорта.

Как мы можем заметить, одним из самых частых примеров использования англицизмов является технический контекст. Спортивные термины, такие как 'goal' (гол), 'match' (матч) или 'coach' (тренер), часто используются в спортивной прессе, поскольку они позволяют легче и быстрее донести информацию до читателей, знакомых с этими понятиями в английском языке. Эти лексические единицы также имеют преимущество употребления в речи по сравнению с их французскими эквивалентами 'entraîneur' (тренер) и 'rencontre' (встреча), поскольку английские слова краткие по фонетической форме, используются во многих странах, что делает их удобным для общения между болельщиками и игроками из разных стран. В таких случаях англицизмы позволяют создать более современное звучание текста, особенно в статьях о международных турнирах или матчах, что позволяет зрителям и читателям из разных стран лучше понять происходящее.

Англицизмы часто используют в международном контексте, что делает их удобными для использования между болельщиками и игроками из разных стран. То есть, ‘staff’ (персонал) используется в международных командах, поэтому употребляется чаще ‘équipe technique’ (техническая команда). Сюда же можно добавить ‘goal’ (гол), которое, если сравнивать с французским ‘but’ (гол), имеет более узкое значение, применимое в контексте футбола. ‘Goal’ как англицизм становится всё более привычным даже для тех, кто не является носителем английского языка. Это связано с его популярностью в различных видах спорта, а также с развитием спортивных медиа и социальных сетей, где комментарии, интервью и даже трансляции часто ведутся на английском.

В рамках анализа англицизмов в спортивной лексике французской прессы мы также увидели, что англицизмы в прессе выполняют важную стилистическую роль. Они придают текстам более динамичное звучание, а использование иностранных слов помогает избежать излишней формальности и делает тексты более доступными для широкой публики. Это особенно важно для спортивной прессы, где важна оперативность в подаче информации и связь с читателями. Так, журналисты цифрового издания France Football, в трех статьях, общим объемом 2560 слов, используют 26 англицизмов, в числе которых упомянутые ранее ‘coach’, ‘staff’, а также ‘ego’, FA (футбольная ассоциация) – ‘руководящий орган английского футбола’, названия футбольных команд, используемые без перевода, Chelsea (Челси), Three Lions (Три Льва), С1 (Лига чемпионов) – калька с английского CL.

Англицизмы часто адаптируются в рамках французского языка, но обычно сохраняют свою первоначальную форму. Например, термин ‘goal’ (гол) используется в более узком контексте футбола и других видов спорта, в отличие от французского эквивалента ‘but’, который имеет более общее значение (любое попадание спортсмена в цель).

Таким образом, англицизмы в спортивной лексике французского языка играют важную роль в развитии современной спортивной прессы. Они облегчают коммуникацию, делают тексты более универсальными для международной аудитории. Однако традиционные французские термины по-прежнему сохраняют свою актуальность и продолжают использоваться в более формальных контекстах. Данный факт говорит о том, в спортивных СМИ существует баланс между глобальными тенденциями и сохранением культурной идентичности французского языка.

Библиографический список

1. Волкова М.Г., Козлова Д.О. Англицизмы в современном французском языке (на материале прессы) / М.Г. Волкова, Д.О. Козлова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – №4 (34). – Ч II. – Тамбов: Грамота, 2014. – С. 73-76.

2. Фрейдсон О.А. Созидательный потенциал неологизмов как отражение потребностей общества / О.А. Фрейдсон // Преподаватель XXI век. № 2-2. – Москва: Изд-во МГЛУ, 2022. – С. 351-360.
3. France Football [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.france-football.fr/> (Дата обращения 15.02.2025).
4. Lequipe [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.lequipe.fr/> (Дата обращения 20.02.2025).

O.A. Freidson,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, olga-freidson@mail.ru

A.G. Saburova,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, minimipop@gmail.com

When French Sports speak English: on the question of Anglicism in French

The article examines the influence of English on French in the field of sports terminology based on the materials of the French press covering events in the world of sports. The interaction of Anglicism and their French equivalents is studied, as well as the reasons for the penetration of English terms into the French language.

Keywords: sports terminology, borrowing, anglicism

УДК 81`25

P.A. Храбрых,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, rimma.khrabrykh@gmail.com

С.Д. Рудевич,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, sonjaschmol@outlook.com

Специфика перевода с немецкого на русский язык экономических терминов в сфере инвестиций

В статье рассматриваются особенности составления переводческого глоссария с учетом специфики немецкой и русской терминосистем в сфере инвестиций, предлагается вариант структуры переводческого глоссария.

Ключевые слова: термин, терминосистема, переводческий глоссарий, глоссарная единица, атрибуты глоссарной единицы

При переводе экономических текстов по тематике инвестиций необходимо точно передавать термины и их значения, так как неверная интерпретация или искажение экономических терминов может привести к серьезным последствиям для заказчика. В связи с этим представляется необходимостью составление максимально полного переводческого гlosсария, не только включающего верный перевод терминов в рамках отрасли, сферы применения или проекта, но и обеспечивающего понимание переводчиком как значения этих терминов, так и нюансов их словоупотребления как в исходном, так и в переводящем языке.

Отличие переводческого гlosсария от словаря заключается в том, что обычный словарь системен и термины в нем могут иметь несколько значений, а задача гlosсария – определить лексические единицы и их значение, актуальное в определенном контексте (для определенной отрасли, компании или отдельного проекта) [2, с. 195].

По мнению С. В. Гринева-Гриневича, при составлении гlosсария необходимо учитывать:

- отбор специальной лексики, для которого необходим подбор терминов и его параметры при отборе, т. е. установление границ от общеупотребительных слов;
- охват абсолютно всех терминов из текста перевода не только для индивидуальной работы, но и работы других переводчиков;
- последовательность размещения терминов в гlosсарии, которая зависит от назначения гlosсария [1, с. 221-225].

В качестве основы для составления немецко-русского переводческого гlosсария терминов в сфере инвестиций нами было решено взять структуру гlosсария в CAT-системе MateCat [3], что обусловлено следующим:

1. В отличие от других распространенных CAT-систем, MateCat позволяет включить в гlosсарий атрибуты гlosсарной единицы на уровне не только термина, но и концепта (например, словарное определение).
2. Для терминов возможно указывать не только верный перевод, но и так называемое «запрещенное» значение, т. е. значение, которое переводчик обязан не использовать в переводе.
3. Шаблон гlosсария возможно скачать в формате файла Excel, где атрибуты гlosсарной единицы структурированы в виде таблицы.

Исходя из вышесказанного, мы предлагаем включать в гlosсарную единицу следующие атрибуты:

- «Сфера» («Domain» в MateCat) – область науки или юриспруденции, отрасль промышленности и т. д., к которой относятся термины в составе гlosсария (в нашем случае это «Экономика»);

- «Область применения» («Subdomain» в MateCat) – узкоспециальная область, к которой относятся термины в составе глоссария (в нашем случае это «Инвестиции»);
- «Определение» («Definition» в MateCat) – словарное определение термина;
- «Термин на исходном языке» (сокращенно «de»);
- «Термин на переводящем языке» (сокращено «ru»);
- «Примечания» («Notes» в «MateCat») – атрибут применяется как для термина на исходном языке, и для его перевода;
- «Пример использования» («Example of use» в MateCat) – примеры использования термина на исходном и переводящем языках в полных предложениях из реальных текстов.

В таблице ниже приводится несколько примеров глоссарных единиц с атрибутами «Определение», «Термин на исходном языке», «Термин на переводящем языке» и «Пример использования» для термина на переводящем языке.

Таблица 1. Единицы немецко-русского переводческого глоссария экономических терминов в сфере инвестиций

Определение	de	ru	Пример использования
Любая криптовалюта, которая не является биткойном	Altcoin	аль-ткоин	Ethereum – это самый крупный альткоин, среди всех криптовалют он уступает по капитализации лишь биткоину.
Состояние финансового рынка, характеризующееся снижением цен	Bärenmarkt	медвежий рынок	CEO CryptoQuant считает, что в 2025 году начнется медвежий рынок.
Торговая стратегия, при которой инвестор ставит на снижение цены актива	Short	шорт	Южная Корея ввела запрет на шорты в трейдинге до 2024 года.

Предлагаемая структура переводческого глоссария обеспечивает понимание переводчиком значения терминов в сфере инвестиций и корректное использование в переводе с опорой на примеры. Такой подход отличается универсальностью и может применяться для составления как отраслевых, так и проектных переводческих глоссариев по любой тематике.

Библиографический список

1. Гринев-Гриневич С. В. Введение в терминологию: учебное пособие / С. В. Гринев-Гриневич. – М.: книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 224 с.

2. Юдина Т. В. Переводческий глоссарий vs. Словарь // Герценовские Чтения. Иностранные языки. Материалы конференции 28-29 апреля 2010 г. – СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2010. – С. 195.

3. MateCat [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.matecat.com/> (Дата обращения: март 2025).

R.A. Khrabrykh,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, rimma.khrabrykh@gmail.com

S.D. Rudevich,

St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, sonjaschmol@outlook.com

Specific translation from German to Russian language Economic terms in the sphere of investment

The article examines the features of compiling a translation glossary taking into account the specifics of the German and Russian term systems in the field of investment and proposes a variant of the translation glossary structure.

Key words: term, term system, translation glossary, glossary unit, glossary unit attributes

РАЗДЕЛ V. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПЕДАГОГИКИ И ЛИНГВОДИДАКТИКИ

УДК 372.881.111.1

К.Н. Антонова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, ksana-a@mail.ru

Н.Э. Горохова,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, negorokhova@mail.ru

В.А. Маевская,

Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, berserkstation@mail.ru

Развитие навыка осознанного восприятия информации в профессионально ориентированном тексте

В статье рассматривается необходимость развития способности обучающихся 1-2 курсов неязыкового вуза к пониманию информации, извлекаемой при чтении профессионально ориентированных иноязычных текстов, а также установлению связей, необходимых для осознанного восприятия материала.

Ключевые слова: осознанное восприятие, профессионально ориентированное чтение, иностранный язык, неязыковой вуз

Являясь инструментом образования, чтение составляет основу обучения иностранному языку для профессиональных целей. Одну из основных задач обучения авторы видят в необходимости научить студентов 1-2 курсов понимать и осознанно извлекать информацию, заложенную в текстах, которая является основой говорения. Находясь сегодня в постоянно меняющемся потоке информации (новости, комментарии, социальные сети, информационные сайты и пр.) значительная часть студентов, уровень владения английским языком которых от A2 до B1, сталкиваются с целым рядом трудностей, связанных с изменением типа мышления большинства студентов нового поколения – клипового или фрагментарного: такие студенты воспринимают окружающую действительность не как целостную картину, а как дискретные, разнородные объекты без связующих элементов, что препятствует возможности целостного восприятия информации и сказывается при чтении студентами профессионального текста и заложенного в тексте смысла, что в дальнейшем влияет на способности студентов к говорению.

Особенности мыслительной деятельности студентов нового поколения лежат в основе проблемы падения интереса к чтению целого текста и

связаны с нежеланием студентов тратить время на чтение, прилагать усилия вчитываться в текст для понимания его смысла.

Определенные решения этих проблем предлагались авторами ранее в одной из своих работ [1, с. 124].

Вопросы обучения чтению в рамках курса «Профессиональный иностранный язык» занимают важное место в психолого-педагогическом дискурсе. Теоретические аспекты обучения чтению профессионально ориентированных текстов рассматриваются в контексте таких научных понятий, как «психология обучения чтению», «информационный поиск», «когнитивные способности», «смысловое чтение» и пр. Важнейшая среди целей обучения языкам – формирование умения в процессе чтения извлекать информацию из графически зафиксированного текста [1, с. 376]. Смысловое чтение – это такое качество чтения текста, при котором обучающийся воспринимает осознанно информационный, семантический и идейный аспекты изучаемого материала. Восприятие смысловых полей и порождение новых смыслов, служит основой обучения (В.А. Сластенин, В.В. Сериков, И.С. Якиманская и др.). Работа по развитию навыка осмысливания информации начинается с разработки упражнений и отбора таких видов заданий, которые развивают внимание, кратковременную и долговременную память, ассоциативное и абстрактное мышление, необходимые для распознавания извлекаемой информации. К этому типу упражнений относятся расширение словарного запаса, без которого невозможна ориентация обучающихся в информационном иноязычном потоке, детализация информации посредством «5W+H» вопросов, важных для ее структуризации, вопросы к прочитанному тексту, необходимые для смысловой сегментации целого текста.

На этапе консолидации смысла проводится анализ внешней структуры текста, включающей заголовки, подзаголовки, графически выделенные слова, чтение с пометками. Для визуализации информации текста использовались ментальные карты, обучающие студентов видеть связи между отдельными смысловыми звенями.

Упражнения и репродуктивные задания, которые авторы предлагают в процессе работы над текстом, делятся по способу и направленности речевой деятельности: восприятие извлекаемой информации, осознанное понимание изучаемого текста, его смысловой анализ.

На первом этапе беглого чтения обучающийся получает ограниченную информацию о содержании профессионального текста, соответственно, важно подбирать задания на извлечение основной идеи текста, например:

1. *Read the text for general idea answering the question contained in the title of the text. Try to rely on the highlighted words that are really important for understanding.*

2. Identify the general topic of the text. Express the main idea in brief answering the question “What is the text about?” Use the following phrases from the Useful language box to introduce the idea.

За этим этапом следует внимательное чтение, работа непосредственно с текстовой информацией, содержащейся в каждом отдельном смысловом сегменте. Одной из задач учебной деятельности на этом этапе чтения является проверка понимания только что прочитанных абзацев текста.

3. Read the text for more details using the following strategic plan.

- *Read the text for the second time for details paying attention to the terms, professional words and phrases highlighted in the text.*

- *Underline the key idea (important facts) of each logical passage.*

- *Take notes: express in your own words the idea of the paragraphs of the text.*

- *Pay attention to the introductory phrases that make the text come alive.*

- *Find the paragraph that introduces the possibility of the action.*

- *Summarise the important facts of the text using the introductory phrases.*

Следующий этап – это обработка информации текста, в рамках которого важно научить студента реагировать на извлекаемую из текста информацию. Ниже приводится пример заданий:

4. Read the text again and insert the parts that are missing here. Revise the text carefully to be ready for test-translation.

5. With a partner, answer the questions.

6. Now split into small groups. Before discussing the questions below, read some more information from the expert’s report. Find as many new facts as possible. Tell the class what you have found.

7. What have you learnt from the texts above about the scope of laws?

Полученный опыт работы по привитию навыка осмысленного чтения свидетельствует о необходимости тщательного изучения личности студентов-первокурсников и составление психолого-педагогического портрета, определяющего выбор стратегии обучения. Для решения проблемы качества обучения в многоуровневых группах авторы использовали принцип посильности (трудоемкости) задания, адаптируя их под соответствующий уровень знаний студентов. Полагаясь на тот факт, что клиповое мышление – неизбежный феномен действительности, уже присутствует в жизни, следует использовать его положительные качества:

1. Сохранение мозга от информационных перегрузок (подбирать тексты небольшого объема, фабульные, применять метод активного чтения переходя от одного фрагмента к другому).

2. Способность к многозадачности можно реализовать применением интерактивных заданий, в которых используется необходимость читать

текст и задавать вопросы на осмысление (типа «reading out aloud» и пр.). Включение в занятия цифровых ресурсов: онлайн языковые игры, чаты и общение с ботами в значительной мере привьет интерес к занятиям по обучению осмысленному пониманию.

Учитывая особенности студентов нового поколения, следует, как показывает опыт, изменить способы подачи информации: иначе структурировать текст, принимая во внимание фрагментарность восприятия студентов, изменить формат изложения, использовать больше образной работы, включающей интеллектуальные карты, форумы и пр. Исходя из вышесказанного, формирование навыка осмысленного чтения профессионально-ориентированного текста определяет соответствующие цели обучения и организацию образовательного процесса с использованием цифровых ресурсов.

Библиографический список

1. Горохова Н.Э., Маевская В.А., Налётова Н.И. Чтение как основа учебного процесса / Н.Э. Горохова, В.А. Маевская, Н.И. Налётова // Профессионально-ориентированное обучение языкам: реальность и перспективы: сборник статей Ежегодной международной науч. интерактивно-практической конференции. Санкт-Петербург, 16-17 февраля 2022 г. – СПб.: СПбГЭУ, 2022. – С. 122-128.
2. Щукин А.Н. Лингводидактический энциклопедический словарь / А.Н. Щукин. – М.: Астрель: ACT: Хранитель, 2008. – 746 с.

K.N. Antonova,

St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia, ksana-a@mail.ru

N.E. Gorokhova,

St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia, negorokhova@mail.ru

V. Mayevskaya,

St. Petersburg State University of Economics,
St. Petersburg, Russia, berserkstation@mail.ru

Conscious perception of information in a professionally oriented text: developing the skill

This article deals with the need to develop the ability of 1st-2nd year students of non-linguistic university to understand information taken from reading professionally oriented foreign language texts and to establish connections necessary for conscious perception of the material as well.

Key words: conscious perception, professionally oriented reading, foreign language, non-linguistic university

УДК 800

Н.В. Гуль,Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, gulnawl@mail.ru

Использование аутентичных материалов на занятиях по немецкому языку на гуманитарных факультетах

В статье рассматривается понятие «аутентичные материалы» и предлагается методически обоснованное использование календаря Гёте-института на занятиях по немецкому языку на гуманитарном факультете неязыкового вуза.

Ключевые слова: межкультурная коммуникативная компетенция, аутентичные материалы, гуманитарный факультет, немецкий язык, календарь Гёте-института

В настоящее время целью обучения студентов гуманитарного факультета заключается в подготовке специалистов, способных осуществлять профессиональную деятельность в условиях межкультурного взаимодействия на иностранном языке. Формирование межкультурной коммуникативной компетенции в условиях неязыкового вуза осуществляется посредством работы с аутентичными материалами [3].

В методике обучения иностранному языку понятие «аутентичные материалы», появившееся недавно, имеет разные определения, но традиционно трактуется следующим образом: это материалы, созданные носителями языка и нашедшие свое применение в учебном процессе, который ориентирован на коммуникативное обучение иностранному языку за пределами родной языковой среды [1]. Кроме того, речи идет не просто об использовании аутентичного материала на занятии, а о необходимости сделать процесс работы над этим материалом аутентичным, таким образом, аутентичность создается во взаимодействии обучающегося с аутентичным материалом, а соответственно, работа над аутентичным материалом представляет собой коммуникативную деятельность [2].

Анализ отечественной и зарубежной методической литературы выявил большой потенциал привлечения аутентичных материалов в качестве средства обучения немецкому языку.

При организации занятий по немецкому языку требуются современные материалы, основанные на актуальной аутентичной информации, исходя из требований личностно-ориентированного и культурологического подходов.

К современным аутентичным материалам, которые можно использовать на занятиях по немецкому языку на гуманитарном факультете неязыковых вузов мы можем отнести:

- Проект Deutschland. Kennen. Lernen (Германия. Знать. Учиться) (использует приложение для смартфона в качестве познавательной игры с погружением в мир дополненной реальности)

- Журнал Vitamin.de (представляет тексты по разным темам для изучающих немецкий язык)
- Deutschlandlabor (предлагает серию видеороликов о распространенных клише про немецкое общество)
- Ежегодный календарь Гёте-института [4].

В каждом календаре, посвященном определенной теме, представлены актуальные аутентичные материалы. Календарь 2025 представляет собой ценную информацию, объединенную темой «Искусственный интеллект» и включающую 12 разделов: понятие искусственного интеллекта (ИИ), примеры генеративного ИИ, разработка фирмы Open AI, образование, мир труда, креативность, игры, исследования, утопии и антиутопии, этика, риски, шансы. Методическая ценность данного материала состоит не только в текстах и карикатурах, но и в дополнительных материалах и заданиях, направленных на развитие таких видов речевой деятельности, как чтение, говорение и письмо. Особое задание можно предложить студентам направления обучения «Лингвистика», изучающим английский язык в качестве первого иностранного и немецкий – в качестве второго иностранного языка: составить обширный словарь по теме «Искусственный интеллект» на немецком языке с переводом на английский язык. В работе с карикатурами можно предложить не просто описание картинки: Робот с надписью «Chat GPT» спрашивает у Джона Леннона: «Можно мне исполнить новую песню Битлз?», но и поразмышлять об этических проблемах, связанных с ИИ. Следует познакомить студентов с тем фактом, что 21 мая 2024 года появился первый в мире закон, регулирующий обращение с ИИ.

При изучении темы «Презентация фирмы» можно предложить ознакомиться с основными вехами американской фирмы Open AI, разработавшей и представившей Chat GPT. Однако наибольший интерес представляет задание, которое можно предложить таким направлениям обучения гуманитарного факультета, как «Международные отношения» и «Зарубежное регионоведение», дискуссия по актуальным вопросам: способна ли машина к настоящей креативности, как изменится мир труда в связи с ИИ, каковы риски деятельности ИИ и какие шансы дает ИИ. Следует отметить, что аутентичный материал составлен из мнений школьников, студентов, философов, преподавателей и писателей, а также Chat GPT. Кроме того, в качестве аутентичного материала представлен список исследовательских центров Германии, связанные с разработкой ИИ, список научно-фантастических фильмов об ИИ с 1927 по 2023 гг.

Такой аутентичный материал дает возможность преподавателям сделать занятия не только более интересными и содержательными с точки зрения живого иностранного языка, но и способствовать тому, чтобы студенты могли узнавать культурные особенности страны изучаемого языка. Однако стоит помнить, что не каждый аутентичный материал будет эффективным

в процессе обучения и должен соответствовать уровню владения языком и личным интересам обучающихся.

Библиографический список

1. Богданова Ю.З. Использование аутентичных материалов в преподавании немецкого языка в неязыковом вузе / Ю.З. Богданова // Гуманитарные и социальные науки. – Южный федеральный университет. – 2019. – №2. – С. 250-258.
2. Елисеева А.А., Миханова А.А., Стуколова Е.А. Использование аутентичных материалов на уроке иностранного языка как способ формирования коммуникативной компетенции обучающихся / А.А. Елисеева, А.А. Миханова, Е.А. Стуколова // Воспитание и развитие личности в современном социуме. – Вестник Саратовского областного института развития образования. – 2020. – №2 (22). – С. 18-22.
3. Минеева О.А., Жулина Е.В. Технология работы с аутентичными текстами, содержащими социокультурный компонент, на занятиях по немецкому языку в неязыковом вузе / О.А. Минеева, Е.В. Жулина // Известия Балтийской гос. академии рыбопромышлового флота. – 2016. –№1 (35). – С. 71-77.
4. Ежегодный календарь Гёте-института [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.goethe.de/ins/ru/ru/spr/mag/25711766.html> (Дата обращения: 17.02.2025).

N.W. Gul,
St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, gulnawl@mail.ru

The use of authentic materials in German language classes at humanities faculties

The article considers the concept of "authentic materials" and proposes a methodologically justified use of the Goethe-Institut calendar in German language classes at the humanities faculty of a non-linguistic university.

Keywords: intercultural communicative competence, authentic materials, humanities faculty, German language, Goethe Institute calendar

УДК 372.881.111.22

Е.Н. Елистратова,
Санкт-Петербургский государственный экономический университет,
Санкт-Петербург, Россия, e.elistratova@bk.ru

Использование интерактивных методов обучения иностранным языкам

В статье рассмотрены интерактивные методы обучения иностранному языку. Автор подчеркивает значимость использования данных методов в учебном процессе.

Ключевые слова: интерактивное обучение, интерактивные методы обучения, учебный процесс

Сегодня федеральный государственный образовательный стандарт предъявляет высокие требования к обучающимся. Студенты становятся активными участниками учебного процесса. Одним из методов стимулирования на активную работу и активное участие на занятиях иностранного языка является интерактивный метод обучения. Это вид обучения основан на взаимодействии не только между преподавателем и обучающимися, но и между группами или отдельными студентами [1]. Интерактивные формы работы помогают преподавателю увлечь обучающихся занятием, заинтересовать их на активное участие, командную работу и получение результата.

Современная педагогика [1; 2; 3] предлагает следующие интерактивные методы обучения.

«Мозговой штурм». Данный метод обычно проводится в рамках групповой работы, помогающей развивать творческое мышление. Студенты рассматривают ситуацию с разных сторон, предлагают новые пути решения проблемы. «Мозговой штурм» помогает взаимодействовать друг с другом и, что не менее важно, учиться друг у друга.

«Обведи вопрос». Преподаватель готовит лист со списком вопросов по обсуждаемой теме и просит обучающихся обвести кружком те, на которые они не знают ответов. Затем преподаватель просматривает отмеченные вопросы и создает группы по этим вопросам. Каждый студент имеет возможность получить ответ в той группе, в которой другие студенты знают ответ на этот вопрос, и разъясняют смысл вопроса. При использовании данного метода также происходит взаимодействие между обучающимися. Студенты учатся доступно, лаконично доносить друг другу смысл информации, требующей ответа.

«Ролевая игра». Применение данного метода способствует развитию креативности, умению найти выход из трудных ситуаций.

«Оптимист/пессимист». В парах обучающиеся слушают противоположные друг от друга точки зрения на определенную проблему. В итоге обсуждения должно быть принято объективное решение данной проблемы.

«Принудительные дебаты». Дебаты проходят в парах. Студенты должны отстаивать противоположную их личному мнению точку зрения. Таким образом, они учатся дистанцироваться от своих собственных убеждений и смотреть время от времени на проблему сквозь разноцветное стекло.

«Написание рецензии». Чтобы помочь студентам с выполнением письменного задания – написанием сочинения, преподаватель предлагает студентам поделиться друг с другом черновиками. Каждый читает сочинение друг у друга и пишет ответ, состоящий из трех абзацев: в первом абзаце излагаются сильные стороны сочинения, во втором абзаце обсуждаются его слабые стороны и в третьем абзаце предлагаются способы решения проблемных мест. Таким образом, студенты могут многому научиться друг у друга, а также у самих себя.

Таким образом, использование интерактивных методов обучения иностранному языку способствует развитию самостоятельности, творческого мышления обучающихся, коммуникативных умений для обмена опытом на иностранном языке, умений всесторонне анализировать информацию и делать обоснованные выводы, а также более глубокому усвоению материала.

Библиографический список

1. Королёва Н.М. Роль интерактивного обучения в современном образовании [Электронный ресурс] / Н.М. Королёва, И.В. Костерина // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. – 2015. – № 1 (33).
2. Мелькаева Р.В. Интерактивные методы обучения английскому языку / Р.В. Мелькаева, А.М. Радин // Международный научный журнал «Символ науки». – 2017. – № 12. – С. 147-149.
3. Knapen R. 20 interaktive Unterrichtsaktivitäten für das interaktive Klassenzimmer [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.bookWidgets.com/blog/de/2023/06/20-interaktive-aktivitäten-für-das-interaktive-klassenzimmer> (Дата обращения: февраль 2025).

E.N. Elistratova,
St. Petersburg State Economic University,
St. Petersburg, Russia, e.elistratova@bk.ru

Using interactive methods of teaching foreign languages

The article sees into interactive methods of teaching foreign languages. The author emphasizes the importance of using these methods in the learning process.

Key words: interactive teaching, interactive teaching methods, learning process

УДК 378.147.34

Л.В. Круглова,
Томский государственный педагогический университет,
Томск, Россия, kruglik@tspu.ru

П.Ю. Лялина,
Томский государственный педагогический университет,
Томск, Россия, lialina_polina@mail.ru

Преподавание дисциплины «Иностранный язык» в контексте компетентностно-деятельностного подхода

В статье анализируется место и функции учебной дисциплины «Иностранный язык» в системе высшего образования РФ в контексте компетентностно-деятельностной модели. Обосновывается смена методического фокуса при моделировании учебного занятия и рассматриваются некоторые актуальные приемы работы со студентами.

Ключевые слова: планируемый образовательный результат, компетентностно-деятельностный подход, педагогическая технология, методический прием “Dubbing” и “StandUp”

Задача любой вузовской системы заключается в подготовке конкурентоспособного специалиста, готового решать профессиональные задачи на высоком уровне. «Идеальный» образ выпускника высшей школы, способного к выполнению трудовых функций и обладающего определенным набором личностных характеристик и качеств, формируется в рамках освоения дисциплин рабочего учебного плана. Другими словами, от характера организации и содержания учебной дисциплины зависит качество достижения студентами образовательных результатов, выраженных в терминах универсальных, общепрофессиональных и профессиональных компетенций. Более подробно проанализируем возможности дисциплины «Иностранный язык» в контексте достижения планируемых результатов.

Анализ действующих стандартов (ФГОС ВО) и учебных планов разных вузов по подготовке бакалавров, специалистов или магистров показал, что «Иностранный язык» («Иностранный язык в профессиональной сфере», «Практикум по иностранному языку в профессиональной сфере» и пр.) как правило закрывает одну универсальную компетенцию УК-4. Формулировки компетенции для разных уровней хотя и не идентичны, они имеют общую смысловую доминанту (табл. 1).

В планируемом результате заложена идея обучения профессионально-ориентированному иностранному языку, и речь идет о развитии иноязычной коммуникативной компетенции в моделируемых ситуациях общения, приближенных к условиям будущей профессиональной деятельности.

Табл. 1. Формулировки УК-4 на разных уровнях образования

Наименование компетенции	Уровень образования	Формулировка компетенции
УК-4	бакалавриат	Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)
УК-4	специалитет / магистратура	Способен применять современные коммуникативные технологии, в том числе на иностранном(ых) языке(ах), для академического и профессионального взаимодействия

«Иностранный язык» в системе высшего образования РФ входит в обязательную часть образовательной программы. Вузы вправе самостоятельно определять количество зачетных единиц на курс обучения, при этом из 4 – 6 зачетных единиц на контактную работу приходится не более 40% от общего количества часов, что подчеркивает необходимость грамотной и эффективной организации самостоятельной работы студентов.

В традиционной образовательной парадигме цели и планируемые результаты обучения формулировались в виде ЗУН. Реальность XXI века определила новый характер образовательного процесса, придав ему больше прикладную направленность. В тезисе «знаю, как ...» заключена идея деятельностного подхода в обучении.

Еще одной важной причиной смены «методического фокуса» по вопросам моделирования учебного занятия по иностранному языку является тот факт, что методы, приемы, средства, которые были востребованы в прошлом веке, к сожалению, малоэффективны для современных студентов, предпочитающих виртуальный мир реальному, живущих «здесь и сейчас», больших прагматиков и индивидуалистов [3].

Уже на уровне целеполагания преподаватель должен определиться с педагогическими технологиями, активно используемыми в учебном процессе. Среди них технология проблемного обучения, кейс-стади, информационно-коммуникационные технологии, проектная технология, обучение в сотрудничестве. Все перечисленные технологии обладают безусловно общими чертами: они относятся к технологиям деятельностного типа; занятия похожи по своей структуре, в основе лежат одни и те же принципы активизации речевысказывательной деятельности обучающихся, они характеризуются вовлеченностью в процесс познания, интерактивностью.

Обозначенные выше технологии реализуются через активные методы и приемы. Рассмотрим два из них: 1) техника “dubbing” как инструмент со-

вершенствования навыков устной речи, 2) использование жанра “StandUp” в обучении монологической речи.

“Dubbing” (в переводе «дублирование») представляет собой методический прием, основывающийся на повторном воспроизведении аудиовизуального материала. При этом обучающимся необходимо синхронизировать свою речь с речью носителей языка в используемых видеоматериалах.

К основным принципам данного приема относятся: 1) глобальность – предложение является единицей обучения, восприятие и воспроизведение которого должно носить глобальный характер, 2) устное опережение, 3) беспереводность – исключение использования родного языка, 4) ситуативность, 5) функциональность – используемый языковой материал соответствует тематике общения и предполагает его дальнейшее практическое использование в речи [1, с. 23].

Техника “Dubbing” способствует совершенствованию умений спонтанного говорения и повышению беглости речи. Имитация речи носителя позволяет закрепить клишированные структуры, что в дальнейшем автоматически и неосознанно воссоздается в ситуациях спонтанной речи самих студентов.

Даббинг – эффективный прием саморегуляции и рефлексии учебной деятельности. С помощью данного инструмента студенты могут записывать свои выступления, открывая возможность для анализа и мониторинга воспроизведенного текста. Самокоррекция, полученная через сравнение записанной речи с аудио оригиналом, помогает выявить типичные ошибки и отследить текущий прогресс.

Еще одним интересным, на наш взгляд, способом совершенствования навыков устной монологической речи является использование жанра “StandUp” (в переводе стендап-комедия) в практике преподавания. Стендап-комедия – это «современный юмористический жанр, в котором автор выступления-монолога представляет короткие шутки и импровизирует с аудиторией» [2, с. 1].

К преимуществам создания и представления обучающимися текстов в стиле стендап-комедии можно отнести комплексный характер педагогических эффектов: совершенствование умений говорения, аудирования и письма, приобретение опыта публичных выступлений, приобщение к культуре стран изучаемого языка через знакомство с творчеством англоязычных комиков, эмоциональная вовлеченность и высокая мотивированность обучающихся за счет обращенности к личности и жизненному опыту студента, создание условий для его самореализации и раскрытия творческого потенциала. Обсуждение выступлений участников также способствует развитию умений дискутировать, анализировать и рефлексировать.

Создание монолога-стендапа обучающимися требует поэтапной и планомерной работы. Студентов необходимо ознакомить с основными правилами написания смешной истории, дать представление о типах шуток, способах и техниках создания комического эффекта. Далее следует обучающимся познакомить с англоязычными стендап-комиками, разобрать их тексты. На этапе «проба пера» преподаватель может предложить тему для создания группового шуточного текста, который необходимо будет обсудить по разработанным для этой цели критериям. На заключительном этапе проходят индивидуальные самопрезентации с обязательной обратной связью и саморефлексией.

Организация учебных занятий по дисциплине «Иностранный язык» в логике компетентностно-деятельностного подхода с использованием соответствующих методов, техник и приемов деятельности типа позволит выпускнику вуза, вступающему в профессиональную жизнь, научиться работать с большими объемами информации и применять знания для решения нестандартных задач, быстро адаптироваться к изменяющимся условиям, обладать целым комплексом компетенций, востребованных современным рынком труда.

Библиографический список

1. Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам) / Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин. – Москва: ИКАР, 2009. – 472 с.
2. Гальцов П.И. Типология сюжетов шуток в жанре стендап-комедии / П.И. Гальцов // Русский лингвистический бюллетень. – 2023. – № 1(37).
3. RUGENERATIONS–Российская школа теории поколений [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rugenerations.su> (Дата обращения: 28.02.2025).

L.V. Kruglova,
Tomsk State Pedagogical University,
Tomsk, Russia, kruglik@tspu.ru

P.Yu. Lyalina,
Tomsk State Pedagogical University,
Tomsk, Russia, lialina_polina@mail.ru

The teaching of the discipline “Foreign Language” in the context of the competency-based and activity-oriented approach

The article analyzes the place and functions of the academic discipline “Foreign Language” in the system of higher education in the Russian Federation within the context of the competency-based and activity-oriented model. It justifies the shift in the methodological focus when designing a lesson and examines some current techniques for working with students.

Key words: intended educational outcome, competency-based and activity-oriented approach, pedagogical technology, teaching techniques “Dubbing” and “StandUp”

УДК 372.881.111.1

Н.В. Полякова,
Томский государственный педагогический университет,
Томск, Россия, nvp@tspu.ru

Формирование переводческой компетентности у обучающихся на занятиях и во внеаудиторной деятельности

В статье анализируется термин «переводческая компетентность», рассматриваются её конституенты, анализируются возможности и способы привлечения представителей профессионального сообщества – работодателей к процессу формирования переводческой компетентности обучающихся, сопоставляется потенциал учебной и внеаудиторной деятельности в отношении формирования анализируемой компетентности.

Ключевые слова: переводческая компетентность, конституенты, учебная деятельность, внеаудиторная деятельность, работодатели, вебинары

Интенсификация торговых, экономических, культурных связей неизбежно влечет за собой увеличение объема переводимых материалов и как следствие, усиление потребности в высококвалифицированных переводческих кадрах. Изменение социального заказа общества не могло не оказать влияние на подготовку будущих переводчиков. В образовательный процесс был внесен ряд корректива: с одной стороны, изменения коснулись документации, регулирующей процесс подготовки будущих переводчиков, с другой стороны, изменения коснулись и содержательной стороны учебного процесса.

Специфика подготовки специалистов в области перевода состоит, в том числе, и в формировании у них переводческой компетентности, обеспечивающей способность и готовность осуществлять профессиональную деятельность в области перевода и переводоведения [3].

Специалисты по дидактике перевода выделяют следующие конституенты переводческой компетентности: межкультурную коммуникативную; специальную; социальную; личностную [1, 2].

На формирование переводческой компетентности влияет целый ряд факторов: отбор учебных материалов, выбор технологий обучения, способов и форм работы. Очевидно, что существует потребность в поиске новых методов, технологий, приемов обучения и т.п.

Одним из возможных путей повышения качества подготовки переводчиков является формирование переводческой компетентности на занятиях по теоретическим и практическим дисциплинам по переводу в tandemе с представителями профессионального сообщества – работодателями.

Знакомство обучающихся с переводческой деятельностью начинается на занятиях по дисциплине «Введение в профессию». Полученные знания закрепляются на лекциях по «Предпереводческому анализу текста», «Теории перевода» и на практических занятиях по «Практическому курсу перевода первого иностранного языка», «Практическому курсу второго иностранного языка», «Переводу деловой документации», «Переводу технической документации», «Переводческой скорописи» и др.

Основной целью преподавания теоретических дисциплин является овладение обучающимися терминологическим аппаратом переводоведения, актуальными концепциями, технологиями и приемами перевода. На формирование навыков нацелены практические дисциплины, на которых осуществляется моделирование реальных задач, с которыми сталкивается переводчик в своей деятельности, показываются пути преодоления когнитивного диссонанса, осуществляется овладение переводческим инструментарием в различных видах перевода: от устного последовательного, синхронного до письменного перевода художественных текстов. Учебная переводческая и производственная переводческая практики также способствуют формированию переводческой компетентности обучающихся и осуществляются на предприятиях, в организациях и учреждениях.

На формирование межкультурной коммуникативной компетенции – одной из составляющих переводческой компетентности – направлены такие дисциплины как «Иностранный язык», «Введение в теорию межкультурной коммуникации», «Фонетика», «Практическая грамматика», «Практика речи», «Культурология», «Практический курс второго иностранного языка», «Лингвострановедение и страноведение»

Все эти дисциплины в тандеме с остальными дисциплинами рабочего учебного плана формируют конституенты переводческой компетентности, поскольку невозможно осуществлять подготовку переводчика без высокого уровня владения рабочими языками, без владения современными информационно-коммуникационными технологиями, без наличия таких личностных качеств как стрессоустойчивость, пунктуальность, толерантность, способность действовать в условиях неопределенности и т.д.

Для успешного формирования переводческой компетентности осуществляется взаимодействие кафедры перевода и переводоведения с представителями профессионального сообщества, в том числе и с различными переводческими компаниями. Это взаимодействие имеет не только традиционные формы (приглашение работодателей на государственную итоговую аттестацию выпускников, участие обучающихся в различных конкурсах по устному и письменному переводу, организуемых различными крупными компаниями и т.д.), но и инновационные. Для повышения качества подготовки обучающихся переводческие компании-партнеры проводят ве-

бинары по актуальным аспектам перевода и переводоведения, входящим в рабочую программу учебных переводческих дисциплин по направлению 45.03.02 Лингвистика, направленность (профиль) Перевод и переводоведение и специальность 45.05.01 Перевод и переводоведение. Это позволяет «включить» работодателей в учебный процесс, выстроить прямой диалог между работодателями и обучающимися.

В 2024/2025 учебном году обучающиеся приняли участие во Всероссийском марафоне вебинаров по кинопереводу и локализации: «Хочу в локализацию игр: с чего начать, если нет опыта», «Единый мир от комикса до сериала», «Письмо из Хогвартса для переводчика», «Спасем вымышленный мир вместе! Как не разрушить дораму в жанре фэнтези плохим переводом?».

Организаторами и спикерами марафона выступили эксперты Школы аудиовизуального перевода (г. Москва).

Специально для студентов ТГПУ эксперты ШАП провели два мастер-класса по аудиовизуальному переводу: «Зачем учиться переводить стендап?», «АВП как светлое будущее профессии переводчика».

Данные мероприятия стали площадкой для взаимодействия обучающихся с представителями переводческой отрасли. Для студентов это была возможность не только расширить свои знания, но и задать вопросы практикующим переводчикам с большим опытом в сфере локализации и адаптации аудиовизуального контента.

В марте 2025 года запланирован новый цикл вебинаров от Школы аудивизуального перевода: «Недетский юмор в детских мультфильмах», «Вот такая история с географией. Ошибки в передаче корейских топонимов и подводные камни перевода сагыков», «Зачем переводчику с английского другие языки?», «Перевод обсценной лексики».

Вебинары позволяют работодателям содержательно влиять на повышение качества подготовки будущих переводчиков.

Подводя итог, следует отметить, формирование переводческой компетентности у обучающихся должно осуществляться не только на занятиях по теоретическим и практическим дисциплинам, предусмотренным рабочим учебным планом, но и во внеаудиторной деятельности с широким вовлечением представителей профессионального сообщества в процесс подготовки обучающихся. Консолидация усилий преподавателей перевода и представителей переводческой отрасли позволит обеспечить подготовку конкурентоспособных кадров.

Библиографический список

1. Васильева Е.Н. Формирование профессиональных компетенций у будущих переводчиков / Е.Н. Васильева, Е.Н. Громова, Н.С. Курникова // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковleva. 2014. – С. 141-148.

2. Полякова Н.В. Формирование базовой составляющей переводческой компетенции у обучающихся на занятиях по теме перевода / Н.В. Полякова // Развитие педагогического образования в России: материалы II Всероссийской научно-методической конференции с международным участием. Томск: изд-во ТГПУ, 2019. – С. 48-52.

3. Толковый переводоведческий словарь. – 3-е изд., перераб. – Москва: Флинта; Наука, 2003. – 320 с.

N.V. Polyakova,
Tomsk State Pedagogical University,
Tomsk, Russia, nvp@tspu.ru

Development of translation competence among students in classes and extracurricular activities

The article analyses the term ‘translation competence’, considers its constituents, analyses the possibilities and ways of involving representatives of the professional community – employers in the process of development of students’ translation competence, compares the potential of class and extracurricular activities in relation to the development of the analysed competence.

Keywords: translation competence, constituents, class activities, extracurricular activities, employers, webinars.

УДК 378: 811

И.П. Селезнева,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Россия, mixculture@mail.ru
А.С. Майер,
Красноярский государственный педагогический университет
им. В.П. Астафьева, Россия, angeldan0302@mail.ru

Камишибай-театр как средство развития иноязычных речевых навыков студентов вуза

В статье рассматривается методический потенциал применения лингво-театральной технологии камишибай-театр (разговорный театр) при обучении английскому языку в вузе. Приведены примеры языковых, условно-речевых и речевых упражнений и заданий по постановке речи, направленных на развитие речевых навыков обучающихся.

Ключевые слова: иноязычная речь, лингво-театральные технологии, камишибай-театр, английский язык, студент

Проблемы формирования и развития речевых навыков на занятиях по иностранному языку в вузе могут быть решены за счет привлечения твор-

ческой деятельности студентов и использования интерактивных методов обучения иностранным языкам [4]. Навыки говорения и аудирования развиваются в ходе обсуждения прочитанного материала, на площадках панельных дискуссий, при проведении форсайт-сессий. Слуховое восприятие играет фундаментальную роль для осуществления процесса межкультурной коммуникации [3, с. 290].

Все большую популярность получает применение особых форм лингво-театрального взаимодействия, которые способствуют активизации речемыслительной деятельности личности [2]. Лингво-театральные технологии позволяют снять психологический барьер, затрудняющий реализацию речемыслительных операций в деятельности: обучающийся произносит заранее подготовленный текст от имени персонажа, моделирует ситуации межкультурного взаимодействия в рамках сценических диалогов.

Недостатков лингво-театральных технологий (отсутствие спонтанности речи, «привязка» к характеру роли, зависимость результата постановки от актерского мастерства исполнителей, необходимость наличия декораций, костюмов и т.д.) лишена технология использования японского разговорного театра «камишибай», который представляет собой яркое, образное повествование рассказчика с опорой на иллюстрации, живой, активный диалог со зрителями [1]. Для рассказчика камишибай-театра нужен только картонный или деревянный ящик и сменные картинки-декорации; при желании можно использовать плоские (силуэтные) фигурки или кукол. Рассказчик может опираться при повествовании на скрипт (сценарий), но диалог с публикой все равно рано или поздно заставит его отступить от сценария и перейти к спонтанной, неподготовленной речи.

В статье рассматривается применение элементов камишибай-театра на практических занятиях по иностранному языку для студентов младших курсов факультета иностранных языков КГПУ им. В.П. Астафьева (г. Красноярск). В 2024 г. в рамках празднования 100-летнего юбилея В.П. Астафьева в вузе проводилось большое количество мероприятий, посвященных известному писателю. На факультете работали творческие мастерские, в том числе ориентированные на переводы малой прозы В.П. Астафьева на английский и немецкий языки. Результатом работы одной из творческих мастерских на 3 курсе стало сценическое воплощение рассказа В.П. Астафьева «Конь с розовой гривой» на английском языке в технике камишибай-театра.

Особое внимание при работе с текстом произведения на занятиях по практике языка уделялось формированию и развитию умений и навыков

монологической и диалогической иноязычной речи. Конечной задачей обучающихся являлось овладение различными композиционно-речевыми формами, умением выстраивать логическую последовательность рассказа, общаться с аудиторией, используя (или имитируя) разговорную речь.

Упражнения и задания, которые использовались на подготовительном этапе, включали как ставшие традиционными фонетико-фонологические и лексико-грамматические упражнения, так и задания из картотеки школы актерского мастерства (упражнения на развитие дыхания, на дикцию, на переключение органов артикуляционного аппарата, на развитие и укрепление артикуляционных мышц).

Языковые, условно-речевые и речевые упражнения обеспечили подготовку к спонтанному рассказу и общению с публикой (задания по преобразованию в прямую речь и в косвенную; выстраивание высказывания по аналогии; расспрос и переспрос). Упражнения на аудирование были призваны снять трудности восприятия чужой речи (речи публики) на слух (прослушать ряд фраз и назвать ситуации, в которых возможно их употребление; прослушать несколько фраз и соединить их в одно предложение; прослушать фразу и добавить к ней еще одну, подходящую по смыслу).

Для определения уровня развития речевых навыков обучающихся до и после проведения эксперимента использовался тест, измеряющий базовые лингвистические компетенции (задания на понимание речи на уровне отдельных слов и фраз, морфосинтаксиса и текста; задания на порождение речи на уровне отдельных слов и фраз, морфосинтаксиса и текста). По результатам теста отмечена положительная динамика развития у всех участников творческой мастерской, работавшей с техникой камишибай-театра: понимание речи на уровне отдельных слов и фраз возросло с 42% до 56%; морфосинтаксис имеет показатели 54% (ранее – 35%); текст – 48% (ранее – 32%). Порождение речи улучшилось в среднем на 15%.

Все вышесказанное позволяет сделать вывод об эффективности применения лингво-театральной технологии камишибай-театр для развития иноязычных речевых навыков студентов младших курсов вуза. Определенный интерес представляет апробация данной технологии в процессе обучения иностранному языку студентов старших курсов, что может являться дальнейшей перспективой исследования.

Библиографический список

1. Нельзина Е.Н., Смирнова Е.А. Камишибай-театр как средство развития метапредметных и иноязычных коммуникативных умений учащихся начальной школы / Е.Н. Нельзина, Е.А. Смирнова // Проблемы романо-германской филологии, педагогики и методики преподавания иностранных языков. – 2018. – №14. – С.176-180.

2. Осиянова О.М., Кононова М.С. Театральная технология в образовательном процессе высшей школы: лингводидактический аспект / О.М. Осиянова, М.С. Кононова // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2019. – №4 (222). – С.25-31.

3. Таканова О.В. Развитие коммуникативных навыков при обучении иностранному языку в вузе / О.В. Таканова // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – №81 (3). – С.289-292.

4. Юсупова Л.Г., Кабанов А.М., Желтова Е.П. Развитие навыков устной речи на иностранном языке у студентов неязыковых вузов / Л.Г. Юсупова, А.М. Кабанов, Е.П. Желтова // Педагогическое образование в России. – 2018. – №1. – С.84-92.

I.P. Selezneva,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev,
Krasnoyarsk, Russia, mixculture@mail.ru

A.S. Mayer,

Krasnoyarsk State Pedagogical University named after V.P. Astafiev.
Krasnoyarsk, Russia, angeldan0302@mail.ru

Kamishibai theater as a means of developing foreign language speech skills of university students

The article examines the methodological potential of using the linguistic and theatrical technology kamishibai theater (spoken theater) when teaching English at a university. Examples of language, conditional speech and speech exercises and speech production tasks aimed at developing students' speech skills are given.

Key words: foreign language speech, linguistic and theatrical technologies, kamishibai theater, English language, student

УДК 81.23

М.Г. Федюковская,

Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия, margfe@mail.ru

Психологические аспекты формирования иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции

Автор анализирует некоторые психологические вопросы формирования иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции. Рассматривается преемственность психолингвистического и лингводидактического подходов в отечественной науке. При формировании профессионально-ориентированной лексической компетенции необходимо учитывать когнитивные процессы, прямо влияющие на качественное усвоение иноязычного вокабуляра.

Ключевые слова: компетенция, коммуникативная компетенция, внимание, запечатление информации, запоминание, иноязычная профессионально-ориентированная лексическая компетенция

Особенности формирования профессионально-ориентированной иноязычной лексической компетенции всегда находились и продолжают находиться в центре внимания исследователей различных научных дисциплин, в частности, психологов [2]. Среди многочисленных отечественных теорий, подходов и концепций психологической составляющей обучения и усвоения лексики иностранного языка представляется особо важной психолого-методическая концепция Б.В. Беляева, разработанная в 1940-60-е годы [4].

Основные положения данной концепции сводятся к признанию главенствующего положения психологии над языкоznанием в методике преподавания иностранных языков. По мнению Б.В. Беляева, необходимо изучать психологические процессы и закономерности, которые лежат в основе владения иностранным языком, и на их базе разработать метод, приемы и способы обучения иностранным языкам. Следуя психологическому пониманию процесса обучения А.Н. Леонтьевым, П.Я. Гальпериным, Д.Б. Элькониным, Б.В. Беляев утверждал, что иноязычная речевая деятельность является психологическим процессом, а не лингвистическим [4]. В связи с этим подчеркивается практическая необходимость разграничения языка, речи и речевой деятельности. Автор различает теоретическое и практическое знание языка, обращая внимание на то, что теоретические знания о языке не гарантируют формирования речевых навыков. Теоретические знания необходимо переводить в практические путем постоянной речевой иноязычной практики, при этом не забывая развивать мышление на иностранном языке. Таким образом, обсуждается мысль о том, что занятие по иностранному языку должно быть занятием не о языке, а на языке, что особенно актуально в лингвистическом профессиональном образовании [5].

Переходя от общих положений концепции к частным, а именно, к усвоению лексики в соответствии с психолого-методическими взглядами Б.В. Беляева, стоит упомянуть о таких составляющих слова, как его значение, понятие и смысл. Понятие определяется его содержанием, т.е. совокупностью общих признаков, и его объемом, т.е. количеством сходных или однородных предметов, которые охватываются данным понятием. Слово необходимо для того, чтобы в сознании человека образовалось то или иное понятие. Таким образом, подчеркивается единство и различие слова и понятия. Слово является внешней языковой оболочкой, т.е. чисто лингвистическим феноменом, в то время как понятие представляет из себя то, что мыслится человеком, т.е. чисто психологическим феноменом.

При психологическом обосновании методики возникает потребность пояснить учащимся понятия, которые выражаются иноязычными словами (теоретические знания) в целях формирования понятий в сознании студентов (языковая практика). Когда в условиях и на основе иноязычно-речевой практики вместе с новыми словами человек одновременно усваивает и выражаемые этими словами понятия, тогда как раз и образуются те психофизиологические механизмы, с помощью которых человек полноценно владеет иностранным языком. Таким образом, подчеркивается необходимость обеспечения преподавателем иностранного языка осознанной иноязычной речевой практики. Если основная цель иноязычного обучения – формирование коммуникативной компетенции, то концепция Б.В. Беляева в достаточной степени раскрывает основные психофизиологические механизмы ее формирования через практическое использование слова в живом потоке, его постоянная коллокация с другими словами, создание динамического стереотипа второго языка, обособленного от родного.

Следует особо отметить взгляды психолога Л.С. Выготского. Рассуждая о свойствах внимания, он полагал, что оно отличается ритмичностью, волнобразностью, зажигается и затухает. Такая характерная черта внимания является необходимой для продолжительности его работы. Автор делает педагогический вывод о необходимости организации урока в соответствии с ритмичностью внимания: чтобы на моменты подъема силы внимания приходились наиболее ударные и важные места [1].

Другим важным моментом в процессе формирования внимания студентов является роль установки и педагогическое значение ожидания. Организация учебного материала должна соответствовать объему и длительности протекания установочных реакций; роль ожидания же заключается в необходимости предварительной подготовки соответствующих рабочих органов для предстоящего учебно-познавательного действия. С позиций деятельностного подхода, устойчивость внимания обеспечивается динамичностью процесса учебно-познавательной деятельности, постепенным развитием предмета и раскрытием в нем новых сторон и связей. Другим важным условием сохранения устойчивости внимания является осмысленная связанность изменяющегося содержания, наличие одного центра и сосредоточенность материала вокруг него. Предлагается ряд методов, позволяющих захватить и удержать внимание аудитории. Такими методами могут быть стимулирующий вопрос, анонс подлежащего изучению материала, доступная речь, зрелищная и мультимедийная подача лекции.

С.Л. Рубинштейн выделяет три процесса памяти – запечатление, узнавание и воспроизведение [3]. Представляется важным рассмотреть способы запечатления информации. Они могут быть непроизвольными, сознатель-

ными и систематическими. Необходима такая организация учебной деятельности, при которой запоминание основного материала происходило во время работы студента с ним, а не только во время непосредственного заучивания. Под систематическим запоминанием понимается механическое заучивание, что является менее эффективным способом запоминания по сравнению с непроизвольным и сознательным.

Относительно сознательного запоминания, необходимо выделить две концепции: смысловую (А. Бине, К. Бюлер) и структурную (С.Л. Рубинштейн). В соответствии с первым подходом, успех в запоминании информации заключается во включении подлежащего заучиванию материала в более обширный контекст, установление осмысленных связей. В рамках структурного подхода главенствующей признается роль структуры, а именно, четкое членение и объединение материала посредством его ритмизации, симметричного расположения и т.д. Основные факторы, влияющие на сохранение информации: значимость информации; сознательная установка на запоминание; рабочее состояние; упорядочение и обработка информации. Установлено, что информация забывается быстрее в течение первых пары дней после заучивания, а для эффективного запоминания материала необходимо регулярное повторение.

Важно учитывать разнообразные типы памяти, которые классифицируются по времени сохранения информации; по характеру психической активности; по характеру целей деятельности; по сенсорному восприятию. При обучении иноязычной лексике необходимо задействовать все виды сенсорного восприятия, поскольку чистые типы встречаются редко. Учет когнитивного типа студентов (по характеру психической активности) также играет важную роль.

При формировании иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции необходимо учитывать когнитивные процессы, прямо влияющие на качественное усвоение иноязычной лексики. Важно, зная особенности работы внимания, уметь удерживать его так, чтобы предъявление новой иноязычной лексики было эффективным и способствовало прочному запоминанию.

Библиографический список

1. Жулина, Е.В. "Моцарт психологии", или Научное наследие Л.С. Выготского / Е.В. Жулина, Н.И. Дунаева // Нижегородское образование. – 2021. – № 1. – С. 142-147.
2. Ларченок, Т.В. Психологический аспект формирования иноязычной коммуникативной компетенции / Т.В. Ларченок // Педагогика в современной системе высшей школы: Материалы международной научно-практической конференции, Белгород, 27-28 марта 2018 года. – Белгород: БУКЭиП, 2018. – С. 74-80.

3. Семенов, И.Н. С.Л. Рубинштейн известный и неизвестный: историко-культуральная рефлексия жизнетворчества / И.Н. Семенов // Психология. Журнал ВШЭ. – 2009. – Т. 6, № 3. – С. 63-89.
4. Тылец, В.Г. Интеграция психологического и методического подходов в концепции обучения иностранным языкам Б.В. Беляева / В.Г. Тылец // Известия ТРТУ. – 2006. – № 1(56). – С. 132-141.
5. Федюковский, А.А. О некоторых проблемах профессионального лингвистического образования / А.А. Федюковский // Актуальные проблемы гуманитарных и социальных наук: сборник трудов участников Третьей Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 08 февраля 2016 года. – СПб.: СПбАУ, 2016. – С. 233-243.

M.G. Fedyukovskaya,

St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia, margfe@mail.ru

Psychological aspects of the formation of foreign-language professional lexical competence

The author analyses some psychological issues in the formation of foreign-language professional lexical competence. The continuity of psycholinguistic and linguo-didactic approaches in Russian science is considered. When forming a professionally oriented lexical competence, it is necessary to take into account cognitive processes which directly affect the qualitative assimilation of the foreign vocabulary.

Keywords: competence, communicative competence, attention, capturing information, memorization, foreign language professional lexical competence

УДК 378.02:37.016

А.А. Федюковский,

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия, fedyukovsky@mail.ru

Лингвистические и лингводидактические аспекты формирования иностранной профессионально-ориентированной лексической компетенции

Автор рассматривает некоторые актуальные вопросы формирования иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции как ведущей составляющей иноязычной коммуникативной компетенции. Рассматриваются лингвистические и лингводидактические основы иноязычной лексической компетенции: её компоненты, этапы и принципы формирования.

Ключевые слова: компетенция, коммуникативная компетенция, лексическая компетенция, лексический навык, иноязычная профессионально-ориентированная лексическая компетенция

Формирование иноязычной коммуникативной компетенции, т.е. способности к адекватному взаимодействию с представителями иноязычной культуры, является основной целью при обучении иностранному языку. Корректное владение и оперирование языковым материалом на лексическом уровне способствует достижению поставленной цели. Лингвистическая компетенция, как составная часть коммуникативной компетенции, а также как цель и средство ее формирования, является многогранным явлением и интегративным качеством языковой личности. Она включает в себя лексическую, грамматическую, орографическую, фонологическую, орфоэпическую и семантическую компетенции. Лексическая компетенция – основной компонент коммуникативной компетенции [5].

Лексические единицы представлены, в основном, словами. Понятие слова является настолько многогранным, что дать точное его определение представляется довольно трудной задачей. Для ее решения лингвистической наукой были предприняты попытки определить критерии понятия: графические, фонетические, структурные, грамматические, синтаксические. В настоящее время понятие слова часто определяют с помощью семантического критерия. Исходя из этого, словом можно считать единицу, выражающую определенное понятие, т.е. слово – значимая самостоятельная единица языка, обладающей функцией номинации референтов. Слово грамматически оформлено в соответствии с законами данного языка и является частью предложения, т.е. коммуникативной единицы. Когда студент свободно, корректно и адекватно оперировать словом или словосочетанием, можно сказать, что он знает слово, т.е. знает его формы, значение и употребление.

Иноязычная лексическая компетенция – совокупность языковых сведений об иноязычном слове и знание стратегий обращения с ним [3]. Необходимо отметить многогранный характер содержания лексической компетенции. В ее состав входят мотивационный, когнитивный, деятельностно-практический и рефлексивный компоненты. Мотивационный компонент предполагает наличие цели и мотивов обучения лексике, отвечает за интерес учащихся к изучаемому предмету. Когнитивный компонент предполагает наличие у студентов сформированных знаний о лексике. Деятельностно-практический компонент представляет собой сформированные у студентов умения применять изученные лексические единицы в речевой практике. Рефлексивный компонент отвечает за способность анализировать правильность и уместность использования тех или иных лексических единиц в определенных ситуациях общения.

Частное проявление иноязычной лексической компетенции – иноязычная профессионально-ориентированная лексическая компетенция. Данная компетенция включает способность студентом оперировать соот-

ветствующей лексикой, а также сформированные на ее основе навыки и умения, используемые в различных профессиональных ситуациях [1].

Таким образом, очевидна многогранность иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции. Термин «профессионально-ориентированная» подразумевает необходимость тщательного отбора лексического материала, формирования упражнений, имитирующих ситуации реального профессионального общения. Термин «лексическая» указывает на необходимость учета структурно-содержательных особенностей лексической компетенции, особенностей слова как базовой лексической единицы. Необходимость изучения понятия «лексический навык» диктуется его фундаментальной ролью в процессе формирования иноязычной профессионально-ориентированной лексической компетенции. Необходимыми компонентами лексического навыка являются ассоциативные связи, представляющие собой способность слова образовывать коллокации на синтаксическом уровне, а также связи, скрытые внутри слова, являющиеся его смыслом, содержанием. Чем больше связей создается при изучении слова, тем больше уровень активности слова при его запросе из памяти. Данный эффект достигается при интенсивном использовании в учебном процессе ментальных карт [4].

Формирование лексического навыка должно соответствовать ряду принципов (единство обучения языку и речи, междисциплинарность, групповая работа, учет психологических особенностей студентов) [2].

Для формирования лексических навыков необходимо прохождение трех обязательных этапов: ознакомительного (непосредственное восприятие звукового (и графического) образа слова и осознание лексического значения), тренировочного (использование слова изолированно или в учебном контексте, а также для номинации референта) и итогового (коллокация слова в новых сочетаниях и профессиональных контекстах). Успешное формирование лексических навыков требует четкого следования этапам его формирования, учета его компонентов и принципов.

Библиографический список

1. Бахтер, А.Ю. Компетентностный подход к формированию профессионально ориентированной лексической компетенции / А.Ю. Бахтер // Обучение иностранным языкам – современные проблемы и решения: Сборник материалов II Международной научно-практической конференции имени Е.Н. Солововой, Москва, 06 ноября 2020 года. – Обнинск: ЗАО "Издательство "Титул", 2021. – С. 26-29.
2. Иванова, Л.А. Некоторые аспекты формирования профессионально-ориентированной иноязычной лексической компетенции / Л.А. Иванова, Т.А. Кравченко // На пересечении языков и культур. Актуальные вопросы гуманитарного знания. – 2021. – № 1(19). – С. 140-150.

3. Жданько, О.И. Формирование профессионально ориентированной лексической компетенции в контексте обучения английскому языку для специальных целей в техническом вузе / О.И. Жданько // Перспективы развития лингвистического образования в современном образовательном пространстве: Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, Таганрог, 27–28 октября 2016 года. – Таганрог: Таганрогский технологический институт Южного федерального университета, 2016. – С. 73-77.

4. Федюковская, М.Г. Использование метода mind-mapping при изучении иностранного языка в неязыковом вузе / М.Г. Федюковская // Создание искусственного иноязычного окружения как один из факторов активизации учебной деятельности: сборник статей всероссийской научно-практической конференции (с международным участием), Санкт-Петербург, 31 октября 2022 года. – СПб.: СПбГЭУ, 2022. – С. 82-89.

5. Формирование профессионально-ориентированной лексической компетенции у студентов неязыкового вуза / И.О. Боронихина, Т.С. Бочарева, Н.С. Варфоломеева [и др.] // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2024. – № 5. – С. 64-69.

A.A. Fedyukovsky,
Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University,
St. Petersburg, Russia, fedyukovsky@mail.ru

Linguistic and linguo-didactic aspects of forming the foreign-language professionally focused lexical competence

The author considers some topical issues of forming the foreign-language professionally focused lexical competence as the leading component of foreign-language communicative competence. Some linguistic and linguo-didactic foundations of foreign-language lexical competence are considered: its components, stages and principles of formation.

Key words: competence, communicative competence, lexical competence, lexical skill, foreign-language professionally focused lexical competence

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Ксения Николаевна, кандидат филологических наук, заведующий кафедрой английского языка №2, доцент, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Бирр-Цуркан Лилия Федоровна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Богословская Софья Андреевна, ассистент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Большакова Татьяна Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Боярская Татьяна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры французского языка, Санкт-Петербургский государственный университет.

Верезубова Екатерина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Видишева Светлана Константиновна, старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов ФСК, Белорусский государственный университет.

Виейра Лениа, преподаватель школы Агрупаменто Пионейро де Авиасао, Лиссабон, Португалия.

Внук Татьяна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры доцент кафедры теории и практики немецкого языка Минского государственного лингвистического университета.

Войлокова Елена Аркадьевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры английского языка № 1, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Горбовская Светлана Глебовна, доктор филологических наук, доцент кафедры французского языка, Санкт-Петербургский государственный университет.

Горохова Наталья Эдуардовна, кандидат психологических наук, доцент кафедры английского языка №2, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Грошкова Илона Александровна, ассистент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Гуль Наталия Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Дудина Анжелика Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры лексикологии французского языка, Минский государственный лингвистический университет.

Езан Ирина Евгеньевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Елистратова Елена Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Ивлиева Елена Алексеевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романской филологии, Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена

Казачкова Юлия Александровна, ассистент кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Капилупи Стефано Мария, кандидат философских и филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Кириченко Владислав Владимирович, кандидат филологических наук, старший преподаватель Департамента иностранных языков, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге.

Клименок Александр Владимирович, кандидат филологических наук, преподаватель-исследователь департамента иностранных языков и культур, Университет Лотарингии.

Ковтунова Елена Анатольевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Корышев Михаил Витальевич, кандидат филологических наук, декан филологического факультета, заведующий кафедрой немецкой филологии, Санкт-Петербургский государственный университет.

Котюрова Ирина Аврамовна, заведующая кафедрой немецкого и французского языков Института иностранных языков, Петрозаводский государственный университет.

Кривцова Евгения Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социологических наук социально-психологического института, Кемеровский государственный университет.

Круглова Людмила Васильевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой романо-германской филологии и методики обучения иностранным языкам, Томский государственный педагогический университет.

Кудинова Юлия Игоревна, аспирантка кафедры теории и практики перевода и лингвистики, Волгоградский государственный университет.

Ломоносова Анна Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Лялина Полина Юрьевна, преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, Томский государственный педагогический университет; магистрант Института развития педагогического образования, Томский государственный педагогический университет.

Маевская Вера Аркадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка №2, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Малеева Наталия Михайловна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Мацукина Екатерина Юрьевна, старший преподаватель кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Машко Игнатий Кириллович, аспирант кафедры английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Михайлова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена.

Николаев Вадим Олегович, аспирант 1 курса специальности 5.9.6. – Языки народов зарубежных стран (германские языки), Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина.

Нильсен Евгения Александровна, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой английской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Овчинникова Галина Витальевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры германо-романской филологии, Государственный университет просвещения, Международная полицейская академия, музей-усадьба Л. Н. Толстого «Ясная Поляна».

Павлова Ксения Андреевна, ассистент высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Палехова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Полякова Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Томский государственный педагогический университет.

Решетняк Наталья Владимировна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Селезнева Ирина Петровна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры германо-романской филологии и иноязычного образования, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.

Семенихина Мария Васильевна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Ситникова Татьяна Валерьевна, старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов ФСК, Белорусский государственный университет.

Спиридонова Наталья Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент Высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-петербургский политехнический университет Петра Великого.

Суслова Екатерина Геннадьевна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Теплыгина Ирина Михайловна, старший преподаватель кафедры иностранных языков, Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет.

Тимралиева Юлия Геннадьевна, доктор филологических наук, заведующий кафедрой романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Федюковская Мария Георгиевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры «Педагогика и психология», Санкт-Петербургский университет технологий управления и экономики.

Федюковский Александр Анатольевич, кандидат филологических наук, доцент высшей школы «Лингводидактика и перевод», Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Фокин Сергей Леонидович, доктор филологических наук, профессор кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Фомкин Михаил Семенович, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Фрейдсон Ольга Александровна, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Ходинская Мария Витальевна, старший преподаватель кафедры английского языка естественных факультетов ФСК, Белорусский государственный университет.

Храбрых Римма Александровна, ассистент кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Хэ Цзяфу, аспирант кафедры литературы народов мира, Санкт-Петербургский государственный университет.

Шипова Ирина Алексеевна, доктор филологических наук, профессор кафедры немецкого языка, Московский педагогический государственный университет.

Шнайдер Гюнтер Франк, научный сотрудник, руководитель отделения общеобразовательной подготовки, Высшая школа Циттау/Гёrlitz, Германия.

Ястребова Юлия Валерьевна, старший преподаватель кафедры романо-германской филологии и перевода, Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Студенты и магистранты

Андреева Варвара Игоревна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Васильева Алина Владиславовна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Камышанская Полина Юрьевна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Кивкуцан Александра Витальевна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Краснова Елизавета Николаевна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Красова Алеся Олеговна, студентка факультета романских языков, Минский государственный лингвистический университет.

Лузянин Вадим Витальевич, студент Института иностранных языков, Петрозаводский государственный университет.

Майер Ангелина Сергеевна, студентка факультета иностранных языков, Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева.

Пименова Екатерина Сергеевна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный университет.

Рудевич Софья Денисовна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Сабурова Алсу Гакибовна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Смирнова Анастасия Дмитриевна, студентка направления «Международные отношения: Внешняя политика России и зарубежных стран», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Султанова Аиша Зумрудовна, бакалавр Высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого.

Теплякова Алиса Андреевна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Трембач Полина Александровна, студентка направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Чиченина Мария Игоревна, студентка курса направления «Лингвистика», Санкт-Петербургский государственный экономический университет.

Научное издание

**РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ
В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ**

**Сборник научных статей
по итогам I Всероссийской (национальной)
научной конференции с международным участием**

Санкт-Петербург

18-19 марта 2025 г.

Верстка Л.А. Солдатовой

Подписано в печать 15.05.2025. Формат 60×84 1/16.
Усл. печ. л. 13,25. Тираж 500 экз. Заказ 295.

Издательство СПбГЭУ. 191023, Санкт-Петербург,
наб. канала Грибоедова, д. 30-32, лит. А.

Отпечатано на полиграфической базе СПбГЭУ